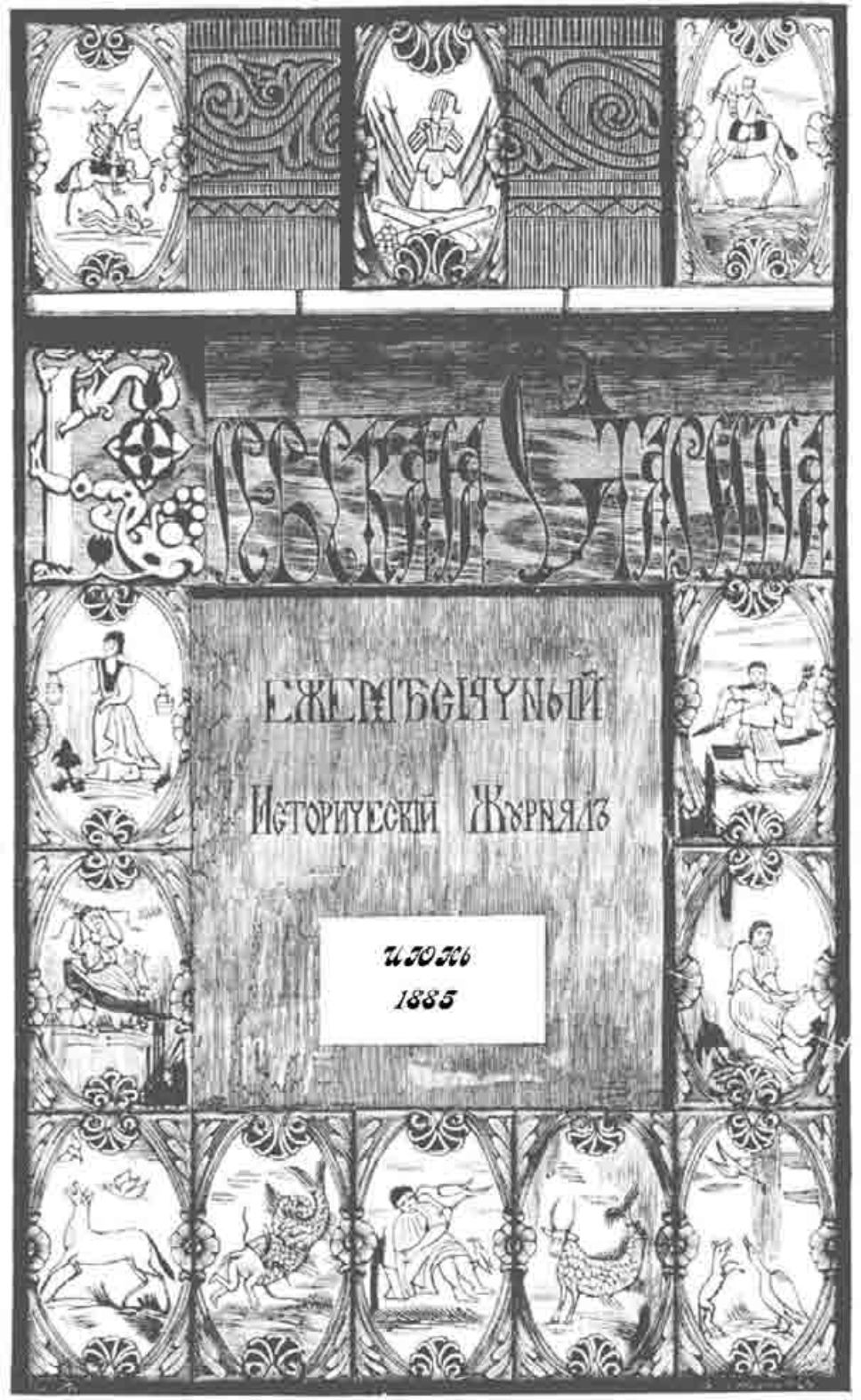

Русская Старина
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
Историческій Журналъ
ИЮНЬ
1885

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюнь, 1885 годъ.

стр.

I. «ДАВЫДОВА БОЖЕНКА». (Изъ лѣтописной топографіи кіевскаго Полѣсья). **М. Андріевскаго** 183

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Окончаніе)*. 205

III. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОСЛѢДНИХЪ ГОДАХЪ ЖИЗНИ Н. И. КОСТОМАРОВА. **В. Беренштама** 219

IV. ОЧЕРКЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФ. А. Ѳ. КИСТЯКОВСКАГО. **Л. Бѣлогриця-Котляревскаго** 228

V. НѢСКОЛЬКО ВСТРѢЧЪ СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ. **А. Кулишъ.** 255

VI. ВОЗЗВАНІЕ КОНФЕДЕРАТОВЪ ВОЕВОДСТВА САНДОМИРСКАГО КЪ РУССКОМУ НАРОДУ. (Около 1733 года) 263

VII. НОВЕЛЛА БОККАЧЬО ВЪ ЮЖНО-РУССКОМЪ СТИХОТВОРНОМЪ ПЕРЕСКАЗѢ XVII—XVIII СТ. 273

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники Русской Старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. П. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь. С.-Петербургъ, 1885 г. (Съ приложеніемъ художественнаго альбома).—*И. Беркута.*—б) А. Дмитріевскій. Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при кіевской академіи. «Прав. Обозр.» 1885 г. и отд. оттиски.—*П. В.*—в) В. Б. Антоновичъ. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I. Кіевъ. 1885 года.—*И. Каманина* 307

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Разгадка «малорусской исторической шарады».—*Читателя.*—б) Къ дѣлу о началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ.—*Ивана Матченка.*—в) Изъ народныхъ воспоминаній объ О. М. Гладкомъ и возвратившихся съ нимъ запорожцахъ.—*В. Василенка.*—г) Черти въ продажѣ.—*Прибыльскаго.*—д) Случай изъ жизни Н. И. Костомарова.—*N.*—е) Какъ сажали въ старину людей старыхъ на лубокъ.—*П. Литвиновой.*—ж) Памяти одного кіевскаго педагога.—*И. Каманина.*—з) Пѣсня на исходъ запорожцевъ за Дунай.—Сообщ. *П. И. Зуйченко* 329

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) *(Продолженіе)*. . . . . 161—761.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1885 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XII.

ІЮНЬ.

1885 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлов.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го мая 1885 года.

„ДАВЫДОВА БОЖЕНКА".

(Изъ лѣтописной топографіи кіевскаго Полѣсья).

Просматривая не разъ извѣстныя, драгоцѣнныя «Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи» Похилевича, я всегда останавливался надъ замѣткой, помѣщенной въ этой книгѣ при описаніи села Глѣбовки, лежащаго при Днѣпрѣ, выше Вышгорода и устья Ирпени, и принадлежащаго къ древнѣйшимъ въ окрестностяхъ Кіева. «Въ полуверстѣ отъ селенія, гласитъ эта замѣтка, по дорогѣ въ Ясногородку (лежащую тоже при Днѣпрѣ, выше Глѣбовки), уединенно стоитъ деревянная каплица (часовня) съ образами святыхъ, а внутри ея находится колодезь. Каплица эта и колодезь очень древни, но о времени и причинѣ построенія ихъ не сохранилось у жителей преданій» [1]). Что первоначальное возникновеніе этой часовни могло быть отнесено къ глубокой древности,—это казалось мнѣ довольно вѣроятнымъ, въ противномъ случаѣ традиція о поводѣ построенія часовни едва-ли могла-бы быть столь радикально забыта на мѣстѣ ея существованія, въ близъ лежащей Глѣбовкѣ, какъ въ этомъ пришлось мнѣ и самому убѣдиться.

Должно быть, въ силу того психологическаго факта, что все таинственное имѣетъ свойство съ особенною силою приковывать къ себѣ наше вниманіе, мнѣ не разъ приходилось, перебирая въ своей памяти дошедшія до насъ лѣтописныя свидѣтельства, относящіяся къ кіевскому Полѣсью, вспоминать приведенную замѣтку о часовнѣ

[1]) Сказанія... Кіевъ, 1884 г., стр. 107.

у Глѣбовки, и я рѣшился, наконецъ, попробовать, не удастся-ли мнѣ, при помощи анализа этихъ немногихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ и сопоставленія ихъ какъ между собою, такъ и съ топографическими данными, представляемыми занимающею насъ мѣстностью, набрести хотя на кой-какіе слѣды, которые повели-бы къ раскрытію причины существованія таинственной часовни въ этой мѣстности.

Подъ 1150-мъ годомъ въ ипатской лѣтописи (стр. 289) идетъ чрезвычайно бойкій, полный драматизма и бытовыхъ подробностей разсказъ о борьбѣ волынскаго князя Изяслава Мстиславовича съ дядею Юріемъ суздальскимъ, Долгорукимъ, за обладаніе Кіевомъ. Юрій, сидѣвшій въ Кіевѣ, въ виду внезапнаго наступленія Изяслава съ воями на Кіевъ, убѣжалъ за Днѣпръ, въ свой «городець вострьскій», что теперь Остеръ, уѣздный городъ черниговской губерніи. Между тѣмъ Володимерко галицкій, извѣстный своимъ хитроумiемъ, вкрадчивостью и вѣроломствомъ, союзникъ и пріятель Юрія, преслѣдовавшій Изяслава, при его движеніи къ Кіеву, по пятамъ, остановился у Мичьска, что теперь Радомысль, уѣздный городъ кіевской губерніи [1]). Съ Володимеркомъ была и родня Юрьева: сынъ Юрія Андрей, прозванный впослѣдствіи Боголюбскимъ, и двоюродный братъ Юрія Володимеръ Андреевичъ [2]). Володимерко, узнавъ у Мичьска, что Изяславъ очутился уже въ Кіевѣ, а Юрій въ Городцѣ, разсердился на своихъ союзниковъ и, обругавъ бывшую съ нимъ родню Юрьеву, вернулся отъ Мичьска домой, а Андрей и Владиміръ отправились изъ Мичьска, какъ выражается лѣтопись: *«туда, на устье Припети, на Давыдову боженку* [3]), *въ острьскій городокъ* къ Юрію» [4]).

---

[1]) Собственно городище *Мыкъ-городъ* (Мыцко), предмѣстье Радомысля, между р. Тетеревомъ и его притокомъ Мыкою.

[2]) Андрей княжилъ въ то время въ г. Пересопницѣ на Волыни, а Владиміръ, должно быть, въ г. Дорогобужѣ, на Волыни-же.

[3]) *Божница, бóженка, божóнка* — часовня надъ алтаремъ сломанной церкви; надъ родникомъ; на мѣстѣ, почему-либо особенно чтимомъ; для выставки кружки на подаяніе; на распутіи, для освященія нечистаго по понятіямъ народа и пр. (Словарь Даля).

[4]) Объ этомъ-же самомъ фактѣ повторяется въ тѣхъ-же самыхъ выраженіяхъ и нѣсколько ниже (Ипат. лѣт., стр. 290).

Лѣтопись лаврентьевская (стр. 313), разсказывая подъ тѣмъ-же самымъ годомъ и о томъ-же самомъ фактѣ, не упоминая ни о Владимірѣ Андреевичѣ, ни объ устьи Припети, ни о боженкѣ, говоритъ объ одномъ лишь Андреѣ Юрьичѣ и о какомъ-то селѣ или урочищѣ Воровичь (Воровича или Воровиче): «Андрей-же перебреде Днѣпръ *на Воровичь* и иде въ городокъ».

Когда на картѣ Стрѣльбицкаго я провелъ прямую линію отъ Радомысля до Остра, то меня тотчасъ поразило, что линія эта пересѣкла Днѣпръ именно между Глѣбовкой и Ясногородкой, стало быть, приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ загадочная часовня у села Глѣбовки (см. прилож. планъ). Еще болѣе поразило меня при этомъ сопоставленіе имени лѣтописной *Давыдовой* боженки съ именемъ села *Глѣбовки* въ виду того, что христіанское имя Давида носилъ, какъ извѣстно, св. страстотерпецъ Глѣбъ.

Совпаденіе положенія лѣтописной Давыдовой боженки съ мѣстностью между Глѣбовкой и Ясногородкой подкрѣпляется и слѣдующими соображеніями. Изъ приведенныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ видно, что у Давыдовой боженки былъ бродъ черезъ Днѣпръ. Броды обыкновенно бывали и бываютъ въ такихъ мѣстахъ рѣки, гдѣ существуютъ значительныя косы и мели, а въ этой-то мѣстности, противъ Ясногородки, и въ настоящее время существуетъ очень значительная мель, одна изъ значительнѣйшихъ на всемъ среднемъ теченіи рѣки и хорошо извѣстная капитанамъ пароходовъ, какъ представляющая значительное препятствіе для судоходства [1]).

Обратимъ теперь вниманіе на этимологію имени села или урочища Воровичь, упоминаемаго въ лаврентьевской лѣтописи. Имя это имѣетъ самое близкое отношеніе именно къ мели и къ броду: для того, чтобы препятствовать переходу съ одного берега рѣки на другой, на бродахъ устраивались *воры*, т. е. загражденія изъ кольевъ [2]).

[1]) Наиболѣе значительныя мели на Днѣпрѣ, въ его среднемъ теченіи, по Словарю Смѣнова, находятся противъ деревни *Теремцы* и селъ *Ясногородки* и *Скоромья*. О мели у Ясногородки см. въ Справочной Книжкѣ, изданной обществомъ пароходства по Днѣпру (Кіевъ, 1883 года).

[2]) Это видно, напр., изъ слѣдующаго свидѣтельства псковской лѣтописи (подъ 1407 года): «князь Местеръ, събравъ силы многія... прiиде .. въ землю псковскую, а псковичи поидоша противу нимъ и урѣтоша ихъ на броду у Выбути,

Подъ 1161-мъ годомъ ипатская лѣтопись (стр. 352), разсказывая о движеніи Изяслава Давыдовича изъ Чернигова для отнятія Кіева отъ княжившаго въ немъ Ростислава Мстиславовича, говоритъ: «Изяславъ пошелъ *за Вышгородъ, къ божницѣ*, потому что тутъ и Днѣпръ сталъ, между тѣмъ какъ въ другомъ мѣстѣ не сталъ еще нигдѣ, и *тутъ, перейдя Днѣпръ у боженки*, пошелъ къ Кіеву». Хотя божница, или боженка и не названа въ этомъ свидѣтельствѣ Давыдовой, но обозначеніе ея положенія: «за Вышгородомъ» по отношенію, конечно, къ Кіеву, въ которомъ жилъ лѣтописецъ, а также упоминаніе о ней въ связи съ упоминаніемъ о переходѣ черезъ Днѣпръ, кажется, съ достаточною ясностью указываютъ на то, что это не иная какая-либо боженка надъ Днѣпромъ, но та-же самая «Давыдова боженка», о которой шла рѣчь въ той-же лѣтописи выше, подъ 1150-мъ годомъ, и которая, конечно, хорошо была извѣстна кіевлянамъ [1]).

Вотъ и всѣ лѣтописныя свидѣтельства объ интересующей насъ мѣстности.

Трудно, мнѣ кажется, допустить, чтобы съ одной стороны это совпаденіе топографическаго положенія лѣтописной Давыдовой боженки съ положеніемъ теперешней часовни у Глѣбовки, съ другой—соотвѣтствіе имени боженки съ именемъ села Глѣбовки были не болѣе, какъ причудливое сцѣпленіе простыхъ случайностей. Изъ лѣтописнаго упоминанія, столь-же случайнаго, какъ и приведенное

а броды вси бяху заворены вораии, и стояша погани 4 дни и многажды хотяху перебрести и не возмогоша, Псковичемъ бьющемся съ ними, и пойдоша прочь». *Во́ры*—заворы, забойка, колóва, сваи (Словарь Даля).

[1]) Упоминаніе въ приведенномъ выше свидѣтельствѣ объ устьи Принети подало поводъ искать Давыдовой боженки у этого устья (*Погодинъ*, Изслѣдованія и пр., т. IV, стр. 182; *Похилевичъ*, Сказанія, стр. 151). Прямая линія, проведенная отъ Радомысля къ Острy, пересѣкаетъ Днѣпръ верстахъ въ 34 хъ *ниже* устья Принети; проѣзжая дорога могла, конечно, подходить и нѣсколько ближе по направленію къ этому устью; во всякомъ случаѣ очевидно, что лѣтописецъ воспользовался именемъ столь извѣстной рѣки, «на устье Принети», лишь для *общаго приблизительнаго* указанія на направленіе пути, приложивъ сейчасъ-же къ этому указанію еще и другое, болѣе частное и точное: «на Давыдову боженку». Подобные приведенному лѣтописному пріемы указанія обычны и теперь въ языкѣ. Ср. «наздогнавъ ін у степу, що теперъ за Мирополлямъ,—*туди, до Гордіевки*» (Малорусскія народныя предавія, Кіевъ, 1876, стр. 226).

нами выше упоминаніе о Давыдовой боженкѣ, дошло до насъ свѣдѣніе о существованіи въ древности «Летьской», т. е. «Альтской» божницы на р. Альтѣ, на мѣстѣ убіенія, или, какъ выражается лѣтопись, «на крови» св. страстотерпца Бориса—Романа (подъ 1154-мъ годомъ, Лавр. лѣт., 326, Ипат., 328). Едва-ли будетъ слишкомъ смѣлымъ, по аналогіи, предположить, что и лѣтописная «Давыдова боженка» первоначально поставлена была въ ознаменованіе и въ память такого-же факта изъ исторіи другого брата—страстотерпца, св. Глѣба, въ крещеніи Давида.

Извѣстно, что преданіе объ убіеніи св. Бориса и Глѣба есть одно изъ трогательнѣйшихъ древне-русскихъ преданій, имѣвшее глубокое нравственное вліяніе какъ на князей, такъ и на народъ. Извѣстно также, что отъ древности дошло до насъ два сочиненія, воспроизводящія это преданіе: одно, принадлежащее *Нестору*, названному лѣтописцемъ, другое на основаніи очень вѣскихъ доводовъ приписываемое обыкновенно черноризцу *Іакову*. Произведеніе Нестора можетъ быть названо *повѣстью*, такъ какъ оно имѣетъ въ виду полное изложеніе житія св. братьевъ, между тѣмъ какъ произведеніе Іакова есть собственно *сказаніе* о мученической ихъ кончинѣ [1]). Какъ извѣстно, вопросъ объ отношеніи между этими житіями, въ особенности о противорѣчіяхъ между ними, очень живо занималъ въ свое время многихъ ученыхъ и породилъ значительную научную литературу, и то обстоятельство, что *лѣтописный* разсказъ о св. братьяхъ согласуется не съ повѣстью Нестора, но со сказаніемъ Іакова, послужило однимъ изъ существенныхъ возраженій противъ господствовавшаго прежде мнѣнія о томъ, что лѣтопись, въ цѣломъ своемъ составѣ, написана Несторомъ, что въ свою очередь повело къ анализу состава лѣтописи, столь плодотворному для дальнѣйшей разработки древне-русской исторіи.

Выдвинутое мною предположеніе о лѣтописной «Давыдовой боженкѣ», какъ о боженкѣ, поставленной въ ознаменованіе какого-то событія изъ исторіи св. Глѣба или Давида, подаетъ поводъ и даже обязываетъ меня къ пересмотру вопроса о противорѣчіяхъ между

[1]) Доказательства принадлежности сказанія Іакову развиваются у преосв. *Филарета* («Обзоръ русской духовной литературы»), *Макарія* («Исторія рус-

упомянутыми двумя житіями,—вопроса, который научною критикою считается какъ-бы окончательно уже порѣшеннымъ въ пользу большей достовѣрности сказанія Іакова.

Противорѣчія эти могутъ быть сведены къ слѣдующимъ двумъ главнымъ пунктамъ:

а) По повѣсти Нестора, *Борисъ*, во время смерти отца, княжилъ во *Владимірѣ на Волыни*, а по сказанію Іакова—*въ Ростовѣ*, хотя оба житія сходятся въ томъ, что Борисъ какъ-бы временно и случайно находился въ то время въ *переяславской* области.

б) По повѣсти Нестора, *Глѣбъ*, не имѣя еще удѣла, жилъ въ Кіевѣ; по смерти отца, узнавъ о злыхъ замыслахъ Святополка, бѣжалъ изъ Кіева въ лодьѣ вверхъ по рѣкѣ (конечно по Днѣпру, который однако въ повѣсти не названъ) въ сѣверныя страны, но былъ настигнутъ убійцами (гдѣ—не сказано) и убитъ. По сказанію Іакова, Глѣбъ княжилъ и находился въ *Муромѣ* и, на пути изъ Мурома въ Кіевъ (будто-бы по *Волгѣ*, мимо устья *Тьмы*[1]), мимо *Смоленска*), былъ убитъ при устьи *р. Смядыни*, нѣсколько ниже Смоленска.

Очевидно, что для разрѣшенія этихъ противорѣчій и тѣхъ недоразумѣній, которыя ими возбуждаются и которыя на разные лады были объясняемы разными изслѣдователями, необходимо прежде всего рѣшить общій вопросъ о распредѣленіи удѣловъ между сыновьями Владиміра святого. Если намъ удастся разрѣшить этотъ вопросъ, то это и дастъ намъ точку опоры для того, чтобы ознаться и въ преданіяхъ о странствованіяхъ и смерти св. Бориса и Глѣба.

Изъ свода и сопоставленія всѣхъ дошедшихъ до насъ историческихъ извѣстій о распредѣленіи удѣловъ между сыновьями св. Владиміра[2]) слѣдуетъ предположить, что въ княженіе Владиміра св. такихъ распредѣленій было три.

ской церкви»), у *Погодина*, *Срезневскаго*, *Бестужева-Рюмина* («О составѣ русскихъ лѣтописей»). *Г. Иловайскій* («Исторія Россіи», ч. I, прим. 58-е) наоборотъ считаетъ житіе, приписываемое Іакову, сочиненіемъ болѣе поздняго и менѣе заслуживающимъ довѣрія, чѣмъ повѣсть Нестора.

[1]) *Тьма*—небольшой лѣвый притокъ, впадающій въ Волгу немного выше Твери.

[2]) Извѣстія эти сведены у *Бестужева-Рюмина*: «О составѣ русск. лѣтоп.», Приложенія, стр. 19.

1) Первоначальное распредѣленіе областей между сыновьями сдѣлано было Владиміромъ вслѣдъ за крещеніемъ Руси, въ 988 году (Лавр. 118, Ипат. 83). На первый взглядъ кажется чрезвычайно страннымъ, что въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ объ этомъ распредѣленіи не упоминается вовсе о древнѣйшихъ и важнѣйшихъ городахъ русскихъ, какъ Черниговъ и Переяславъ, о которыхъ упоминается еще въ договорахъ Руси съ греками. Изъ дальнѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстій о распредѣленіи областей между вѣтвями династіи св. Владиміра мы видимъ, что Муромъ принадлежалъ къ черниговской области, къ которой принадлежалъ также и «градъ Тмутаракань», а Ростовъ къ переяславской [1]). Такая группировка земель основывалась, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ даннымъ, на этнографическомъ сродствѣ славяно-русскаго населенія этихъ областей [2]). Обыкновенно думаютъ, что эта группировка ведетъ свое начало со времени Ярослава; но едва-ли это такъ. Вся разница между извѣстіемъ о распредѣленіи, сдѣланномъ Владиміромъ, и свидѣтельствомъ о распредѣленіи, сдѣланномъ Ярославомъ, какъ мнѣ кажется, заключается лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ упоминаются только окраинные города, или колоніи, а во второмъ, наоборотъ, лишь главные, или метрополіи. Что князья при Владимірѣ св. жили по большей части въ окраинныхъ городахъ, естественно объясняется интересами охраненія, колонизаціи и устройства колоній, а главное—насажденія въ нихъ, среди инородческаго населенія, христіанства, на что прямо указываютъ и нѣкоторыя историческія свидѣтельства [3]). Такъ какъ князья во времена Владиміра св. жили по большей части въ окраинныхъ городахъ, то естественно, что въ народной памяти (и у лѣтописцевъ, которые писали объ этихъ временахъ *лишь по преданіямъ*) удержались тѣ только города, въ которыхъ князья жили. Итакъ, на основаніи этихъ

---

[1]) Это ясно видно изъ исторіи Мстислава тмутараканскаго, Олега Святославича, Владиміра Мономаха, Юрія Суздальскаго и пр.

[2]) О сродствѣ населенія Тмутаракани съ населеніемъ сѣверной земли см. *И. Барсова*: «Очерки рос. исторической географіи», стр. 131.

[3]) «Посла съ ними и священники, заповѣдая сыномъ своимъ, да кождо по области своей повелѣваетъ учити и крестити людей и церкви ставити; еже и бысть». (П. С. Р. Л., т. II, стр. 259; Степ. кн., т. I, стр. 151, 153). Ср. Исторію русской церкви, *Макарія* во 2-му изданію, т. I, стр. 21.

соображеній, слѣдуетъ предположить, что по первоначальному распредѣленію областей, сдѣланному Владиміромъ св., Черниговъ съ Муромомъ и Тмутараканемъ достался *Мстиславу* (который былъ старше Ярослава), а Переяславъ съ Ростовомъ *Ярославу*, подобно тому, какъ по смерти Ярослава Черниговъ съ Муромомъ и Тмутараканемъ достался *Святославу* (который былъ старше Всеволода), а Переяславъ съ Ростовомъ *Всеволоду*. При этомъ первоначальномъ распредѣленіи ни Борисъ, ни Глѣбъ не получили удѣловъ, по всей вѣроятности, по своему малолѣтству.

2) Свидѣтельство Нестора о томъ, что Борисъ сперва жилъ при отцѣ, а потомъ получилъ городъ Владиміръ на Волыни, указываетъ какъ-бы на то, что вслѣдъ за первоначальнымъ распредѣленіемъ послѣдовало по какому-то неизвѣстному намъ поводу новое распредѣленіе [1]).

3) Подъ 1010-мъ годомъ читаемъ у Татищева: «Преставися въ Новгородѣ Вышеславъ (который тамъ княжилъ, стало быть, съ 988 по 1010 годъ, т. е. около 11-ти лѣтъ), и далъ Владиміръ Новгородъ Ярославу, а Борису Ростовъ, Ярославлю отчину, *Глѣбу, брату его, Муромъ, отчину Борисову*». По этому извѣстію выходитъ, что въ Муромѣ до смерти Вышеслава княжилъ Борисъ, а послѣ смерти Вышеслава Глѣбъ. Но дѣло въ томъ, что *ни Борисъ, ни Глѣбъ не могли княжить въ Муромѣ*, такъ какъ этотъ городъ принадлежалъ Мстиславу Тмутараканскому. До смерти Вышеслава Борисъ княжилъ, по свидѣтельству Нестора, не въ Муромѣ, но во Владимірѣ волынскомъ; стало быть по смерти Вышеслава Глѣбъ могъ получить *эту* вотчину Борисову, т. е. Владиміръ на Волыни [2]).

---

[1]) Что могло послужить поводомъ къ тому, объ этомъ можно лишь догадываться. Въ 991-мъ году, стало быть, спустя всего три года послѣ первоначальнаго распредѣленія, въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе о походѣ Владиміра св. на хорватовъ, т. е. въ Карпатскую Русь. Къ этому-то времени и относится, б. м., занятіе Владиміромъ Червоной Руси, въ которую онъ и могъ перевести изъ сосѣдняго съ нею Владиміра-волынскаго *Всеволода*, посадивъ вмѣсто него *Бориса*.

[2]) Лѣтописецъ какъ о первоначальномъ распредѣленіи, такъ и о томъ, которое произошло по смерти Вышеслава, говоритъ подъ 988-мъ годомъ, но очевидно, что онъ говоритъ объ этихъ разныхъ распредѣленіяхъ, о которыхъ дошли до него сбивчивыя свѣдѣнія, подъ однимъ годомъ ради того только, чтобы сразу покончить съ этимъ предметомъ.

Въ дѣйствительности событія могли происходить такъ:

Борисъ, получивши въ 1010 году, вмѣсто Владиміра, Переяславъ и Ростовъ, отправился къ окраинную, ростовскую, часть своего удѣла для ея обозрѣнія и устройства. Въ Кидекши на р. Нерли сохранилось преданіе о мѣстѣ, гдѣ было становище св. Бориса во время его пути (Ср. въ преданіи объ Ольгѣ: «и суть *становища* ею и ловища») [1]). Но въ 1015 году, во время смерти Владиміра св., мы видимъ Бориса *въ его центральной, переяславской области*, защищающимъ ее отъ печенѣговъ [2]). Прогнавши печенѣговъ, онъ узналъ о смерти отца и поспѣшилъ въ Кіевъ, но на пути изъ Переяслава былъ убитъ на р. Альтѣ 26 іюля.

Что касается Глѣба, княжившаго на Волыни, то онъ, получивши вѣсть о смерти отца, должно полагать, отправился съ дружиною своею изъ своего княжества въ лодьѣ внизъ по Припети и по Днѣпру, и здѣсь то, ниже устья Припети, въ пустынномъ мѣстѣ, на днѣпровскомъ бродѣ близъ теперешней Глѣбовки, какъ слѣдуетъ предполагать, и поджидали его убійцы, которые и совершили убійство 5-го сентября.

Должно быть, еще въ княженіе Ярослава, послѣ вписанія св. Бориса и Глѣба въ синодикъ (1021 г.), на мѣстѣ убіенія Бориса была поставлена божница, называемая, по мѣстности, «Летьскою», а на мѣстѣ поверженія убійцами тѣла Глѣбова — «Давыдова боженка» [3]). Быть можетъ, около этого-же времени, возникъ и *Летьчь* монастырь, откуда принесъ въ монастырь печерскій тотъ

[1]) Подъ 1159-мъ годомъ (Лавр. лѣт., стр. 331) въ спискахъ Радзивиловскомъ и моск. дух. академіи: «преставися Борисъ Гюргевичъ и положиша братья и въ церкви святою мученику, юже бѣ создалъ отець ихъ Гюрги (княжившій въ Суздалѣ 1096—1155) на Нерли, идеже бяше становище *святаго Бориса*».

[2]) Стало быть, не безъ историческаго основанія въ нѣкоторыхъ варіантахъ извѣстнаго поэтическаго преданія, связываемаго съ такъ называемыми «змѣевыми валами», какъ побѣдитель змія, выступаетъ св. Борисъ и неразлучно связанный съ нимъ Глѣбъ.

[3]) Подъ 1117-мъ годомъ въ лѣтописи (Лавр., стр. 277, Ипат., стр. 205) упоминается о закладкѣ Владиміромъ Мономахомъ *каменной* церкви св. мучениковъ на Альтѣ. Подъ 1154-мъ (Лавр., стр. 326, Ипат., стр. 328) читаемъ: «много зла створиша половци около Переяславля: пожгоша бо села вся и летьскую божницю и святою мученику (церковь) зажгоша». Очевидно, что здѣсь отличается церковь отъ божницы. Церковь *каменная* была заложена въ 1117-мъ году, а

самый Іаковъ мнихъ, которому приписывается сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ [1]).

Предполагаю, что преданіе, воспроизведенное Несторомъ, могло составиться въ правобережной (по отношенію къ Днѣпру) Руси, гдѣ живѣе помнилось княженіе Бориса во Владимирѣ на Волыни и гдѣ существовала Давыдова боженка, между тѣмъ какъ преданіе, воспроизведенное Іаковомъ, могло составиться въ лѣвобере́жной Руси, гдѣ живѣе помнилось княженіе Бориса въ Переяславлѣ и Ростовѣ и гдѣ очень мало знали о Глѣбѣ.

Теперь спрашивается, какимъ-же образомъ въ лѣвобережной Руси могло сложиться преданіе о княженіи Глѣба въ Муромѣ, въ которомъ онъ никогда не княжилъ?

Не слѣдуетъ забывать, что главною цѣлью составителей житій была вообще не строгая провѣрка историческихъ фактовъ, но поученіе, воздѣйствованіе на религіозное чувство читателей, которое возбуждалось тѣми или другими *общими* представленіями. Вотъ подъ эти-то представленія, незамѣтно даже для самихъ составителей житій, могли подгоняться и самые факты. Глубокое и трогательное религіозное чувство неудержимо стремилось *ту неразрывную связь св. братьевъ, которою соединила ихъ мученическая кончина, перенести и на обстоятельства ихъ земной жизни.* Естественнымъ образомъ возникло представленіе, что они и при жизни были очень дружны между собою и оба были любимцами отца. На основаніи этого представленія народное преданіе приписало Владиміру св. желаніе, чтобы они владѣли и сосѣдственными областями, вслѣдствіе чего онъ, давши Борису ростовскую область, далъ будто-бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, Глѣбу *сосѣдственную съ нею* область муромскую. Путешествіе Бориса, не задолго до смерти отца, изъ ростовской обла-

---

божница, а также, по всей вѣроятности, и *деревянная* церковь существовали, конечно, гораздо раньше.

[1]) См. подъ 1074-мъ годомъ (Лавр., стр. 181, Ипат., стр. 131). *Эрбенъ* («Nestoruv Letopis, Praga», 1867) совершенно правильно читаетъ: «летьча» и подразумѣваетъ: «монастыря»; такое чтеніе прямо вытекаетъ какъ изъ этимологической формы слова (летьчь — «прилагат. отъ «лѣто»), такъ и изъ контекста, въ которомъ монастырю *печерскому* противополагается *летьчь*. А если это чтеніе вѣрно, то очевидно, что уже въ 1074-мъ году былъ монастырь на Альтѣ, а божница могла существовать тамъ и гораздо раньше.

сти рѣчнымъ путемъ въ Русь переносится на Глѣба, вслѣдствіе чего и возникло представленіе, что Глѣбъ изъ Мурома плылъ по ростовскому пути (какъ-бы на Ростовъ) и былъ убитъ у Смоленска при устьи Смядыни. Само собою разумѣется, что это преданіе о княженіи Глѣба въ Муромѣ могло сложиться лишь много лѣтъ спустя послѣ смерти Мстислава Тмутараканскаго († 1034), когда воспоминаніе о принадлежности ему, при Владимірѣ св. и Ярославѣ, Мурома и о самой личности этого князя-богатыря, «иже зарѣза Редедю предъ плъкы касожьскыми», значительно затемнилось и изгладилось.

Обыкновенно думаютъ, что Несторъ, составляя свою повѣсть, не зналъ о существованіи сказанія Іакова. Мнѣ кажется это вполнѣ невѣроятнымъ, и не только на основаніи сопоставленія внѣшнихъ обстоятельствъ жизни обоихъ авторовъ (Ѳеодосій печерскій, при кончинѣ своей, въ 1074 году, предлагалъ Іакова въ преемники себѣ, а Несторъ пришелъ въ монастырь вскорѣ послѣ смерти Ѳеодосія), но и на основаніи сличенія самыхъ ихъ сочиненій. Несторъ пользуется сказаніемъ Іакова, какъ матеріаломъ, который онъ находитъ нужнымъ обработать по своему, сглаживая собственныя имена мѣстъ и лицъ и нѣкоторыя живыя бытовыя подробности, которыя, по тогдашнему церковному взгляду, усвоенному изъ Византіи, казались въ оффиціальномъ, такъ сказать, житіи неумѣстными [1]). Въ разсказѣ о Борисѣ, за исключеніемъ показанія объ удѣлѣ Бориса, онъ вообще слѣдуетъ за Іаковомъ; въ разсказѣ-же о Глѣбѣ онъ измѣняетъ разсказъ Іакова, хотя и согласуется съ нимъ вполнѣ при описаніи мѣста, гдѣ было повержено тѣло Глѣба и гдѣ оно потомъ найдено было ловцами. Слѣдуетъ думать, что Несторъ измѣнялъ разсказъ Іакова согласно тѣмъ, уже смутнымъ воспоминаніямъ, которыя могли еще сохраняться въ его время въ Кіевѣ и вообще въ правобережной Руси и которыя ему казались болѣе достовѣрными, чѣмъ то

[1]) Отношеніе между сказаніемъ Іакова и повѣстью Нестора разъясняется у *Е. Голубинскаго* (Исторія русской церкви, 1-я половина 1-го тома, стр. 620). Кромѣ того, замѣтки объ отношеніи между этими двумя произведеніями съ литературной точки зрѣнія см. у *И. И. Хрущова* (О древнерусскихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ, глава 2-я).

лѣвобережное преданіе, которое воспроизведено было Іаковомъ [1]). Такимъ образомъ повѣсть Нестора представляетъ не только литературную *переработку* сказанія Іакова, но и какъ-бы нѣкотораго рода *провѣрку* его и *поправку* къ нему.

Сказаніе Іакова мниха гораздо болѣе пришлось по душѣ читателямъ, чѣмъ повѣсть Несторова. И для каждаго безпристрастнаго читателя ясно, что это сказаніе, не смотря на то, что безъискусственное народное преданіе и украшается въ немъ цвѣтами краснорѣчія, все таки по своимъ художественнымъ достоинствамъ, по индивидуализаціи и обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, по глубинѣ психологическаго анализа, по изображенію живыхъ бытовыхъ подробностей, наконецъ по выраженію искренности и задушевности религіознаго чувства, несравненно выше повѣсти Нестора, отличающейся риторической, условной общностью изображеній. Сказаніе Іакова распространилось въ гораздо большемъ числѣ списковъ, чѣмъ повѣсть Нестора [2]). Не изъ повѣсти Нестора, а изъ сказанія Іакова извлеченіе или сокращеніе вошло и въ первоначальный, Сильвестровскій лѣтописный сводъ и, согласно этому, и въ текстѣ самой лѣтописи, подъ 988-мъ годомъ, въ извѣстіи о распредѣленіи удѣловъ между сыновьями св. Владиміра, замѣчено, что по смерти Вышеслава Глѣбъ получилъ Муромъ [3]). Должно полагать, что подъ вліяніемъ письменно установившагося преданія о княженіи Глѣба въ Муромѣ и о путешествіи его въ Русь чрезъ область ростовскую и первоначальное мѣстное преданіе о становищѣ св. Бориса въ Кидекши на р. Нерли

---

[1]) Въ представленіи самаго Нестора путешествіе Глѣба въ Кіевъ изъ Волыни могло быть смѣшано съ отправленіемъ его на Волынь, по полученіи этого удѣла, вверхъ по Днѣпру. Но могло быть и такъ, что Глѣбъ, прибывъ въ Кіевъ и узнавъ о злыхъ замыслахъ Святополка, тотчасъ отправился обратно, но былъ настигнутъ на пути и убитъ.

[2]) Списковъ сказанія Іакова насчитывается 14-ть, изъ коихъ одинъ отрывокъ относится къ XII-му вѣку, между тѣмъ какъ повѣсть Нестора найдена лишь въ двухъ спискахъ.

[3]) Преосв. *Макарій* (Исторія рус. церкви, т. I, стр. 21, прим.) замѣчаетъ, что «извѣстіе о сопротивленіи муромцевъ св. Глѣбу (пытавшемуся просвѣтить ихъ св. вѣрою) основывается только на рукописномъ житіи князя муромскаго Константина, которое составлено уже въ XVI вѣкѣ, *содержитъ въ себѣ немало несообразностей, отличается напыщенностью и преувеличеніями*».

стало пріурочиваться не къ одному только Борису, но и къ Глѣбу; наконецъ подъ тѣмъ-же вліяніемъ могло утвердиться и преданіе объ убіеніи Глѣба на Смядыни близъ Смоленска [1]).

Но существованіе «Давыдовой боженки», упоминаемой въ ипатской лѣтописи подъ 1150-мъ и безъименно подъ 1161-мъ годомъ, надъ Днѣпромъ близъ теперешняго села Глѣбовки бросаетъ яркій лучъ свѣта въ эту темную глубину древности и, въ связи съ показаніями Нестора, свидѣтельствуетъ о томъ, что преданіе, воспроизведенное Іаковомъ, успѣхомъ своимъ обязано не столько исторической дѣйствительности, сколько подкупавшимъ читателей высокимъ художественнымъ своимъ достоинствамъ.

Не смотря на фактическія противорѣчія, въ особенности по отношенію къ св. Глѣбу, о которыхъ у насъ была рѣчь выше, есть однако въ обоихъ интересующихъ насъ житіяхъ, по отношенію къ обстоятельствамъ мученической кончины св. Глѣба, и нѣчто вполнѣ согласное и даже тождественное. Это—описаніе прибрежной мѣстности, въ которой повержено было убійцами тѣло св. Глѣба и которая въ обоихъ житіяхъ рисуется вполнѣ тождественными чертами, а также разсказъ объ обстоятельствахъ обрѣтенія тѣла св. Глѣба въ этой мѣстности ловцами. Видно, что обстоятельства и обстановка этого звѣрскаго закланія невиннаго отрока, жаждавшаго жизни, трепетавшаго предъ страхомъ смерти и съ воплями

---

[1]) Замѣчательно, что и при устьи Смядыни, нынѣ пересохшей, за Свирскимъ предмѣстьемъ г. Смоленска, въ полуверстѣ отъ него, стоитъ едва замѣтная, убогая часовня надъ колодяземъ, какъ и близъ Глѣбовки. Въ позднѣйшихъ письменныхъ памятникахъ (въ Прологѣ XIV в., во 2-й софійской лѣтописи, въ никоновской, новгородской попа Іоанна, Степ. книгѣ и др.) о чудесахъ, бывшихъ на мѣстѣ погребенія св. братьевъ въ Вышгородѣ, какъ это изложено у Іакова и Нестора, говорится, какъ о чудесахъ происходившихъ на мѣстѣ поверженія тѣла св. Глѣба на Смядыни до перенесенія его въ Смоленскъ, а оттуда въ Вышгородъ. Изъ этихъ повѣствованій можно, кажется, усмотрѣть, какъ вышгородскія преданія съ теченіемъ времени пріурочивались къ Смоленску. Авторъ «Историко-статистическаго описанія смоленской епархіи» (Спб., 1864 г., стр. 210) какъ-бы съ недоумѣніемъ замѣчаетъ: «вся Русь поминала въ молитвахъ св. страстотерпцевъ, призывала ихъ на помощь въ минуты опасности, строила имъ храмы и монастыри: въ Кіевѣ, Переяславѣ, Черниговѣ, Владимірѣ и др. городахъ, въ Смоленскѣ-же, на мѣстѣ обагренномъ кровью св. Глѣба, не существовало ни монастыря, ни храма до княженія Ростислава Мстиславича» (1127—1159).

умолявшаго убійцъ о пощадѣ,—этотъ отчаянный, раздиравшій душу дѣтскій крикъ, огласившій пустынныя днѣпровскія дебри, въ особенности сильно поразили чувство и воображеніе какъ свидѣтелей убійства, такъ и народную массу, и отчетливо запечатлѣлись въ народной памяти. Не даромъ обстоятельства убійства Глѣба переносятся въ нѣкоторыхъ легендахъ и въ духовныхъ стихахъ и на Бориса [1]). Оба житія согласно повѣствуютъ, что тѣло Глѣба, убитаго въ лодьѣ, во время плаванія, было выброшено убійцами *на берегъ рѣки, въ пустынномъ мѣстѣ, въ лѣсу, и повержено межи двѣма колодами*. Въ послѣднихъ словахъ г. Иловайскій видитъ указаніе на существовавшій обычай погребенія и передаетъ ихъ такъ: «тѣло его было *заключено* между двумя колодами, т. е. *выдолбленными обрубками*, и *зарыто* въ лѣсу [2]). Но такое толкованіе прямо противорѣчитъ житіямъ, по которымъ тѣло Глѣба долгое время лежало непогребеннымъ, совершенно открытымъ [3]). Мнѣ кажется, чтобы понять надлежащимъ образомъ это мѣсто, необходимо, отказавшись отъ «умничанья», имѣть въ виду, что разсматриваемыя нами житія основаны на народныхъ преданіяхъ, долгое время (по меньшей мѣрѣ около сорока лѣтъ) переходившихъ изъ устъ въ уста. Изъ этого конечно не слѣдуетъ, что факты, передаваемые въ житіяхъ, выдуманы или по меньшей мѣрѣ не имѣютъ реальнаго основанія, но слѣдуетъ только то, что эти факты передаются при помощи тѣхъ пріемовъ, которые для подобныхъ случаевъ обычны въ народной поэзіи. «Межи двѣма колодами»—это просто тѣ образы, въ которые привыкли облекаться народная мысль и народное чувство въ разсказахъ, подобныхъ настоящему. Такіе пріемы и образы замѣчаются въ житіяхъ не въ одномъ случаѣ, но нерѣдки и въ народной поэзіи.

Въ одной гайдамацкой пѣснѣ разсказъ объ убійствѣ польскаго пана заканчивается такъ:

[1]) Въ Лавр. лѣт., подъ 1263-мъ годомъ (стр. 456) разсказано видѣніе, въ которомъ Глѣбъ и Борисъ изображаются *плывущи по морю въ насадѣ*.

[2]) Исторія Россіи, ч. I, стр. 91-я.

[3]) «Тѣло Глѣбово найдено ловцами совершенно цѣлымъ, ни мало не измѣнившимся и не поврежденнымъ ни отъ плотоядныхъ звѣрей, ни отъ вліянія стихій, *хотя около пяти лѣтъ лежало безъ всякой защиты*» (*Макарій*, Исторія рос. церкви., т. I, стр. 91).

«Въ зеленій дибровѣ гроши поличили,
Зъ холоднои криниченьки могоричъ запили;
Пидъ гнилу колоду пана пидкотили».

Въ другомъ варіантѣ читаемъ:

«*На гнилий колодѣ* гроши поличили,
Тамъ мы твого пана спати положили;
За свидкивъ стояли дубы та березы».

(См. у Чубинскаго, т. V, стр. 243 и 903).

«Гнилая колода» и «болотная вода»—это типическія черты лѣсной глуши и въ великорусской народной поэзіи. Въ духовномъ стихѣ объ Іоасафѣ царевичѣ пустыня говоритъ:

«Во мнѣ, во пустынѣ
Гнилая колода, болотная вода!»

Совершенно въ духѣ народной поэзіи изображается убійство святыхъ страстотерпцевъ въ многочисленныхъ варіантахъ распѣваемаго въ Великороссіи духовнаго стиха о нихъ, почерпнувшаго свое содержаніе конечно уже изъ житій, но переносящаго обстоятельства убійства св. Глѣба и на Бориса:

«Терзалъ онъ (Святополкій) тѣлеса святыхъ
И *промежду двухъ кладъ* погрузиша».

«Въ топки болота отволочаючи,
Подъ гнилу колоду подкладаючи» [1]).

Ясно, что въ словахъ житій *межи двѣма колодами* разумѣется обстановка убійства Глѣба, а не обычай погребенія. И дѣйствительно, мѣстность Глѣбовки удивительно соотвѣтствуетъ той обстановкѣ поверженія тѣла Глѣбова убійцами и обрѣтенія его ловцами, которая согласно изображена какъ у Іакова, такъ и у Нестора. Дикою, глухою и пустынною была, конечно, въ древности придніѣпровская мѣстность того, и теперь довольно пустыннаго, уголка кіевскаго Полѣсья, гдѣ теперь стоитъ часовня у села Глѣбовки. Что эта мѣстность «за Вышгородомъ» была въ глубокой древности поприщемъ лововъ для смѣлыхъ ловцовъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ идущее изъ глубокой древности извѣстное преданіе о Лютѣ Свѣцельдичѣ, пріурочиваемое къ теперешнему селу Лютежу, между Вышгородомъ и Глѣбовкой, которое и теперь стоитъ среди боль-

[1]) *П. Безсоновъ*. «Калѣки перехожіе», ч. I.

шихъ лѣсовъ. Кромѣ того, въ лѣтописи не разъ упоминается о княжескихъ ловахъ «за Вышгородомъ» [1]). Да и теперь лѣса, простирающіеся въ этой мѣстности (т. н. «дымерскіе», по м. Дымеру, находящемуся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Глѣбовкой), славны своею обширностью и хорошимъ качествомъ. Прежде водились въ нихъ медвѣди, росомахи, бобры, а дикія козы, кабаны, лоси, волки и пр. попадаются и теперь [2]).

Что касается мѣстности при устьи р. Смядыни близъ Смоленска, то едва-ли и въ древности она могла быть пустынною, такъ такъ она находилась подъ самымъ городомъ, который былъ политическимъ центромъ цѣлаго отдѣльнаго племени, слѣдовательно не могъ быть незначительнымъ и малонаселеннымъ.

Во всякомъ случаѣ загадочная часовня у Глѣбовки, соотвѣтствующая по всѣмъ видимостямъ лѣтописной Давыдовой боженкѣ, представляетъ очень любопытный примѣръ переживанья традиціи о какомъ-то фактѣ: чего ради первоначально построена была на этомъ мѣстѣ часовня, это, по какимъ-то неуловимымъ причинамъ, давнымъ давно было уже забыто, а самая часовня продолжала поддерживаться и возобновляться усердіемъ благочестивыхъ людей.

Хотя я и провелъ всѣ свои школьные годы въ Кіевѣ и хотя мнѣ не разъ случалось въ то время бывать въ разныхъ его окрестностяхъ, однако къ сѣверу отъ Кіева дальше кирилловскаго монастыря мнѣ ни разу не случалось тогда проникнуть. Съ изъѣстной галлереи, окружающей церковь Андрея Первозваннаго, мнѣ нерѣдко приходилось всматриваться въ таинственную тогда для меня синеву, покрывавшую гору вышгородскую, но ни въ Вышгородѣ, ни въ скрывающемся за нимъ отъ взора Межигорьи, о которомъ я такъ много слышалъ, мнѣ ни разу не пришлось въ тѣ времена побывать.

Лѣтомъ 1883-го года, послѣ продолжительныхъ странствованій по другимъ мѣстамъ, пришлось мнѣ прибыть и въ богоспасаемый Кіевъ. Пользуясь этимъ случаемъ, я положилъ себѣ исполнить на этотъ разъ давнишнее мое желаніе—посѣтить давно интересовав-

---

[1]) Подъ 1091 г. (Ипат., стр. 150, Лавр., стр. 307), 1180 (Ипат., стр. 416) 1193 (Ипат., стр. 455).

[2]) *Похилевичъ*, Сказанія, стр. 11-я.

шій меня уголокъ кіевскаго Полѣсья «за Вышгородомъ». Внѣшнія обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали моему предпріятію; оставалось только, хоть это казалось и довольно труднымъ, найти себѣ подходящаго спутника. Сверхъ всякаго чаянія, послѣ непродолжительныхъ поисковъ, желанный спутникъ нашелся въ лицѣ моего стараго знакомца и пріятеля Н. С. Т.

Въ одно прекрасное утро мы прибыли на пристань «Общества пароходства по Днѣпру и пр.» и взяли билеты на пароходъ, отходившій вверхъ, по кіево-нинской линіи. Когда пароходъ отвалилъ, мы вышли на палубу и оставались тамъ почти все время, вплоть до прибытія къ глѣбовской пристани, созерцая красоты днѣпровскихъ видовъ. День былъ пасмурный, не жаркій; небо обложено было сѣренькими дождевыми облаками, дулъ сѣверный вѣтеръ, по временамъ нанося собою мелкій дождикъ.

Почти на половинѣ теченія Днѣпра между Кіевомъ и Вышгородомъ, ближе впрочемъ къ послѣднему, впадаетъ въ Днѣпръ съ черниговской стороны *р. Десна*, вслѣдствіе чего, въ былое время князья черниговскіе, идучи съ воями своими изъ Чернигова, лежавшаго на правой сторонѣ Десны, на Кіевъ (какъ сдѣлалъ это въ 1161 году и упомянутый мною выше Изяславъ Давыдовичъ), и обратно князья кіевскіе, идучи на Черниговъ, переправлялись черезъ Днѣпръ выше впаденія Десны, подъ Вышгородомъ или еще выше, избѣгая такимъ образомъ переправы черезъ Десну.

Пароходъ прошелъ мимо устья Десны, и мы стали приближаться къ *Вышгороду*. Гора вышгородская, въ цѣпи горъ придніпровскихъ, образуетъ какъ-бы полукруглый мысъ, выдавшійся къ востоку. Самое село Вышгородъ со своими хатами и огородами не представляетъ ничего особеннаго. Это самое обыкновенное, притомъ маленькое украинское село. Только высящаяся на горѣ небольшая изящная каменная церковь палеваго цвѣта съ темнозеленою желѣзною кровлею, построенная на мѣстѣ знаменитой, «мученической», св. Бориса и Глѣба, составляетъ особенность села, нисколько не гармонируя съ окружающею ее сельскою обстановкою.

Огибая гору вышгородскую, пароходъ поворачиваетъ къ сѣверо-западу, и Кіевъ скрывается отъ взоровъ за вышгородскою горою. До села Новыхъ Петровецъ, на протяженіи четырехъ верстъ, пароходъ идетъ подъ самыми горами. Вотъ тутъ-то, между Вышгоро-

домъ и Новыми Петровцами, и скрывается знаменитое *межиорское удолье, или ущелье*, съ протекающимъ въ глубинѣ его и впадающимъ въ Днѣпръ ручьемъ («Звонки»). Темнымъ зеленымъ пятномъ, полнымъ тѣни и прохлады, рѣзко выдается оно среди окрестной горной мѣстности, вообще бѣдной растительностью.

Начиная отъ Новыхъ Петровецъ днѣпровскія горы снова, какъ между Кіевомъ и Вышгородомъ, отступаютъ отъ Днѣпра къ западу и значительно понижаются, переходя постепенно въ волнистую равнину, перерѣзываемую широкою низменностью, или *впадиною рѣки Ирпени* съ ея протоками и рукавами. На этихъ постепенно понижающихся возвышенностяхъ, которыя виднѣлись намъ вдали съ запада, въ глубинѣ такъ сказать сцены, расположены села: *Старые Петровцы, Лютежъ*, еще глубже *Демидовъ*, на сѣверномъ берегу нижней Ирпени, затѣмъ ближе къ Днѣпру деревня *Борки*, на южной сторонѣ устья Ирпени, и село *Казаровичи*—на сѣверной. Начиная отъ Новыхъ Петровецъ оба берега Днѣпра становятся похожими другъ на друга, представляя необозримую луговую равнину, перерѣзываемую теченіемъ рѣки съ ея многочисленными протоками (рѣчицами) и островами.

Глѣбовская пристань находится тотчасъ за впаденіемъ въ Днѣпръ небольшой рѣчки, которая называется «Пѣховка», или «рѣкша» (должно быть, уменьшительное отъ «рѣка», стало быть «рѣчка»), на которой верстахъ въ двухъ отъ днѣпровскаго берега, прямо къ западу, расположено и самое село Глѣбовка. Глѣбовки впрочемъ съ парохода не было видно, такъ какъ мѣстность эта лѣсиста. Глѣбовская пристань отъ кіевской отстоитъ въ 36-ти верстахъ, отъ Вышгорода въ 22, отъ устья Ирпени въ восьми, и плаванье наше къ ней длилось около трехъ часовъ. Это одна изъ незначительныхъ пристаней на Днѣпрѣ. Пароходъ останавливается здѣсь ради набиранія дровъ.

Съ прибытіемъ нашимъ къ глѣбовской пристани погода немного поправилась, небо прояснилось. Отправившись по дорогѣ къ Глѣбовкѣ, мы очутились, такъ сказать, въ глубинѣ кіевскаго Полѣсья. Дорога шла лѣсомъ, и вдругъ передъ нами неожиданность: мы увидѣли передъ собою болото, образованное теченіемъ «рѣкши» Пѣховки и расширившееся отъ дождей на значительное пространство. Впрочемъ это не вязкая трясина, въ которой можно увязнуть,

но покрытая водою лѣсная низина съ илисто-песчанымъ дномъ, совершенно твердымъ, словно полъ, вымощенный мраморными плитками. Съ лѣвой стороны дороги ручей былъ загроможденъ исполинскимъ трупомъ дерева-великана, «гнилою колодою», какихъ должно быть есть много въ этой лѣсной глуши. Убѣдившись въ невозможности перебраться черезъ низину по упомянутой колодѣ, мы поскидали обувь и съ немалымъ удовольствіемъ вступили въ свѣжую, проточную струю низины. Небо почти совершенно прояснилось; сквозь лѣсную чащу стали проскальзывать золотистые лучи солнца, отражаясь въ водѣ. До Глѣбовки намъ пришлось еще нѣсколько разъ разуваться и обуваться, такъ какъ и дальше встрѣчались, хотя и меньшія, чѣмъ пройденная нами, но все-же значительныя низины и лужи.

Село Глѣбовка лежитъ среди большаго пролѣсья на отлогой возвышенности, которая едва замѣтно подымается надъ уровнемъ пространства, пройденнаго нами отъ берега Днѣпра. Послѣднее есть не что иное, какъ лугъ Днѣпра, а возвышенность, на которой расположена Глѣбовка, не что иное, какъ продолженіе цѣпи днѣпровскихъ горъ, понизившихся до самой незначительной высоты и почти сравнявшихся съ лугомъ. Отъ церковнаго «цвинтаря» узенькія, кривыя улицы расходятся въ разныя стороны. На одной изъ улицъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ «цвинтаря», церковно-приходская школа, а на другой, тоже въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ церковью, домъ, въ которомъ помѣщается «батюшка». Мы подошли къ школѣ. Школа старая и убогая хатка съ маленькимъ дворикомъ, бокомъ прислоненная къ улицѣ. Внутренняя обстановка этого «класса», или, что тоже, жилища учителя, поразила насъ своею нищетою. Когда мы вошли, учитель, по имени О., человѣкъ пожилой, сидя за громаднымъ столомъ (во время «науки», зимою, исправляющемъ должность «партъ») занимался перепиской клировыхъ вѣдомостей (жалованья ему мужики лѣтомъ не даютъ). Относительно часовни: кѣмъ, когда и по какому поводу она построена, онъ не слыхалъ ничего; за этими свѣдѣніями совѣтовалъ онъ намъ обратиться къ батюшкѣ. Мы оставили нѣкоторыя наши вещи у О. съ тѣмъ, чтобы, сдѣлавши визитъ батюшкѣ, отправиться налегкѣ къ часовнѣ. Батюшка, старикъ, изъ великороссіянъ, живетъ въ Глѣбовкѣ издавна, но о времени и причинѣ построенія часовни также ничего не слы-

халъ и за интересовавшими насъ свѣдѣніями рекомендовалъ обратиться къ благочинному.

Мы вышли изъ села въ сѣверо-восточномъ направленіи, по дорогѣ въ Ясногородку. Отошедши съ четверть версты отъ центра села, мы вступили въ сосновый лѣсъ съ песчаною, бугристою почвою. Дорога идетъ по окраинѣ того возвышеннаго пространства, на которомъ расположена и Глѣбовка: влѣво—возвышенное пространство, вправо—низменное, луговое. Возвышенное пространство, поросшее боромъ, и луговая низменность, густо поросшая лещиною (орѣшникомъ) и вообще чернолѣсьемъ, очень рѣзко отграничиваются другъ отъ друга. Верхушки деревьевъ луга находятся почти на одномъ уровнѣ съ дорогой, по которой мы шли. Мы шли и поглядывали вправо и наконецъ увидѣли чуть замѣтную тропу, спускающуюся по откосу внизъ, къ лугу, въ глубину чащи. Сдѣлавши нѣсколько шаговъ по этой тропинкѣ, мы замѣтили внизу, значительно ниже уровня дороги, черный металлическій крестъ и черную, покрытую мхомъ, кровлю часовни. Скоро мы увидѣли ее всю. Часовня представляетъ собою большой деревянный срубъ правильной восьмигранной пирамидальной формы, должно быть, сажени двѣ въ діаметрѣ. Она сложена изъ прочныхъ толстыхъ тесанныхъ бревенъ, сильно почернѣвшихъ отъ времени и не имѣетъ оконъ. Тропинка ведетъ прямо къ низкой, маленькой двери, ведущей во внутренность часовни, освѣщаемую лишь тѣмъ полусвѣтомъ, который проникаетъ въ нее чрезъ эту дверь. Внутри часовни, въ центрѣ ея, находится низенькій квадратный срубъ («цямрины») криницы, въ которой вода стоитъ почти на одномъ уровнѣ съ поломъ часовни. На срубѣ лежалъ черпакъ изъ березовой коры, прикрѣпленный къ срубу веревочкой. На стѣнѣ, противоположной входу и обращенной прямо къ востоку, установлены иконы. Всѣхъ иконъ я насчиталъ семь. Одна изъ нихъ, св. Владиміра, выше всѣхъ, на значительной высотѣ, по срединѣ стѣны, малого размѣра, новая, окаймленная розовою кисейною занавѣской, съ лампадкой. Значительно ниже этой, какъ-бы главной, иконы установлены рядомъ шесть иконъ, считая отъ сѣвера къ югу, въ такомъ порядкѣ: 1) св. Параскевы, 2) Спасителя, 3) св. Николая, 4) Божіей Матери, 5) Спасителя, 6) изображающая нѣсколько св. лицъ, изъ коихъ замѣтнѣе прочихъ Петръ и Павелъ. Первая, вторая и чет-

вертая иконы новыя; третья и пятая старыя, писанныя на деревѣ; краски ихъ сильно полиняли и выѣтрились. Внизу пятой иконы надпись: «Року 1769 мѣсяца марта дня 7»; на третьей иконѣ сверху: «свѣтитель Христовъ Никóлай», внизу: «1769 мѣс. мая 12 дня». Шестая икона очень древняя, писана на полотнѣ, теперь уже полуистлѣвшемъ, масляными красками, сильно почернѣвшими отъ времени. Должно полагать, что это чья-нибудь семейная икона, изображающая патроновъ всей семьи. Стѣны внутри часовни, особенно передпія, ближе къ выходу, кругомъ, даже на значительной высотѣ, испещрены надписями посѣтителей часовни, сдѣланными ножикомъ, карандашемъ, уголькомъ и мѣломъ на русскомъ и польскомъ языкахъ. Всѣхъ надписей мы конечно не могли пересмотрѣть, такъ какъ ихъ цѣлая масса и такъ какъ многія изъ нихъ находятся очень высоко. Надписи состоятъ по большей части изъ обозначенія именъ и фамилій посѣтителей, нерѣдко года, иногда и мѣсяца и дня посѣщенія. Изрѣдка впрочемъ встрѣчаются и эпиграфы въ родѣ: «Byłem i wodę piłem: woda dobra». Встрѣчаются надписи даже 1805 года. Встрѣтивъ крупную, четкую надпись: «1824 roku, Adam Mickiewicz», мы пришли въ недоумѣніе. О. потомъ разъяснилъ намъ, что въ селѣ Казаровичахъ былъ поссессоръ Адамъ Мицкевичъ, который и сдѣлалъ эту надпись. Пробовалъ я и воду изъ криницы и никакъ не могъ согласиться съ надписью, гласящею, что «woda dobra»: вода въ значительной степени отзывается болотомъ. Я обошелъ вокругъ часовни и замѣтилъ, что здѣсь начинается луговая низина, что почва покрыта мхомъ и пропитана водою. Часовня стоитъ на самой границѣ между возвышеннымъ пространствомъ, тянущимся отъ Глѣбовки, и луговой днѣпровской низменностію, о которыхъ была рѣчь выше. Несомнѣнно, что когда-нибудь, въ болѣе или менѣе отдаленной древности, здѣсь былъ берегъ рѣки и что криница и часовня, если онѣ тогда существовали, находились на самомъ берегу.

Когда мы, возвращаясь отъ часовни, поднялись по тропинкѣ опять на дорогу, вправо отъ дороги, противъ начала тропинки, стало быть, вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ часовни, мы замѣтили большіе бугры, или горбы довольно правильной полусферической формы, поросшіе соснами, а пройдя по дорогѣ къ Глѣбовкѣ, подальше впрочемъ отъ дороги, мы замѣтили линію возвышенности въ родѣ вала, простирающуюся по опушкѣ лѣса перпендикулярно по отношенію къ дорогѣ. Мы долго присматривались сперва къ буграмъ, а потомъ къ возвышенности, стараясь опредѣлить, природныя-ли это

поднятія почвы, или искусственныя насыпи; но ничего однако не могли рѣшить. Бугры казались будто природные, а возвышенность будто насыпной валъ, представляющій одну изъ сторонъ городища или остатокъ такъ называемаго «Зміевaго вала» [1]).

Солнце склонялось уже къ западу, когда мы вернулись къ О. У него пробыли мы немного времени, въ теченіи котораго онъ разъяснилъ намъ, что икону своего патрона, св. Владиміра, по освященіи ея въ церкви 15-го іюля 1880 года, поставилъ въ часовнѣ помѣщикъ села Казаровичъ, Владиміръ Ивановичъ Ляшкевичъ. Вода освящается въ часовнѣ иногда на Ооминой недѣлѣ, если кто закажетъ батюшкѣ такое водосвятіе.

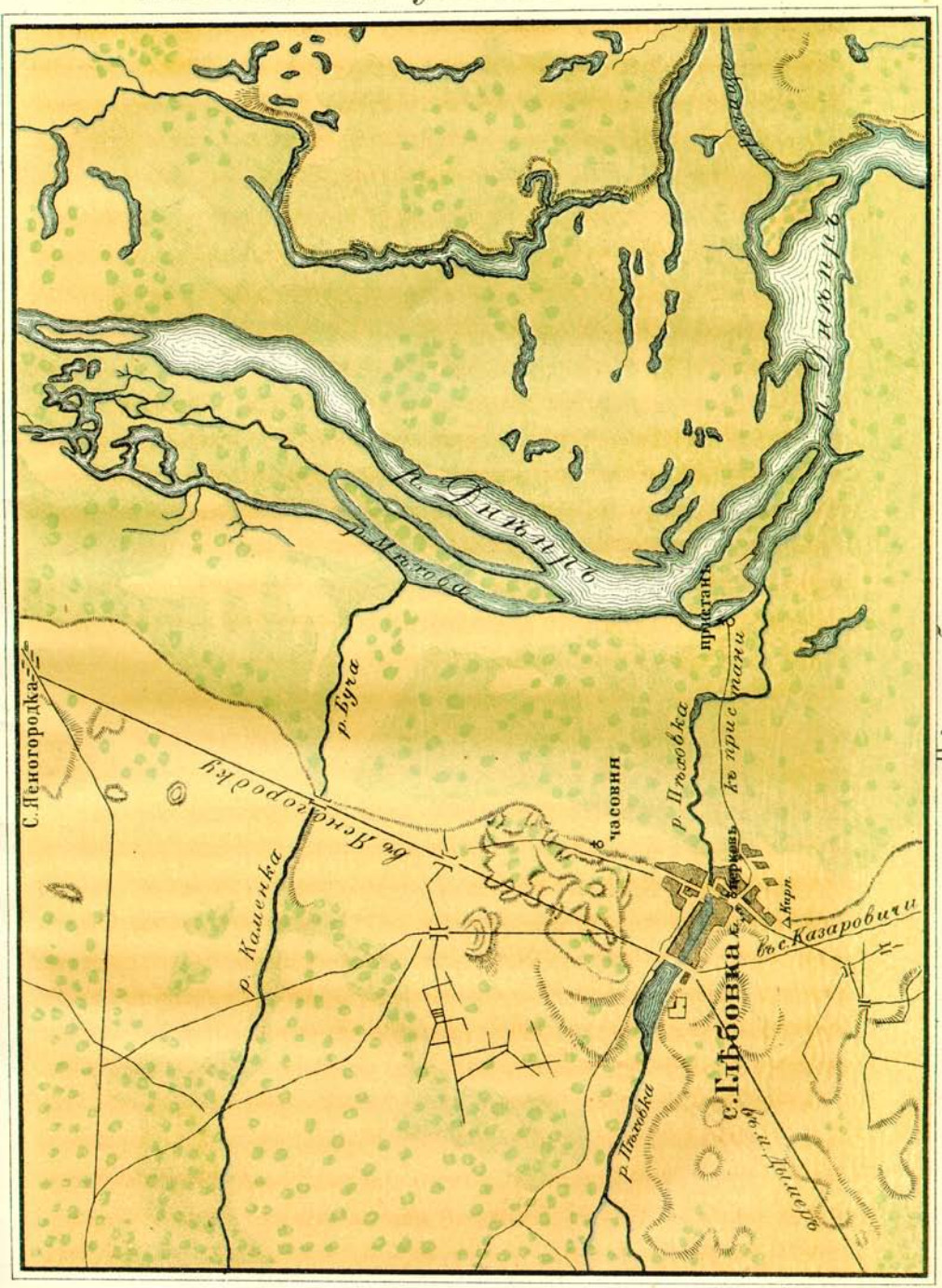
Сколько я ни допытывался у О., не слыхалъ-ли онъ о томъ, кто, когда и по какому поводу построилъ или возобновилъ эту часовню,—ничего яснаго не могъ узнать. Онъ говорилъ что-то о какомъ-то *Ивицкомъ*, отставномъ солдатѣ что-ли, проживавшемъ и имѣвшемъ свое хозяйство въ Глѣбовкѣ, который вслѣдствіе какихъ-то личныхъ или семейныхъ приключившихся съ нимъ обстоятельствъ, *поновилъ* эту часовню. Когда я, прощаясь съ О., просилъ его разспросить у старыхъ людей поосновательнѣе, не припомнятъ-ли они, кѣмъ, когда и по какому поводу выстроена часовня, не бывало-ли въ прежнія времена въ какой-нибудь урочный день крестныхъ ходовъ къ ней, не взято-ли какихъ старинныхъ иконъ изъ нея въ церковь и пр., въ разговоръ нашъ вмѣшалась О-ва жена: «Эге, скажуть! перебила она; теперъ такій гаспидьскій народъ наставъ... Зачни про се питати, то вони таке тоби загнуть, що й на вики одцураешься про те досвидчуватись»!

Такова-то была наша лѣтняя экскурсія къ глѣбовской часовнѣ. Тамъ-ли точно стоитъ эта часовня, гдѣ стояла лѣтописная «Давыдова боженка», предоставляю рѣшить это другимъ; но если всѣ эти мои гаданья ошибочны, въ такомъ случаѣ все таки останутся открытыми вопросы, съ одной стороны: по какому поводу возникла часовня у Глѣбовки и чего ради село названо Глѣбовкой, съ другой: гдѣ-же стояла лѣтописная «Давыдова боженка» надъ Днѣпромъ и чего ради она называлась Давыдовой?

г. Екатеринославъ. **М. Андріевскій.**

[1]) На картѣ, приложенной къ статьѣ *В. Антоновича*: «Зміевы валы» (Кіевская Старина 1884 г., мартъ), обозначена часть вала, тянущаяся по направленію отъ Запада къ Востоку южнѣе м. Дымера. Быть можетъ валъ этотъ оканчивался, упираясь въ Днѣпръ, именно здѣсь у Глѣбовки.

ПЛАНЪ
мѣстности у села Глѣбовки



ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(*Окончаніе*) [1]).

XIX.

Главною причиною паденія Польши были, какъ мы уже видѣли, во первыхъ анархія и произволъ шляхты, ни съ кѣмъ не считавшейся и никого не признававшей, кромѣ себя, а во вторыхъ и по преимуществу фанатизмъ польско-католическаго духовенства, направленный къ уничтоженію греко-восточной вѣры, и нетерпимость самихъ поляковъ, задавшихся цѣлью ополяченія всего православнаго населенія южной Россіи.

Послѣ паденія Костюшки наступилъ третій раздѣлъ Польши и съ 1796 г. польское государство исчезаетъ на картѣ Европы. Дѣйствительность показала, что нѣкому было защищать цѣлость государства, и это естественно. Крестьянинъ былъ только собственностью помѣщика; также мало заботилась Польша и о мѣщанахъ, среди которыхъ сложилась поговорка: «Одъ Кіева до Кракова всюды бида однакова». Такимъ образомъ народъ польскій представляли собою едва сто тысячъ душъ дворянъ, болѣе заботившихся о самихъ себѣ, нежели объ интересахъ государства. Кто-же долженъ былъ защищать Польшу? Извѣстно изъ исторіи, каково было состояніе Руси во время присоединенія ея къ Польшѣ; въ ней были богатые земяне, многочисленное и состоятельное мѣщанство и свободное крестьянское сословіе; состояніе-же ея въ моментъ отдѣленія отъ

[1]) См. майск. кн. «Кіевской Старины», 1885 г., стр. 21—43.

Польши сами поляки опредѣляютъ словами: «весь народъ состоитъ изъ пона и хлопа». Короче сказать: безсильный король, полновластные магнаты, необузданная шляхта, фанатическое духовенство, оставленное въ пренебреженіи мѣщанство, подавленное и безправное крестьянство и покровительствуемые евреи—вотъ элементы, изъ которыхъ слагалось польское государство.

Но главною причиною паденія Польши былъ, какъ мы уже говорили выше, религіозный фанатизмъ и происходящая отсюда манія ополяченія Руси, которыя, возбуждая жалобы и протесты со стороны послѣдней, давали поводъ къ вмѣшательству иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла Польши. Сперва иностранные послы требуютъ для диссидентовъ свободы вѣроисповѣданія, затѣмъ требованія ихъ поддерживаются вооруженною силою, между тѣмъ поляки не додумались до того, что надо искать помощи внутри государства, а не за его предѣлами, и не съумѣли воспользоваться данными элементами для созданія великаго государства. Въ Польшѣ преслѣдовалась политика, основанная на іезуитскомъ принципѣ, по которому «государство держится единствомъ вѣры». Дѣйствительность показала однако, что римско-религіозные интересы не были тождественны съ интересами государственными.

Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій былъ православнымъ, что однако не мѣшало ему быть вѣрнымъ слугою короля католика и врагомъ православной Москвы, которой онъ нанесъ тяжкое пораженіе подъ Оршею. Сравненіе Польши съ Римомъ оказалось невѣрнымъ, потому что, уничтожая Карѳагенъ, Римъ уничтожалъ своего соперника, тогда какъ Польша истребленіемъ Руси терзала собственное тѣло. Вся исторія Польши отъ начала до конца представляетъ борьбу государственнаго и аристократическаго начала съ принципомъ равенства, котораго домогались отъ нановъ сперва низшіе слои общества, затѣмъ мелкая польская шляхта и наконецъ козаки. Но Польша чѣмъ начала, тѣмъ и кончила: до самаго паденія ея, шляхта не хотѣла признать ни права поземельной собственности, ни личной свободы за сословіями нешляхетными, вопреки врожденнымъ понятіямъ и старинными институціямъ славянскихъ племенъ. Если Польша погибла, то именно потому, что гербовое дворянство ничего не хотѣло уступить изъ своихъ привиллегій другимъ классамъ населенія.

Въ 1807 г. Наполеонъ I изъ части отобранныхъ отъ Пруссіи польскихъ земель образовалъ особое княжество варшавское, къ которому въ 1809 г. присоединилъ часть западной Галичины, т. е. воеводства: подляское, люблинское и сандомірское, но тотъ-же самый Наполеонъ выразился о полякахъ, что «этотъ народъ въ самомъ характерѣ своемъ носитъ зародышъ своей гибели».

Послѣ паденія Наполеона, дипломаты задумали на вѣнскомъ конгрессѣ снова раздѣлить княжество варшавское, но въ это время оно было занято русскими войсками и поляки обратились къ императору Александру I съ просьбою не выдавать ихъ нѣмцамъ. Александръ I возстановилъ до нѣкоторой степени польское государство, принявъ титулъ польскаго короля, чѣмъ заслужилъ безграничную благодарность поляковъ. Онъ ставилъ поляковъ въ примѣръ русскимъ, отдѣлилъ Польшу отъ Россіи, ввелъ для нея особыя пошлины, пожертвовалъ собственный капиталъ для основанія банка въ Варшавѣ и т. д.

XX.

Мы говорили уже о преслѣдованіи вообще диссидентовъ и въ частности православной церкви, но по мѣрѣ ослабленія православія уніатская церковь также подвергалась все большему униженію. Поляки не оставляютъ своей тенденціи обращать уніатовъ въ католичество; уніатское духовенство подвергается явному униженію и не безъ зависти принуждено смотрѣть на привиллегіи латинскаго духовенства. Такъ митрополитъ Вельяминъ Рутскій, ревностнѣйшій уніатъ, доносилъ папѣ въ 1615 г.: «народъ русскій ропщетъ и жалуется на то, что церковная унія служитъ только средствомъ къ болѣе легкому обращенію въ католическую вѣру и къ ополяченію». Впослѣдствіи, именно въ 1624 г. онъ-же жаловался папскому правительству на то, что «привлеченіе русиновъ къ латинскому вѣроисповѣданію всего больше препятствуетъ распространенію уніи». Въ 1664 г. холмскій уніатскій епископъ Іаковъ Суша отъ имени остальныхъ русскихъ епископовъ заноситъ въ Римъ жалобу на то, что бискупы латинскіе стараются уничтожить уніатскія епископскія каѳедры, завладѣть ихъ имѣніями, а также подчинить и уніатовъ своей юрисдикціи. Мало того, что русскія церкви лишены были

своихъ прежнихъ, нѣкогда богатыхъ имѣній, русскій священникъ принужденъ былъ и послѣ принятія уніи платить десятину въ пользу латинскаго духовенства, даже съ тѣхъ участковъ земли, которые самъ обработывалъ своими руками.

Когда съ появленіемъ уніи возникли и непрерывно шли ожесточенные споры между православными и уніатами, поляки только радовались этому, говоря: «стоитъ лишь натравить русина на русина, и они сами истребятъ другъ друга». И что факты такого рода не были явленіемъ случайнымъ, но вытекали изъ сознательной политической системы, доказательствомъ тому могутъ служить заключительныя слова того проекта 1717 г. относительно искорененія Руси, о которомъ мы говорили выше.

Въ 1768 г. бискупы латинскіе жалуются папѣ Клименту XIII на русскихъ уніатскихъ епископовъ за извращеніе вѣры; папа однако обвиняетъ бискуповъ, защищая русскихъ.—Львовскій уніатскій епископъ Левъ Шептицкій, встрѣтившись въ Варшавѣ съ могилевскимъ православнымъ епископомъ Георгіемъ Конискимъ, такъ выражается объ отношеніи поляковъ къ уніатамъ: «не смотря на унію, насъ называютъ схизматиками также, какъ и васъ православныхъ, и не боятся причинять намъ всевозможныя обиды и несправедливости».

Достовѣрные документы не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что латинское духовенство вмѣсто того, чтобы привлекать къ себѣ уніатовъ, съ дѣтскимъ ослѣпленіемъ раздражало и озлобляло ихъ; на провинціальномъ варшавскомъ соборѣ 1643 г. латинскіе бискупы совершенно серьёзно издаютъ грозныя постановленія, направленныя къ тому, чтобы уніатскіе епископы не употребляли одинаковыхъ съ ними титуловъ, чтобы не носили крестовъ на золотыхъ цѣпяхъ; самый меньшій по власти и значенію бискупъ, даже викарный, не хотѣлъ допустить первенства или предсѣдательства надъ собою первѣйшихъ сановниковъ русской церкви и съ пренебреженіемъ называлъ ихъ владыками, а не епископами. Даже въ матеріальномъ отношеніи и безъ того бѣдное русское духовенство, принужденное, подобно крестьянамъ, тяжелымъ земледѣльческимъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе, нерѣдко терпѣло обиды отъ ксендзовъ, которые собирали десятину съ русскаго народа, имѣвшаго своихъ собственныхъ пастырей. По закону уніатскій митро-

политъ долженъ былъ получить доступъ въ сенатъ, но бискупы не допускали его пользоваться этимъ правомъ, а тѣмъ болѣе не дозволяли того другимъ русскимъ епископамъ. Вопреки привиллегіи Владислава III низшее духовенство по большей части привлекалось въ свѣтскіе суды, между тѣмъ какъ латинское духовенство судилось своимъ собственнымъ судомъ. Въ силу подобнаго униженія какъ православной, такъ и уніатской вѣры почти вся русская шляхта и все, что было самаго выдающагося среди русскихъ, перешло въ латинскую церковь, такъ что вѣра простаго народа стала въ буквальномъ смыслѣ *хлопскою вѣрою*, какъ выражались въ то время. Дѣйствительно, если въ Польшѣ въ началѣ и покровительствовали уніатамъ, то впослѣдствіи трактовали ихъ не лучше, чѣмъ православныхъ, и духовенство уніатское съ намѣреніемъ держали въ невѣжествѣ. Въ недавнее время самъ Пій IX не колебался упрекать поляковъ въ притѣсненіи уніатовъ-русиновъ.

XXI.

Спору нѣтъ, что сама по себѣ церковная унія, въ томъ смыслѣ, какъ понимали ее лучшіе изъ современниковъ и между прочимъ князь Константинъ Острожскій, могла-бы имѣть и благотворное значеніе какъ для Польши и Руси, такъ и для всей славянщины; но вмѣшательство въ это дѣло политики, неразвитость и фанатизмъ польской шляхты, узкость взгляда іезуитовъ—всѣ эти причины измѣнили ея назначеніе.

Католицизмъ, какъ извѣстно, существовалъ и раньше и, хотя въ краѣ существовали рядомъ двѣ религіи, православная не мѣшала католической. Сущность уніи состояла собственно въ единствѣ церковной юрисдикціи, несмотря на разность въ исповѣданіи и обрядѣ; подчинившіеся папѣ русскіе епископы выговорили для себя и всего народа русскаго неприкосновенность своей вѣры и обрядовъ, что было принято папами на вѣчныя времена. Иначе разсуждали поляки и ихъ руководители въ дѣлѣ уніи іезуиты. Затѣявъ объединеніе церквей православной и католической въ предѣлахъ Польши, они хотѣли только принадлежавшую Польшѣ часть русиновъ оторвать отъ Руси московской и церкви восточной, сблизить ихъ и слить съ польской народностью; унія разсматри-

валась при этомъ только какъ средство къ переходу отъ такъ называемой *схизмы* къ католичеству. И къ ней принуждали всевозможными насиліями и лишеніемъ гражданскихъ и общественныхъ правъ, привлекали обѣщаніемъ покровительства закона, свободы исповѣданія, равенствомъ въ правахъ съ католиками; на самомъ дѣлѣ льготы и привиллегіи существовали не для однихъ православныхъ, но и для уніатовъ только на словахъ, русскія церкви называли синагогами, а самихъ русиновъ язычниками; для нихъ закрытъ былъ доступъ ко всѣмъ должностямъ и урядамъ; послѣдніе были открыты только для тѣхъ, кто измѣнялъ свою религію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народность. Совращаемая въ католичество богатая русская шляхта строитъ обширные костелы и монастыри и щедро надѣляетъ ихъ имѣніями, между тѣмъ какъ оставленный шляхтою бѣдный русскій народъ принужденъ былъ молиться въ тѣсныхъ и убогихъ деревянныхъ церквахъ. Сама унія служила предметомъ посмѣянія для поляковъ; еще и понынѣ нерѣдко можно слышать въ польскомъ обществѣ изреченія, въ родѣ слѣдующихъ: «русская вѣра—хлопская вѣра», или «попъ для хлопа, а плебанъ для попа». И напрасно уніатскіе епископы обращаются съ представленіями и жалобами къ королямъ и къ папамъ, заявляя, «что переходомъ русской шляхты въ католичество сама унія подвергается опасности и что одинъ народъ не въ состояніи ее поддержать». Ни жалобы, ни представленія не помогли. Польскіе политики были иного мнѣнія: они думали, что если путемъ окатоличенія и ополяченія оторвать шляхту, то народъ русскій безъ нея погибнетъ. Послѣдствіемъ несоотвѣтственной пропаганды уніи и насильственнаго ея введенія, вмѣсто постепеннаго развитія и распространенія новой вѣры, былъ ея упадокъ. Она даже временно отмѣняется гадячскимъ договоромъ, какъ вѣра, поселявшая раздоры въ обществѣ. Руководители уніи, въ видахъ скорѣйшаго сближенія ея съ католичествомъ и болѣе успѣшнаго ополяченія русиновъ, мало по малу вводятъ отступленія отъ обрядовъ греческой церкви и замѣну ихъ латинскими. Такъ постепенно сдѣланы значительныя измѣненія въ требникѣ, введена неизвѣстная въ греческой церкви тихая или шепотная обѣдня, смѣшанъ порядокъ греческой литургіи

[1]) Zsujski, Dzieje Polski, III, 1183.

съ церемоніями латинской мессы, русскимъ храмамъ начинаютъ придавать наружность костеловъ уничтоженіемъ царскихъ вратъ и устройствомъ боковыхъ при стѣнахъ алтарей. Уніатскимъ священникамъ приказано брить бороды и замѣнить облаченіе греческой церкви чѣмъ-то подобнымъ одеждѣ латинскаго духовенства; въ церквахъ введены колокольчики, органы, католическіе часы и молитвы по четкамъ и допущенъ такой произволъ въ этихъ перемѣнахъ, что каждый священникъ, каждая церковь имѣютъ свой особый обрядъ. Такимъ образомъ унія перестаетъ уже быть восточною церковью, которая не знаетъ всѣхъ этихъ обычаевъ. Эти произвольныя перемѣны въ теченіи столѣтія принято называть уніатскими обрядами, хотя они не были установлены ни однимъ соборомъ и никогда не получали папскаго утвержденія. Заправители уніи дѣлали ихъ въ видахъ внутренней политики, напротивъ сами уніаты всѣми силами заботились о сохраненіи въ чистотѣ греческаго обряда, надѣясь найти въ немъ и охрану своей русской народности.

Послѣ раздѣла Польши русское правительство еще долгое время не заботилось о привлеченіи уніатовъ въ православіе и завѣдываніе дѣлами уніатской церкви поручено было римско-католической коллегіи, учрежденной въ Петербургѣ для всѣхъ католиковъ въ Россіи. Напротивъ поляки съ своей стороны удваиваютъ усилія въ дѣлѣ обращенія уніатовъ въ католичество, чѣмъ порождались безпрерывные раздоры, даже въ самой уніатской церкви происходили частыя недоразумѣнія, въ особенности между свѣтскимъ духовенствомъ и монахами. Въ 1828 г. по указу императора Николая I учреждена для управленія уніатскою церковью греко-католическая коллегія и основана въ Жировицахъ уніатская семинарія. Только послѣ возстанья 1831 г. правительство обратило вниманіе на политическое значеніе уніи.

Въ 1839 г. собранный въ Полоцкѣ соборъ уніатскихъ епископовъ составилъ меморіалъ, въ которомъ представлено было положеніе уніатской церкви, и просилъ царя о присоединеніи ея къ господствующей православной церкви. Такимъ образомъ унія, созданная соборомъ епископовъ, уничтожена постановленіемъ такого-же собора.

Со времени Сигизмунда III и до самаго паденія Польши поляки усердно трудились надъ введеніемъ уніи, не смотря на тяж-

кія безпокойства и неурядицы, которыхъ она была причиною. Посмотримъ теперь, каковы были результаты этихъ усилій. Правда, достигли наконецъ того, что въ цѣлой Польшѣ осталась одна только православная епархія въ Могилевѣ; но не смотря на то унія стояла такъ слабо, что при первой возможности послѣдователи оставляютъ ее въ большомъ количествѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

1) Кіевская діецезія состояла изъ 32 декапатовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ болѣе 60 церквей; изъ нихъ до марта 1773 г. въ рукахъ уніатовъ осталось только девять; такимъ образомъ унія, въ продолженіи приблизительно одного года, потеряла двадцать три деканата [1]).

2) Православный епископъ Викторъ Садковскій при занятіи своей каѳедры въ Слуцкѣ въ 1785 г. имѣлъ подъ своею властью только 94 церкви въ Литвѣ, и тѣ по большей части были недавно обращены Георгіемъ Конискимъ; въ 1787 г. въ его вѣдѣніи числилось уже 300 церквей [2]).

3) За время четырехлѣтней вакансіи полоцкой епархіи присоединились къ православію около 800 приходскихъ церквей и съ ними болѣе 100,000 народу, а къ римскому костелу 24 прихода и до 8,000 прихожанъ; но и они вскорѣ перешли въ православіе.

4) Извѣстно, что изъ 5,000 уніанскихъ приходовъ въ діецезіяхъ: кіевской, каменецкой, луцкой и владимірской до 1796 г. едва только двѣсти остались при уніи, вообще-же со времени перваго раздѣла Польши до 1796 г. уніатская церковь потеряла восемь милліоновъ послѣдователей въ 9,316 приходахъ и сверхъ того 145 базиліанскихъ монастырей. Слѣдуетъ замѣтить, что и дальнѣйшее обращеніе происходило также быстро, такъ что въ царствованіе Николая I унія въ предѣлахъ россійской имперіи исчезла совершенно, за исключеніемъ холмской епархіи.

Всѣ указанные факты, какъ-бы ихъ не разсматривать, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что унія не имѣла прочныхъ основъ, и это естественно, потому что при установленіи оной думали не о соединеніи церквей, а подъ предлогомъ уніи преслѣдовали совсѣмъ иныя цѣли.

---

[1]) Ks. Likowski, hist. unji, str. 145.

[2]) Przegląd poznański r. 1863, str. 420.

XXII.

Мы прослѣдили въ общихъ чертахъ исторію польско-русскаго государства; мы видѣли при этомъ, что одна часть русскаго края, Червоная Русь, присоединена была къ Польшѣ въ 1340 г. Казиміромъ Великимъ путемъ завоеванія, другая часть его, въ союзѣ съ литовскимъ княжествомъ, составляла русское государство, какъ по характеру, такъ и по большинству жителей. Польша возрасла и окрѣпла, единственно благодаря присоединенію Литвы и Руси на основаніи династической уніи, вслѣдствіе брака Ягайла съ Ядвигою. Поэтому хотя въ XV и XVI ст. на польскій престолъ постоянно избирались великіе князья литовскіе, но это еще не означало присоединенія Литвы и Руси къ Польшѣ, а напротивъ служило доказательствомъ личнаго союза. Дѣлалось это собственно съ тою цѣлью, чтобы три названныя государства, имѣя одного главу, не разошлись разными путями. Мы указали различія, какія существовали между тремя составными частями Рѣчи Посполитой. Различія эти, препятствовавшія сліянію ихъ въ одно тѣло, надо было устранить или сгладить, для чего конечно требовалось весьма продолжительное время. Между тѣмъ вся политика Польши основывалась на томъ, чтобы какими-бы то ни было средствами привязать къ ней юго-западную Русь; эту цѣль преслѣдовали всѣ уніи, какъ политическія, такъ наконецъ и церковная.

Уже городельская унія даетъ русскимъ земянамъ привиллегіи польской шляхты и тѣмъ самымъ пріучаетъ ихъ къ польскимъ порядкамъ, кладетъ начало шляхетству на Руси и подготовляетъ высшіе классы русскаго народа къ тѣснѣйшему сліянію съ Польшей. Не смотря на то, Польшѣ постоянно грозила опасность отдѣленія Литвы и Руси, въ особенности-же при Сигизмундѣ II Августѣ, съ которымъ, по причинѣ его бездѣтности, прекращалось обязательство династическаго союза; поэтому поляки настоятельно требуютъ отъ Сигизмунда-Августа болѣе тѣснаго сліченія обоихъ частей государства, такъ какъ личный союзъ, какой существовалъ со времени Ягайла, уже казался имъ недостаточнымъ. Объявленъ съѣздъ въ Люблинѣ; но когда дѣло дошло до основнаго акта, въ силу котораго литовско-русскія области должны были навсегда составить съ Польшей одно политическое тѣло, причемъ Литва теряла свои особенности, среди дворянства возникаютъ опасенія національныя

и политическія. Литовскіе дворяне съ протестами оставляютъ сеймъ, а на ихъ мѣсто правительство призываетъ чиновниковъ. Чтобы успѣшнѣе подавить отпоръ со стороны Литвы, отъ нея отдѣлены были русскія области: Волынь, Подоліе и Украйна и присоединены къ Польшѣ. Не смотря на то, дѣло объединенія все еще оставалось сомнительнымъ, пока наконецъ двое знатнѣйшихъ русскихъ магнатовъ, князья Константинъ Острожскій и Александръ Чарторыйскій согласились подписать актъ соединенія и склонили къ тому своихъ сторонниковъ. Тогда объявлена унія при отсутствіи заинтересованной стороны и къ принятію ея вынуждали конфискаціею имущества. Опасенія народа могли быть на время успокоены только обезпеченіемъ для русиновъ дальнѣйшей ихъ политической обособленности и гарантіею ихъ народности, языка и вѣры.

Все это были только подготовительныя мѣры, дѣйствительное-же соединеніе Литвы и Руси съ Польшей наступило только на люблинскомъ сеймѣ 1569 г.; но и оно не было такимъ добровольнымъ актомъ, какъ обыкновенно говорятъ польскіе писатели: участіе въ этомъ актѣ принимало одно дворянство, народъ-же не имѣлъ здѣсь никакого права голоса.

Вскорѣ однако и люблинская унія показалась недостаточною полякамъ; поэтому для усиленія результатовъ городельской и люблинской уніи рѣшили уничтожить православіе въ Польшѣ, замѣнивъ оное католицизмомъ или по крайней мѣрѣ уніею съ римскою церковью. Тогда начинаются интриги іезуитовъ, постепенно подготовляется и наконецъ объявляется церковная унія.

Мы видѣли, что все время, пока уважались права и вѣра русиновъ, Польша пользовалась внутреннимъ спокойствіемъ и оставалась побѣдительницею въ внѣшнихъ столкновеніяхъ, напротивъ по мѣрѣ сокращенія свободы совѣсти, политической, гражданской и личной свободы русскаго народа, Польша теряетъ въ объемѣ, силѣ и значеніи. Еще при Ягайлѣ и Витовтѣ соединенныя силы литовскія, русскія и польскія подъ Грюнвальдомъ побѣдили и удержали нѣмецкій «Drang nach Osten». При великомъ князѣ литовскомъ Казимірѣ Ягайловичѣ, пока онъ уважалъ права Руси, даже Великій Новгородъ склонялся на сторону Литвы; при первыхъ Сигизмундахъ и Баторіи расширяются границы Польши и сила ея даетъ себя чувствовать сосѣдямъ. Вѣрные своему призванію козаки

охраняютъ Русь и Польшу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю западную Европу отъ напора азіатовъ; напротивъ того, униженіе русской народности и вѣры уже при Казимірѣ В. и позже при Ягайлѣ становится причиною внутреннихъ замѣшательствъ, которыя открываютъ татарамъ свободный доступъ въ предѣлы польскаго государства. При Казимірѣ Ягайловичѣ, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, потомки Владиміра св. и Ольгерда отпадаютъ отъ Литвы и вмѣстѣ со своими родовыми удѣлами подчиняются московскому государству. Также точно поступаютъ при Александрѣ города со своими округами въ сѣверской землѣ. Но ничто не въ состояніи было вразумить поляковъ, и они вмѣсто того, чтобы привязать къ себѣ Литву и Русь предоставленіемъ имъ всѣхъ правъ и свободы, какими сами пользовались, рѣшили удержать ихъ путемъ деморализаціи и своего преобладанія. Церковная унія и насильственное ея введеніе, посягательства католической партіи на свободу совѣсти, на вѣру народа, лишеніе православныхъ всѣхъ правъ политическихъ и гражданскихъ—всѣ эти мѣры раздражали русскій народъ и вызывали возмущенія, потрясавшія основы польскаго государства.

Долгое время дворяне русскіе энергично отстаиваютъ свою вѣру и народность, но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ они превращаются въ поляковъ и католиковъ, голосъ ихъ слабѣетъ и наконецъ совершенно утихаетъ.

Послѣ того какъ перевоспитанное іезуитами русское дворянство отступаетъ отъ вѣры и народности своихъ предковъ, оставленное имъ дѣло переходитъ въ руки народа, который съ оружіемъ въ рукахъ пытается отстоять то, чего не удалось дворянамъ выхлопотать сеймовымъ порядкомъ. Такой оборотъ принимаетъ дѣло въ особенности послѣ того, когда магнаты на занятыхъ ими огромныхъ земельныхъ участкахъ начинаютъ вводить польскіе порядки, когда понятіе о гражданскихъ правахъ сосредоточилось на одномъ только сословіи, остальная-же масса народонаселенія нашлась въ зависимости, простиравшейся даже до закрѣпощенія козаковъ. Отсюда возникаютъ козацкія возстанія.

Простой, необразованный народъ подымаетъ голову и начинаетъ протестъ противъ люблинской уніи, но уже не на бумагѣ, путемъ дипломатическимъ, какъ то было раньше, а на самомъ дѣлѣ. Уже въ концѣ XVI и началѣ XVII в. встрѣчаемъ въ польскихъ консти-

туціяхъ извѣстія о появленіи вооруженныхъ шаекъ простаго народа, нападавшихъ на шляхетскіе дворы и замки. Выработанныя въ Польшѣ соціальныя отношенія, бывъ распространены на Украйну, измѣняютъ назначеніе институціи козаковъ и изъ защитниковъ дѣлаютъ ихъ врагами Польши. Возстаніе слѣдуетъ за возстаніемъ; попытки Косинскаго, Наливайка, Павлюка, Остряинна оканчиваются неудачею; но, не смотря на то, дѣло ихъ продолжало развиваться. Непріязнь народа къ шляхтѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ Польшѣ, росла и становилась грознѣе. По мѣрѣ того, какъ съ каждымъ новымъ возстаніемъ положеніе массъ все больше и больше ухудшалось, народъ группируется вокругъ козацкихъ гетмановъ и дѣлаетъ козаковъ своими представителями. Казалось, что самыя неудачи возбуждали и поддерживали народныя силы и, когда недовольство народа достигло высшей степени, онъ всею массою подымается подъ знаменами Хмельницкаго на всемъ пространствѣ присоединеннаго къ Польшѣ русскаго края. Окончаніемъ этой кровавой драмы было подчиненіе Украйны Россіи. Хмельницкій довершилъ то, къ чему вынуждали его обстоятельства и что было желаніемъ всего русскаго народа.

Подтвержденіемъ можетъ служить то обстоятельство, что когда, по смерти Хмельницкаго, лица, стоявшія во главѣ управленія Украйною, задумали было снова присоединить ее къ Польшѣ, на основахъ федеративной автономіи (какъ это признано было статьями гадячскаго договора), то большинство козаковъ и народа не хотѣли слышать о какихъ-бы то ни было договорахъ съ Польшей, напротивъ народъ русскій поддерживалъ только тѣхъ гетмановъ, которые оставались вѣрными Россіи.

Послѣ войны, поднявшейся вслѣдствіе отдѣленія Украйны, не только въ рукахъ Россіи остались: Полоцкъ, Сѣверская земля, лѣвобережная Украйна и Кіевъ съ округомъ на правой сторонѣ Днѣпра, но и другіе сосѣди съ своей стороны протягиваютъ руки къ польскому наслѣдству, такъ что Янъ Казиміръ уже въ 1661 и 1668 г. могъ предсказать полный раздѣлъ Польши, который дѣйствительно и произошелъ сто лѣтъ спустя.

Политика поляковъ ни въ чемъ не измѣнилась, они по прежнему продолжаютъ трудиться надъ разрушеніемъ своего отечества.

Русскій народъ энергично протестуетъ противъ навязаннаго ему андрусовскаго договора, раздѣлившаго Украйну между Польшею и Россіею. Дорошенко проситъ царя о принятіи цѣлой Украйны въ свое подданство; когда-же онъ получилъ отказъ, народъ цѣлыми массами начинаетъ переходить изъ правобережной Украйны, Волыни и Подолія за Днѣпръ, въ русскую Украйну. Благодаря этимъ переселеніямъ, значительно ослабившимъ Польшу, Россія усилилась на столько, что и та половина южной Руси, которая въ силу андрусовскаго договора возвращена была къ Польшѣ, почти совершенно опустошенная, все таки отошла къ Россіи. Послѣ отказа московскаго правительства принять въ подданство правобережную Украйну, Дорошенко, съ цѣлью освобожденія края отъ Польши, подчиняется Турціи. Слѣдствіемъ этого для поляковъ является потеря Подоліи съ Каменцемъ и уплата дани туркамъ.

Убѣдились-ли поляки теперь въ томъ, что своею политикою въ отношеніи Руси они работаютъ только на пользу своимъ сосѣдямъ?

Очевидно—нѣтъ, потому что при Собѣскомъ уже и самое Запорожье отходитъ къ Россіи.

Правда, когда при Собѣскомъ блеснула было надежда на свободу, народъ началъ толпами возвращаться обратно изъ московской Украйны въ польскую; но движеніе это было непродолжительно, такъ какъ надежда на свободу продолжалась недолго.

Фанатизмъ католической пропаганды не давалъ покоя Польшѣ до самаго конца ея существованія и породилъ наконецъ проэкты ея раздѣла.

Еще при жизни Сигизмунда III молдавскій господарь Михаилъ, основываясь на ненависти русиновъ къ брестской уніи, входилъ въ соглашеніе съ другими державами о раздѣлѣ Польши, а именно предлагалъ московскому царю Литву, шведамъ Лифляндію, австрійцамъ Краковъ, все-же остальное предполагалъ завоевать въ свою пользу.

Позже, въ 1656 г., князь Семиградскій Ракочи также условливается съ шведскимъ королемъ Карломъ X и съ Богданомъ Хмельницкимъ относительно раздѣла Польши, которая тѣмъ временемъ платитъ дань въ видѣ подарковъ татарамъ.

Проэкты въ этомъ смыслѣ повторяются безпрестанно. Даже Турція, а именно великій визирь Рейсъ Эффенди, обращается къ Австріи съ предложеніемъ относительно раздѣла Польши.

Продолжавшаяся религіозная нетерпимость, принявшая въ основаніе гибельный принципъ: *государство держится единствомъ вѣры*, породила наконецъ барскую конфедерацію, послѣдствіемъ которой былъ первый дѣйствительный раздѣлъ Польши 1772 года, давшій починъ и заохотившій къ дальнѣйшимъ раздѣламъ.

Такъ, намѣреваясь уничтожить Русь, поляки не понимали, что въ дѣйствительности уничтожаютъ Польшу. Ополяченіемъ Руси и уничтоженіемъ ея автономіи рыли могилу независимости самой Польши. И оправдалось надъ ними евангельское слово: «какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ отмѣрится». Неуваженіе чужихъ правъ есть прямой путь къ потерѣ своихъ собственныхъ.

ВОСПОМИНАНІЯ
О ПОСЛѢДНИХЪ ГОДАХЪ ЖИЗНИ Н. И. КОСТОМАРОВА.

Пять лѣтъ тому назадъ, переселившись въ С.-Петербургъ, я въ первые три года часто бывалъ у Николая Ивановича Костомарова; имѣя много свободнаго времени, я проводилъ у него два, три вечера въ недѣлю. Мы перечитывали съ нимъ новыя книжки журналовъ, отдѣльныя монографіи, а также новыя книги, касавшіяся Украйны или написанныя на малорусскомъ языкѣ. Чтеніе обыкновенно прерывалось и заканчивалось бесѣдами, крайне интересными для меня: Николай Ивановичъ, по поводу прочитаннаго вставлялъ замѣчанія, дѣлалъ сближенія, высказывалъ свои мнѣнія или-же разсказывалъ о событіяхъ и случаяхъ изъ прошлой своей жизни. Онъ въ это время писалъ свою автобіографію, которая со временемъ появится въ печати; я поэтому не стану передавать этихъ разсказовъ—пусть читатель лучше познакомится съ ними въ мастерскомъ изложеніи самаго историка-художника.

Какъ ни дорожилъ я этими чтеніями и бесѣдами, но два года тому назадъ я съ крайнимъ сожалѣніемъ принужденъ былъ отказаться отъ нихъ, такъ какъ у меня прибавилось много обязательныхъ занятій. Въ послѣднее время я опять сталъ чаще бывать у него, особенно когда болѣзнь его приняла угрожающій характеръ.

Крѣпко врѣзалось мнѣ въ память впечатлѣніе, которое въ первое время болѣе близкаго знакомства производила на меня личность знаменитаго земляка. Это впечатлѣніе для самаго себя выражалъ я словами: «*плоть немощна, духъ силенъ*». Неотвязчиво

приходилъ мнѣ на умъ этотъ текстъ, когда я, бывало, бесѣдовалъ съ нимъ, или-же когда онъ жаловался на свои недуги; «духъ силенъ, но плоть слаба» — повторялъ я иногда даже безсознательно, возвращаясь домой послѣ проведеннаго у него вечера. И теперь, когда его уже не стало, я лучше всего выражу впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, все тѣми-же четырьмя словами.

Покойный Костомаровъ физически одряхлѣлъ раньше времени, по внѣшности казался старѣе своихъ лѣтъ. Морщины на лицѣ, длинная, но рѣдкая сѣдая борода, на головѣ сѣдые, какъ-бы поблекшіе волоса съ желтоватымъ отливомъ, глаза, хотя прекраснаго темноголубаго цвѣта, но плохо фиксировавшіе, недостатокъ многихъ зубовъ, худоба тѣла, согнувшагося, подавшагося впередъ, не твердая походка мелкими шажками, частое спотыканіе,—все это придавало всей фигурѣ покойнаго характеръ слабости и дряхлости. Ослабѣвшее зрѣніе, по временамъ плохой слухъ, продолжительные припадки упорнаго кашля и удушья еще усиливали это впечатлѣніе дряхлости, тѣмъ болѣе, что изъ разсказовъ самаго Николая Ивановича можно было заключить, что съ молоду онъ рѣдко болѣлъ, отличался здоровьемъ. Даже въ старости многія привычки его свидѣтельствовали о быломъ постоянномъ здоровьи, о силѣ смолоду. Такъ онъ очень любилъ, напримѣръ, холодъ, порывался купаться съ ранней весны до поздней осени даже въ холодной Невѣ, не умѣлъ вовсе беречь свое здоровье, подчиняться предписаніямъ врача. Простуженный, онъ открывалъ зимою окно въ своей комнатѣ и выходилъ на улицу въ холодную и сырую погоду, употреблялъ пищу, запрещенную ему докторомъ. Все это привычки, вѣроятно усвоенныя въ молодости, когда крѣпкій организмъ все переноситъ; у Николая Ивановича онѣ сохранились и къ старости и, можетъ быть, не мало ускорили его кончину.

Впечатлѣніе дряхлости усиливалось еще постоянною мнительностью. Онъ преувеличивалъ значеніе своихъ болѣзненныхъ припадковъ, постоянно опасался, что они смертоносны; впрочемъ и съ молоду онъ, повидимому, не вѣрилъ въ свое здоровье; такъ онъ разсказывалъ, какъ однажды ему вообразилось, что онъ неизлечимо заболѣлъ; долго всѣ увѣренія врачей, доказывавшихъ ему, что онъ вполнѣ здоровъ, не могли переубѣдить его. Въ старости эта неувѣренность въ собственномъ здоровьи усиливала производимое имъ

впечатлѣніе болѣзненности; послѣдней невольно приписывалась и чрезвычайная разборчивость въ пищѣ; онъ не перебиралъ, правда, кушаній, не желалъ какихъ либо изысканныхъ блюдъ, но за то былъ до нельзя разборчивъ, даже прихотливъ относительно качества пищи, ея свѣжести, способа приготовленія и температуры. Если эта прихотливость напоминала объ ослабленномъ пищевареніи, то чрезвычайная аккуратность и опрятность принимали у него характеръ привычекъ, упорство въ которыхъ свидѣтельствовало о ихъ давности: даже во время болѣзни, онъ отъ нихъ не отступалъ. Вставалъ онъ всегда очень рано, около 6 час. утра, немедленно открывалъ окна своей комнаты и отправлялся гулять; прогулки бывали продолжительныя и отдаленныя: однажды четыре года тому назадъ я былъ не мало удивленъ, когда въ 8 час. утра Николай Ивановичъ посѣтилъ меня, хотя я жилъ отъ него въ разстояніи часа доброй ходьбы и на четвертомъ этажѣ. Возвратившись, Николай Ивановичъ, послѣ утренняго чаю, приступалъ къ работѣ дома, не то въ архивѣ или-же въ публичной библіотекѣ; трудился онъ до четырехъ часовъ, обѣдалъ и потомъ отдыхалъ часа два; вечеръ посвящался чтенію; ночью онъ спалъ мало и чутко. Какъ старикъ, онъ крѣпко привязывался къ давнимъ вещамъ и очень берегъ ихъ—такъ всѣ его посѣтители вѣроятно помнятъ, какъ онъ оберегалъ свои столовые часы отъ какого-либо неосторожнаго толчка; многотомную библіотеку свою онъ также очень берегъ, неохотно ссужая даже друзей книгами; при этомъ онъ ссылался на распространенную у насъ скверную привычку не беречь или даже вовсе не возвращать чужихъ книгъ; прикупая постоянно новыя книги, онъ отдавалъ ихъ немедленно въ переплетъ; свою огромную библіотеку зналъ онъ отлично и легко отыскивалъ въ ней нужную книгу. Въ такой-же мѣрѣ соблюдалъ онъ аккуратность и относительно квартиры, а также одежды.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ извѣстныхъ здѣсь докторовъ опредѣлилъ у Костомарова старческую немощь (marasmus) и предсказывалъ, что онъ отъ нея и умретъ. Глядя на согбенную, немощную фигуру состарившагося ученаго, можно было повѣрить этому предсказанію; но мнѣ казалось оно вполнѣ неправдоподобнымъ. Я зналъ, что при маразмѣ рядомъ съ физическими замираютъ постепенно и духовныя силы человѣка, но этого-то замиранія я не

могъ замѣтить. Хотя давніе знакомые Николая Ивановича и утверждали, что и въ духовномъ отношеніи онъ представлялъ лишь тѣнь теперь сравнительно съ тѣми годами, когда онъ создавалъ всѣ найболѣе капитальные свои труды, но я лично былъ мало знакомъ съ нимъ въ то время и потому не могъ самъ дѣлать сравненій. Для меня онъ и теперь, въ старости, такъ рѣзко выдавался своимъ мощнымъ духомъ между всѣми лицами, съ которыми я его сравнивалъ, что я не могъ допустить мысли о происходящемъ уже постепенномъ ослабленіи его способностей. Это впечатлѣніе усиливалось еще и тѣмъ, что я во очію убѣждался въ побѣдѣ сильнаго духа надъ немощью тѣла. Ослабѣвшими глазами, по цѣлымъ часамъ разбиралъ онъ «старинныя письмена», пожелтѣвшія отъ времени; не смотря на кашель и физическую слабость, по долгу писалъ онъ, предпринималъ утомительныя въ его возрастѣ поѣздки къ отдаленнымъ памятникамъ старины или на археологическіе съѣзды, гдѣ участвовалъ во всѣхъ выдающихся засѣданіяхъ.

Припоминаю я еще по этому поводу, какъ года три тому назадъ вечеромъ я засталъ Николая Ивановича совсѣмъ больнымъ; его уже цѣлыя сутки мучило сильное удушье; онъ постоянно стоналъ, по временамъ даже кричалъ отъ нестерпимыхъ болей въ груди. Я предложилъ ему проѣздиться, питая слабую надежду, что перемѣна воздуха и обстановка хоть нѣсколько облегчатъ его страданія; мнѣ хотѣлось также доставить хотя кратковременный отдыхъ его семейству, измученному отъ продолжительнаго ухода за нимъ. Сверхъ ожиданія, Николай Ивановичъ немедленно согласился и мы поѣхали по Набережной Большой Невы сначала на Васильевскомъ островѣ, потомъ на противоположномъ берегу. Сначала и на извощикѣ громкіе стоны и даже крики продолжались; прохожіе обращали на насъ вниманіе—я уже опасался, что насъ, пожалуй, остановятъ; вскорѣ однако-же больной сталъ успокоиваться: печерское подворье, зданіе двѣнадцати коллегій (университетъ), домъ кн. Меньшикова (Павловское военное училище), сенатъ и домъ купеческаго собранія, гдѣ прежде помѣщался Румянцевскій музей и на этотъ разъ возбудили интересы историка въ больномъ; онъ сталъ говорить объ этихъ зданіяхъ, о лицахъ и событіяхъ, связанныхъ съ ними. Стоны стали рѣже, потомъ и вовсе прекратились; съ оживленіемъ разсказывалъ мнѣ Николай Ивановичъ о церковномъ служеніи и кіевскихъ

митрополитахъ, о Меньшиковѣ и Петрѣ, о странной судьбѣ зданія, сооруженнаго русскимъ меценатомъ для музея, но превращеннаго потомъ въ игорный домъ. Съ большою радостью слушалъ я эти разсказы; я думалъ, что болѣзненные припадки исчезли; но когда мы черезъ полтора часа возвратились къ нему домой, они возобновились, хотя уже не съ прежнею силою.

Да, мощный былъ духъ! Меня прежде всего поражала рѣдкая, феноменальная память, какой я ни въ комъ другомъ не встрѣчалъ. Мелкія фактическія подробности не только изъ русской исторіи, которой онъ постоянно занимался, но и изъ всемірной, подробныя географическія и хронологическія данныя, напримѣръ не только годы, но и дни рожденія даже второстепенныхъ историческихъ дѣятелей, цитированіе дословно цѣлыхъ актовъ, договоровъ, мѣстъ изъ лѣтописей и историческихъ писателей постоянно вызывали во мнѣ изумленіе. Онъ зналъ наизусть не только родныхъ и отечественныхъ поэтовъ, но и иноземныхъ; помнится, кто-то изъ собесѣдниковъ цитировалъ по польски одинъ стихъ изъ мало-извѣстной пьесы Мицкевича—Николай Ивановичъ продекламировалъ ее цѣликомъ, хотя, какъ оказалось, прошло уже 40 лѣтъ со времени, когда онъ ее читалъ; первоклассныхъ иностранныхъ писателей, Шекспира, Байрона, Шиллера, Гете и др. зналъ онъ такъ, какъ рѣдко знаютъ ихъ соплеменники. Еще поразительнѣе было его знакомство съ народною поэзіей славянъ, отчасти литовцевъ; ближе всего ему было украинское пѣсенное творчество, которое онъ изучилъ до совершенства: онъ не разъ наизусть произносилъ цѣлыя думы съ указаніемъ всѣхъ имѣющихся варіантовъ; въ разговорѣ приводилъ цѣлыя малоизвѣстныя народныя пѣсни. Таже дивная память сказывалась и въ его личныхъ воспоминаніяхъ, въ мелкихъ, часто яркихъ подробностяхъ, которыми отличались разсказы о пережитомъ имъ прошломъ.

Но не только впечатлѣнія, принадлежавшія молодости и зрѣлому возрасту, хранила блестящая память Николая Ивановича; она сохраняла свою дивную воспріимчивость и въ старости. Въ этомъ я не разъ убѣждался изъ его разсказовъ о явленіяхъ недавнихъ, убѣждался и изъ той легкости, съ которой онъ усвоивалъ новый научный или литературный матеріалъ. Содержаніе прочитанныхъ книгъ или выслушанныхъ разнообразныхъ докладовъ на археологи-

ческихъ съѣздахъ онъ передавалъ съ замѣчательною полнотою, сопровождая ихъ чрезвычайно мѣткими и остроумными сближеніями и замѣчаніями. При этомъ ясно обозначалась еще одна выдающаяся способность его духа: до глубокой старости новыя свѣдѣнія воспринимались имъ не механически, а стройно укладывались среди громаднаго запаса ранѣе пріобрѣтенныхъ знаній; если эти новыя свѣдѣнія противорѣчили какому нибудь выводу или взгляду, раньше имъ высказанному, онъ въ интересахъ истины тутъ-же, безъ мелочнаго самолюбія, столь свойственнаго многимъ ученымъ, отказывался отъ своего прежняго мнѣнія. Если онъ поступилъ такъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ на археологическомъ съѣздѣ, когда въ пользу мнѣнія г. Иловайскаго публично отказался отъ своей теоріи о литовскомъ происхожденіи Руси, то и недавно, на моихъ глазахъ, подъ вліяніемъ новыхъ матеріаловъ, онъ измѣнилъ во многомъ свой ранѣе высказанный взглядъ на стремленія Богдана Хмельницкаго.

До послѣднихъ дней Николай Ивановичъ не представлялъ ничего общаго съ тѣми учеными, которые всю жизнь разрабатываютъ какой нибудь частный, второстепенный вопросъ, не имѣющій ни научнаго, ни практическаго значенія. Подобная спеціализація и отрѣшенность отъ интересовъ дня, до нѣкоторой степени понятная въ математикѣ и натуралистѣ, встрѣчается и среди историковъ; существуютъ критики, которые даже готовы ставить это въ заслугу ученому. Костомаровъ, напротивъ, всегда старался не упускать изъ виду связи своихъ трудовъ съ наукой въ ея цѣломъ; до послѣднихъ дней, даже среди сильныхъ страданій, онъ съ живымъ интересомъ слѣдилъ за всѣми новыми сочиненіями не только по своей наукѣ, но и за выдающимися успѣхами знанія вообще. Совершающіяся событія находили въ немъ живой откликъ; съ этой стороны, какъ и съ нѣкоторыхъ другихъ, Костомаровъ представляетъ много общаго съ другимъ историкомъ-художникомъ, Маколеемъ; практическая дѣятельность послѣдняго, при существующихъ въ Англіи условіяхъ, была много шире, но интересъ къ современнымъ событіямъ едва-ли больше. Историкъ въ Николаѣ Ивановичѣ всегда шелъ рука объ руку съ гражданиномъ. Живо интересуясь всѣми явленіями современной политической и національной жизни, онъ въ качествѣ историка старался разъяснить происхожденіе этихъ явленій настоящаго, добраться въ прошломъ до ихъ зародыша; изучая факты

пропилаго, онъ стремился указать ихъ современные намъ послѣдніе отпрыски. Эта черта сказывается не только во всѣхъ его сочиненіяхъ; она еще болѣе проявлялась во всѣхъ его устныхъ разсказахъ и сужденіяхъ. Эту отзывчивость къ современности онъ сохранилъ до глубокой старости; напомню, что, вслѣдъ за еврейскими безпорядками, въ «Кіевской Старинѣ» явился разсказъ его «Жидотрепаніе».

Костомаровъ и въ послѣдніе годы слѣдилъ за новыми произведеніями лучшихъ представителей русской литературы, особенно Тургенева и Льва Толстого; малораспространенныя новѣйшія произведенія послѣдняго отвѣчали до извѣстной степени его религіозному настроенію, но онъ никогда не раздѣлялъ безнадежнаго отношенія къ земному будущему человѣчества; не раздѣлялъ онъ также воззрѣній Толстого и Достоевскаго, по которымъ лучшая будущность человѣчества явится результатомъ одного лишь нравственнаго обновленія индивидуумовъ независимо отъ усовершенствованія формъ политическаго и общественнаго быта. Любилъ Костомаровъ и сатиру, но при условіи, чтобы она не требовала коментаріевъ, была всѣмъ понятна, не отличалась излишнимъ многословіемъ, чтобы въ ней притомъ ясно сказывался высокій идеалъ, лежащій въ основаніи отрицательнаго отношенія ея автора къ явленіямъ современной жизни. Какъ и многіе другіе, онъ съ глубокою скорбію признавалъ, что въ современной русской литературѣ замѣчается оскудѣніе талантовъ.

Украинская литература всегда оставалась близкою, излюбленною для состарившагося Іереміи Галки. Внимательно перечитывалъ онъ всѣ, даже самыя незначительныя, впрочемъ вообще очень немногочисленныя произведенія, появившіяся за послѣдніе годы. И здѣсь онъ жаловался на оскудѣніе талантовъ послѣ смерти Шевченка. Украинская литература, по его мнѣнію, предназначена служить массѣ народа, поэтому сюжеты ея должны черпаться изъ жизни народа, изложеніе должно быть вполнѣ доступно пониманію массы. Этотъ взглядъ онъ всегда примѣнялъ къ оцѣнкѣ украинскихъ произведеній рядомъ съ общими началами всякой здравой критики. Отсюда его осужденія г. Старицкаго за нѣкоторыя его произведенія; онъ не выискивалъ въ произведеніяхъ этого автора отдѣльныхъ неудачно примѣненныхъ или рѣдко-употребляемыхъ словъ, какъ дѣлаютъ это люди предвзято-враждебные—онъ указы-

валъ на неудачный, по его мнѣнію, выборъ сюжетовъ и въ связи съ этимъ недостатки изложенія. Такъ отнесся Николай Ивановичъ къ переводу «Гамлета». Я возражалъ ему, доказывалъ между прочимъ, что нельзя ограничиваться чисто-крестьянскою литературой, потому что языкъ въ такомъ случаѣ не можетъ развиться, указывалъ на потребности Галиціи, гдѣ украинскій языкъ получилъ права гражданства въ немногихъ, правда, но все-же среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отчасти соглашаясь, Николай Ивановичъ сослался на невозможность перевода по необработанности языка. Я на удачу прочиталъ тутъ-же нѣсколько мѣстъ изъ «Принца Даньского»; выборъ вышелъ благопріятнымъ для переводчика—изложеніе оказалось звучнымъ, доступнымъ для пониманія и Николай Ивановичъ тутъ-же заявилъ мнѣ, что онъ еще разъ внимательно прочитаетъ книгу. Съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ онъ впослѣдствіи встрѣтилъ пьесу того-же Старицкаго «Не судылось»; по его словамъ, авторъ, какъ драматическій писатель, выказалъ въ этомъ произведеніи замѣчательный талантъ, какъ въ выборѣ типовъ и развитіи ихъ характеровъ, такъ и въ языкѣ дѣйствующихъ лицъ.

О другомъ украинскомъ писателѣ г. Нечуѣ-Левицкомъ Костомаровъ составилъ себѣ высокое мнѣніе по его первымъ произведеніямъ (Дви Московки, Рыбалка Панасъ Круть, Баба Параска и Баба Палажка). Вмѣстѣ читали мы появившіяся изъ подъ пера этого автора повѣсти «Бурлачку» и «Старосвитськи батюшки и матушки» (послѣднюю по крайне неразборчивой рукописи). Во время чтенія Николай Ивановичъ выражалъ свое удовольствіе по поводу многихъ мѣстъ изъ этихъ повѣстей («Бурлачка» ему особенно понравилась), но и г. Левицкій, по его мнѣнію, попалъ на ложный путь въ выборѣ сюжетовъ («Хмары», «Причепа»), и его талантъ не далъ тѣхъ плодовъ, какихъ можно было ожидать по началу; при этомъ онъ указалъ на недостаточную отдѣлку, однообразіе тона и напыщенность въ описаніяхъ природы, на встрѣчающуюся иногда искусственность языка, на недостаточное развитіе характеровъ («Мыкола Джеря»). Я напомнилъ ему условія, въ которыя поставленъ украинскій беллетристъ, указалъ на отсутствіе литературной критики: вмѣсто безпристрастной оцѣнки своего произведенія, украинскій беллетристъ встрѣчаетъ въ большинствѣ печати либо умолчаніе, либо въ извѣстныхъ органахъ печати приправленное заподозрѣ-

ваніями и зубоскальствомъ яростное осужденіе за самый фактъ своего авторства.—Когда я потомъ, черезъ нѣсколько дней опять посѣтилъ Николая Ивановича, онъ прочиталъ мнѣ рецензію на «Бурлачку», напечатанную потомъ въ «Вѣстникѣ Европы».

Послѣднее украинское произведеніе, съ которымъ мы вмѣстѣ знакомились, принадлежало перу г. Мирного; Костомаровъ признавалъ за авторомъ громадный талантъ, соединенный съ близкимъ знакомствомъ и искреннею любовью къ народу; онъ находилъ однакоже, что въ этомъ произведеніи начинающаго автора не вездѣ удачно выбраны и проведены характеры дѣйствующихъ лицъ. Не могу не вспомнить еще и о той искренней радости, съ которой онъ встрѣтилъ извѣстіе о разрѣшеніи «Кіевской Старины», о томъ интересѣ, съ какимъ онъ встрѣчалъ всякую книгу этого журнала; по полученіи ея всѣ другія начатыя чтеніемъ статьи откладывались въ сторону до тѣхъ поръ, пока не оканчивалось изученіе близкаго сердцу журнала—впрочемъ свое мнѣніе объ этомъ журналѣ онъ самъ высказалъ печатно. Самъ онъ нѣсколько разъ выражалъ намѣреніе написать популярную исторію Украйны для народа по малорусски; въ это время онъ написалъ повѣсть «Черниговка»; сначала онъ думалъ написать ее цѣликомъ по украински, потомъ издалъ ее по русски, но разговорный языкъ дѣйствующихъ лицъ малороссовъ—украинскій.

Николай Ивановичъ любилъ разсказывать о своемъ прошломъ, быть можетъ потому, что было чѣмъ его вспомнить. Это была жизнь не заурядnаго ученаго или писателя, который послѣ ряда экзаменовъ безпрепятственно достигаетъ профессорской каѳедры, чтобы на ней успокоиться и отдохнуть отъ экзаменныхъ и выборныхъ треволненій. Уже самое происхожденіе и событія его дѣтства представляли много необычайнаго, онъ всегда съ гордостью вспоминалъ о своемъ крестьянскомъ происхожденіи, потомъ ему приходилось не разъ испытывать рѣзкіе и неожиданные переломы судьбы, переходить изъ одного положенія въ другое противоположное; дважды занималъ онъ каѳедру и дважды оказался не прочнымъ на ней,—все это черты, рѣдко встрѣчающіяся въ мирной жизни современныхъ ученыхъ,—это скорѣе полная превратностей и трагизма жизнь ученыхъ гуманистовъ эпохи возрожденія; съ ними Костомаровъ имѣлъ еще общее въ томъ, что всю жизнь долженъ былъ бороться

съ неразборчивыми на средства врагами, выступавшими подъ явнымъ или замаскированнымъ знаменемъ обскурантизма. Эта борьба не озлобила его, напротивъ, въ сужденіяхъ Николая Ивановича о людяхъ меня всегда поражало замѣчательное благодушіе и безпристрастіе, которое, какъ мнѣ казалось, переходило иногда даже въ старческій индиферентизмъ. Знаменитый писатель, дорожившій каждой минутой для работы, считалъ себя обязаннымъ аккуратно отвѣчать на всякое письмо, какъ-бы безсодержательно, иногда даже наивно оно ни было, хотя-бы притомъ оно было писано лицемъ, вовсе неизвѣстнымъ отвѣчающему. Человѣкъ, котораго враги много разъ обвиняли въ «развѣнчиваніи отечественныхъ авторитетовъ», виновенъ былъ развѣ въ томъ, что какъ историкъ требовалъ документальныхъ доказательствъ доблести и гражданскихъ добродѣтелей описываемыхъ имъ историческихъ дѣятелей. Я не разъ удивлялся въ немъ крайней осторожности и чрезвычайной сдержанности, когда по какому-либо поводу обсуждались поступки того или другаго изъ его враговъ. Къ враждебнымъ противъ него выходкамъ онъ относился безъ признака злобы, съ какимъ-то всепрощеніемъ, на зло старался отвѣчать добромъ, часто нарушая такимъ образомъ даже общественные интересы. Въ недавнее время одинъ молодой магистрантъ въ своемъ первомъ ученомъ трудѣ обрушился несдержанно на Костомарова; авторъ самъ обнаружилъ однако незнакомство съ общеизвѣстными научными и критическими пріемами; Николай Ивановичъ тѣмъ не менѣе отзывался о диссертаціи своего смѣлаго антагониста съ чрезвычайною снисходительностью; пытался найти въ незрѣлой работѣ какія-либо достоинства; привѣтливо встрѣтилъ онъ потомъ автора, гостепріимно принималъ у себя и на прощаніе снабдилъ его рекомендательными письмами, хотя къ этому времени успѣла обнаружиться и нравственная несостоятельность молодаго искателя; одобрительные отзывы и покровительство Костомарова оказали ему несомнѣнную услугу. Такимъ-же безмѣрнымъ благодушіемъ отличались его отзывы о нѣкоторыхъ ученыхъ, которые сначала прикидывались его послѣдователями, получали при его помощи каѳедру, а потомъ стали толковать своимъ слушателямъ, что «Костомаровъ не историкъ», хотя сами своими малочисленными трудами вовсе не доказали своихъ правъ на такое званіе, тѣмъ менѣе на право по усмотрѣнію раздавать или отни-

мать его. Съ какимъ-то непонятнымъ благодушіемъ и всепрощеніемъ относился онъ даже къ тому, что на языкѣ его извѣстно было подъ именемъ «іудина предательства», едва не погубившаго его навсегда.

Мнѣ иногда казалось, что это благодушіе является результатомъ старческой немощи духа, равнодушія и безразличія, которыя свидѣтельствуютъ, что всѣ счеты съ жизнію и ея идеалами уже заблаговременно покончены. Но потомъ я убѣждался, что въ этомъ всепрощеніи сказывается только прирожденная доброта въ связи съ глубокимъ знаніемъ человѣческой природы, результатомъ наблюдательности, постояннаго изученія исторіи и многолѣтняго жизненнаго опыта. Николай Ивановичъ никогда не забывалъ, что нѣтъ ходячаго зла, какъ нѣтъ на землѣ олицетвореннаго добра; привычка доискиваться всегда причины явленія сказывалась въ его безпристрастіи, даже снисходительности къ врагамъ; содѣйствовало этому и глубокое религіозное настроеніе, проникнутое христіанскою любовью, наконецъ стремленіе къ истинѣ, всегда очень сильное, боязнь уклониться отъ нея подъ вліяніемъ личной пріязни или вражды.

Относясь ко злу, какъ къ чему-то неизбѣжному, покойный историкъ однакоже никогда не мирился съ нимъ и глубоко вѣрилъ въ окончательную побѣду добра. Стремленіе къ идеалу оставалось въ немъ до смерти: направленію, усвоенному съ молоду, онъ оставался вѣренъ до конца своей жизни. Горячая любовь къ родинѣ и стремленіе къ благу народа были руководящими идеями всей его дѣятельности; широкое развитіе славянской взаимности, тѣсная связь между славянскими народами для дружнаго противодѣйствія внѣшнимъ врагамъ, постоянный обмѣнъ идей между ними рядомъ съ широкой племенною и мѣстною самобытностью, основанной притомъ на свободныхъ учрежденіяхъ, на терпимости и личной свободѣ— вотъ въ чемъ, по мнѣнію Костомарова, должна заключаться ближайшая задача всѣхъ славянъ. Единственное могучее средство для этого, по его мнѣнію, широкое просвѣщеніе народной массы и высокій уровень образованности въ наиболѣе интелигентномъ классѣ. Знаніе—залогъ лучшаго будущаго и всяческаго прогресса, которому насиліе въ какой-бы то ни было формѣ является лишь препятствіемъ— вотъ идеи и мнѣнія, которыя не разъ высказывались мнѣ Николаемъ Ивановичемъ и которыя сквозили во всѣхъ его сужденіяхъ. Иногда

дружныя нападенія враговъ и собственныя размышленія по поводу мрачныхъ современныхъ явленій колебали въ немъ вѣру въ себя и въ истинность идей, которымъ онъ посвятилъ всю свою жизнь: въ такія тяжкія минуты Николай Ивановичъ отрицалъ всякое значеніе за своими многолѣтними трудами, и это самоотрицаніе сопровождалось въ немъ такими нравственными страданіями, что даже присутствовать при этомъ «милліонѣ терзаній» старика-идеалиста было мучительно. Сила духа и тутъ брала верхъ; онъ побѣждалъ эти сомнѣнія и принимался вновь за работу, съ юношескою энергіей, съ чисто малорусскимъ упрямствомъ въ стремленіи къ идеалу, упрямствомъ, которое такъ мѣтко выражено другомъ Костомарова, Шевченкомъ въ словахъ:

«А я, брате,
Таки буду сподиватысь,
Таки буду выглядаты,
Серцю жалю завдаваты».

И жадно «выглядалъ» Костомаровъ явленій, которыя помогли-бы ему унести въ близкую могилу надежду на лучшее будущее. Съ чистою радостью привѣтствовалъ онъ мѣсяца за два до смерти двухъ молодыхъ ученыхъ, труды которыхъ посвящены изслѣдованію украинской старины; Костомаровъ какъ-бы ожилъ; я, за недосугомъ, долго не видѣлъ его; при первомъ-же свиданіи, уже послѣ отъѣзда его новыхъ знакомыхъ, онъ съ увлеченіемъ говорилъ мнѣ о трудахъ этихъ молодыхъ людей, о ихъ талантливости, о личной обаятельности одного изъ нихъ. До конца своей жизни, Николай Ивановичъ всегда близко принималъ къ сердцу все касавшееся молодаго поколѣнія,—на него онъ, вѣрный историческому опыту, возлагалъ всѣ свои упованія; минутныя увлеченія, грубыя иногда выходки, самыя заблужденія молодежи не колебали этой вѣры. Какъ-то за полгода до смерти, въ одинъ изъ вторниковъ, [1]) онъ измученный болѣзнію лежалъ въ своемъ кабинетѣ съ закрытыми глазами, какъ-бы совсѣмъ чуждый разговору гостей, толковавшихъ о нашей учащейся молодежи; оказалось однакоже, что хозяинъ слѣдилъ за разговоромъ;

---

[1]) По вторникамъ въ теченіи многихъ лѣтъ у Николая Ивановича собирались его друзья и знакомые; въ прежнее время здѣсь въ этотъ день можно было встрѣчать наиболѣе выдающихся представителей русской мысли.

онъ неожиданно горячо присоединился къ мнѣнію одного изъ собесѣдниковъ, который доказывалъ, что наша молодежь легко поддается вліянію и терпима къ чужимъ мнѣніямъ и желаніямъ, когда къ ней относятся искренне и прямо, но что она никогда не прощаетъ колебаній, двуличности и лицемѣрія. Даже въ огорчавшихъ его увлеченіяхъ и крупныхъ ошибкахъ нашей молодежи онъ способенъ былъ замѣчать благородные, честные порывы и не умирающее стремленіе къ истинѣ—этотъ, какъ онъ говорилъ, залогъ усовершенствованія въ будущемъ.

Таково было впечатлѣніе, которое производилъ на меня Николай Ивановичъ, особенно въ первое время послѣ переселенія моего въ Петербургъ. Посѣщая его часто, я видѣлъ, какъ крѣпкое отъ природы тѣло его все болѣе и болѣе подтачивалось недугами, потомъ я сталъ замѣчать, что вмѣстѣ съ тѣмъ по немногу слабѣли и мощныя силы его духа. Урывками, по временамъ, какъ-бы воскресали и сильный умъ его и благородное чувство. Осенью 1881 г. Николай Иванович при переходѣ черезъ улицу на Васильевскомъ Островѣ былъ сбитъ съ ногъ ломовымъ извощикомъ; оглобля попала ему въ голову, очень близко отъ виска и глаза. Окровавленный возвратился онъ домой; скоро впрочемъ онъ поправился и случай этотъ, повидимому, не имѣлъ дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій. Въ 1882 г. къ кашлю и постепенно учащавшимся удушьямъ впервые присоединилось кровохарканье. Оно, кажется, было результатомъ его неосторожности, холодныхъ купаній и несоблюденія діэты; непривычка беречь себя дѣлала эти новые болѣзненные припадки болѣе упорными и опасными. Желаніе вылечиться отъ недуговъ, освободиться отъ физическихъ нестерпимыхъ страданій, заставляли его обращаться къ докторамъ, хотя онъ медицинѣ вообще мало вѣрилъ и потому неохотно, какъ-бы по принужденію, подчинялся предписаніямъ врачей. Его особенно мучила невозможность продолжать работы; часто жаловался онъ на ослабленіе зрѣнія и слуха, говорилъ, что совершенно потерялъ умственныя способности, что все забываетъ, что не можетъ мыслить. И вслѣдъ за такими жалобами садился онъ читать или писать, а послѣ острыхъ припадковъ болѣзни его первый выходъ всегда имѣлъ цѣлью архивъ, гдѣ онъ

собиралъ матеріалы для новыхъ трудовъ. Лѣто 1883 года Костомаровъ провелъ въ Малороссіи, въ имѣніи своей жены—Дѣдовщахъ (полтавской губерніи, прилуцкаго уѣзда); тамъ онъ отдохнулъ, поправился и съ возстановленными силами вернулся въ Петербургъ. Грудныя страданія прошли и люди близкіе къ нему съ надеждой, что онъ еще долго потрудится надъ родною наукою, проводили старый годъ.

Новый 1884-й годъ вскорѣ разбилъ эти надежды: 25 января Костомаровъ возвращался изъ архива иностранныхъ дѣлъ, погруженный въ размышленія о Минихѣ, и вотъ подъ аркой генеральнаго штаба онъ опять былъ сбитъ съ ногъ, на этотъ разъ быстро мчавшимся экипажемъ. Въ безчувственномъ состояніи былъ онъ поднятъ городовыми; его сначала доставили въ управленіе участка, потомъ онъ самъ возвратился домой. Казалось, что этотъ несчастный случай также сошелъ благополучно: значительныхъ ушибовъ не было и Николай Ивановичъ быстро оправился. Но скоро къ прежнимъ грудымъ страданіямъ прибавились частыя и упорныя разстройства желудка, страшно ослаблявшія немощнаго уже старика; по временамъ возобновлялись зловѣщія кровохарканія. Все болѣе уменьшалась возможность трудиться, но не уменьшалась страсть къ труду, не изчезала способность къ творчеству. Пересматривался для новаго изданія Богданъ Хмельницкій, написаны «Греки въ Тавридѣ», собирались матеріалы для новаго выпуска «Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», появились статьи о Минихѣ, задумывались и новыя работы. Подготовка новаго изданія Богдана Хмельницкаго, чтеніе вызывавшаго у Николая Ивановича остроты романа Сенькевича «*Ogniem i mieczem*» и диссертаціи г. Буцинскаго заставили воображеніе историка-художника опять поработать надъ характеромъ дѣйствующихъ лицъ эпохи, которая послужила темой для его перваго капитальнаго труда. «Жена Хмельницкаго», говорилъ онъ мнѣ, «не даетъ мнѣ покою. Это несомнѣнно была замѣчательная личность; чувствуется, что въ ней надо искать завязку всей драмы Хмельницины; немного чертъ для обрисовки ея даетъ намъ исторія, но она все-же выдвигаетъ ее: она страстно любима мужемъ, участвуетъ въ пріемѣ польскихъ пословъ, она ихъ угощаетъ, вмѣшивается въ переговоры, потомъ сама пьетъ по приказанію мужа и напивается до пьяна; впослѣдствіи

она измѣняетъ мужу, который нарочно уѣзжаетъ, а Тимошъ, съ вѣдома гетмана, вѣшаетъ ее вмѣстѣ съ соучастниками измѣны; а между тѣмъ Хмельницкій страшно огорченъ ея смертью; долго не можетъ онъ успокоиться, на время теряетъ даже свою обычную энергію и находчивость и терпитъ вслѣдствіе этого крупныя неудачи, имѣвшія чрезвычайно важныя послѣдствія. Въ этой женщинѣ все загадочно; источники, къ несчастью, недостаточно освѣщаютъ ее; я чувствую, что она отличалась выдающимся характеромъ, что принимала активное участіе во всѣхъ великихъ событіяхъ бурной эпохи. Она какъ будто у меня передъ глазами; я ее какъ будто вижу, но не могу уловить ея образа; даже ночью, во снѣ, она является предо мною; мнѣ хотѣлось-бы написать трагедію—для таковой она является вполнѣ подходящей личностью, но у меня нѣтъ достаточныхъ подробностей,—источники молчатъ объ нихъ».

Весною прошлаго года мы опять провожали Костомарова при отъѣздѣ его въ Малороссію; семья и близкіе почитатели надѣялись, что благодатный югъ возстановитъ здоровье больного. Ихъ ожидало грустное разочарованіе. Крайне холодное въ началѣ, потомъ очень сухое и знойное лѣто еще болѣе разстроило его здоровье. Осенью возвратился онъ въ Петербургъ и съ этихъ поръ уже почти не поправлялся, не выходилъ изъ-подъ опеки врачей, безуспѣшно боровшихся съ грудными страданіями и желудочнымъ разстройствомъ. Онъ все болѣе слабѣлъ и худѣлъ; блѣдность и прозрачность кожи на лицѣ, ямы на вискахъ и ввалившіяся щеки, страшная худоба всего тѣла—все это живо напоминало изображенія престарѣлыхъ аскетовъ Рибейры. По временамъ ему какъ будто становилось лучше— тогда онъ посѣщалъ архивы, предпринималъ небольшія прогулки; такъ онъ однажды неожиданно утромъ посѣтилъ знакомыхъ, заинтересовавшись краснымъ видомъ изъ ихъ новой квартиры. Работать онъ продолжалъ и теперь, но конечно урывками; онъ вновь пересматривалъ свою обширную монографію «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», дополнялъ ее по новымъ матеріаламъ; изъ послѣднихъ онъ съ особеннымъ интересомъ знакомился съ трудомъ польско-галицкаго іезуита Калинки, у котораго находилъ подтвержденіе своимъ взглядамъ. Въ это-же время писалъ онъ жизнеописанія императрицъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны и приготовилъ всѣ матеріалы для біографіи Ломоносова. Костомаровъ гово-

рилъ, что издавши жизнеописанія этихъ дѣятелей вмѣстѣ съ Миних-хомъ, онъ довелъ свою исторію до Екатерины II; Петръ III, по его мнѣнію, по своимъ личнымъ качествамъ, не представлялъ усло-вій, вызывающихъ отдѣльное жизнеописаніе.

Жизнеописанія Миниха и Анны Іоанновны уже напечатаны; Елизавета также вполнѣ закончена имъ; о Ломоносовѣ Николай Ивановичъ говорилъ, что его геніальныя способности и труды опять поражаютъ его при болѣе близкомъ знакомствѣ съ ними, но что въ оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ русскаго академика ему пред-стоитъ разойтись съ большинствомъ біографовъ великаго самоучки. Изготовлялъ къ печати въ это время Костомаровъ и ранѣе написан-ную статью: «*Семейный бытъ* въ произведеніяхъ малорусскаго пѣсен-наго народнаго творчества»; ему очень хотѣлось приготовить еще статью о чумацкихъ пѣсняхъ, и среди бумагъ, кажется, должны быть черновые объ этомъ предметѣ наброски.

Среди физическихъ недуговъ, страданій и вынужденнаго ими частаго бездѣйствія, смѣняемаго трудомъ, при постоянномъ неуто-мимомъ уходѣ жены, кончился для нашего дорогого историка тяже-лый 1884-й годъ; новый годъ не принесъ ему облегченія; на нѣ-сколькихъ консиліумахъ извѣстнѣйшіе врачи (Боткинъ, Кошлаковъ, Эйхвальдъ и др.) признали его положеніе безнадежнымъ. По цѣлымъ днямъ лежалъ теперь Н. И. на диванѣ и лишь по временамъ у него хватало силъ для небольшихъ выѣздовъ или прогулокъ; садился онъ въ минуты облегченія и къ письменному столу, чтобы продолжать начатыя работы. Въ концѣ вербной недѣли онъ пожелалъ еще разъ видѣть картину Рѣпина «Іоаннъ Грозный послѣ убійства сына», картину, въ которой, по его мнѣнію, художественно воспроизведенъ характеръ Грознаго и вѣроятное настроеніе его въ полный для него трагизма моментъ. Николая Ивановича внесли на лѣстницу выставки; встрѣтивъ здѣсь талантливаго автора картины, онъ съ сердечнымъ удовольствіемъ высказалъ ему свое мнѣніе о картинѣ и выразилъ ему свою благодарность за нее.

На страстной недѣлѣ Костомаровъ послѣдній разъ выѣзжалъ на прогулку. Онъ теперь ужасно страдалъ отъ нестерпимыхъ по временамъ болей, слабости и невозможности работать во время сильныхъ припадковъ болѣзни. Онъ приходилъ въ отчаяніе, призы-валъ смерть, призывалъ ее и тогда, когда прихоти его, вызываемыя

болѣзнію, невозможно было немедленно-же исполнить. Потомъ опять являлось желаніе жить еще, трудиться—онъ отгонялъ отъ себя мысль о близкой смерти, но она являлась вновь, повидимому не оставляла его.

Со Свѣтлаго Воскресенія можно было ежедневно ждать его смерти. Знакомые земляки упросили его жену, изнемогавшую отъ продолжительныхъ попеченій о больномъ, допустить ихъ къ участію въ уходѣ за дорогимъ страдальцемъ, и вотъ мы видѣли, какъ въ этомъ слабомъ, изнемогающемъ, страшно исхудавшемъ тѣлѣ все еще сказывался великій духъ. Еще въ пятницу на свѣтлой недѣлѣ онъ въ послѣдній разъ сѣлъ писать; сильныя боли часто прерывали его послѣдній трудъ. Это была повѣсть изъ временъ Бироновщины; выведены Минихъ и какой-то русскій религіозный вольнодумецъ, освобождаемый первымъ отъ розысковъ; изложеніе, насколько я могу судить по нѣсколькимъ прочитаннымъ строкамъ, отличается живостію. Съ большимъ интересомъ относился Николай Ивановичъ къ вопросу объ угрожавшей намъ войнѣ съ Англіей; его пугала эта война; онъ полагалъ, что послѣдствія ея были-бы равно гибельны для обѣихъ сторонъ. Со среды, 2-го апрѣля, онъ уже не оставлялъ постели; лишь изрѣдка открывалъ глаза и отъ слабости мало говорилъ; по временамъ выражалъ свою любовь и признательность женѣ; иногда произносилъ отрывочныя слова и фразы; но ихъ значеніе трудно бывало уловить, такъ какъ неизвѣстно было теченіе его мыслей.

6-го апрѣля послѣ молебна въ память св. Кирилла и Меѳодія я отправился къ тому, кто первый оцѣнилъ великія заслуги славянскихъ первоучителей, кто всю жизнь свою посвятилъ дѣятельности, вѣрной ихъ духу. Я чувствовалъ нравственную потребность въ этотъ день услышать хоть слово объ нихъ отъ Костомарова. Тщетная надежда! онъ лежалъ скорчившись на своей постели въ спальнѣ; глаза его были закрыты; на мое привѣтствіе онъ едва слышно отвѣтилъ «здравствуйте!» и съ усиліемъ изъ-подъ одѣяла протянулъ мнѣ свою руку; я не знаю даже, узналъ-ли онъ меня. Вечеромъ я опять пришелъ, чтобы провести у него ночь. Онъ лежалъ теперь въ кабинетѣ; слышно было его тяжелое, затрудняемое мокротою дыханіе. Прибывшій вслѣдъ за мною докторъ Штанге выразилъ мнѣніе, что больному остается жить лишь нѣсколько часовъ, и предсказалъ при-

близительно самый моментъ смерти. Потянулись мучительные часы. Въ комнатѣ умирающаго находилась его жена, сидѣлка и я; среди тишины раздавалось тяжелое дыханіе больного, сопровождаемое наводившимъ на меня какой-то невольный страхъ клокотаніемъ накопившейся мокроты; чувствовалось, что она тутъ-же, гдѣ-то близко, что достаточно малѣйшаго усилія, чтобы ее вывести; но у больного не было уже достаточныхъ для этого силъ. Изрѣдка онъ мѣнялъ свое положеніе, самъ приподнимался, выражалъ въ одномъ какомъ нибудь словѣ свое желаніе.

Около 4-хъ часовъ утра клокотаніе какъ будто ослабѣло, дыханіе стало менѣе затруднительнымъ; потомъ къ 6 часамъ опять возобновились прежнія явленія. Въ 6¾ часовъ (въ воскресенье, 7-го апрѣля) больной сильно раскашлялся, самъ приподнялся и сѣлъ; жена его поддерживала, кашель продолжался; вдругъ глаза его широко раскрылись и громадные, неподвижные, установились на одну точку, затѣмъ они мгновенно потускнѣли; еще нѣсколько едва замѣтныхъ судорожныхъ движеній и дорогого нашего *учителя* не стало.

Въ тотъ-же день художникъ Рѣпинъ написалъ портретъ покойнаго, художникъ Сластіонъ снялъ съ него фотографію, а художникъ Беклемишевъ маску; теперь профессоръ Лаверецкій изготовилъ уже чрезвычайно удачный бюстъ покойнаго; онъ изобразилъ его лѣтъ на 15 моложе, въ цвѣтѣ силъ и съ творческою мыслію на лицѣ; сбору съ продажи снимковъ г. Лаверецкій далъ прекрасное предназначеніе служить основаніемъ на стипендію имени покойнаго въ харьковскомъ университетѣ для студентовъ, занимающихся преимущественно мѣстною исторіей и этнографіей. На дняхъ поступятъ въ продажу первые гипсовые снимки съ этого бюста, сдѣланнаго въ натуральную величину; можно надѣяться, что университеты и коллеціи пріобрѣтутъ ихъ, не смотря на высокую цѣну; осенью явятся въ продажѣ болѣе доступные по величинѣ и цѣнѣ гипсовые бюсты.

Особенно сильно сказалось глубокое чувство признательности Малороссіи къ заслугамъ великаго ея сына. Покойнаго бальзамировалъ бывшій студентъ кіевскаго университета гофъ-медикъ Вывод-

цевъ; отъ Кіева, Харькова, Одессы и другихъ городовъ Малороссіи, не смотря на короткій срокъ, который препятствовалъ цѣлымъ корпораціямъ, напримѣръ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, получить разрѣшеніе начальства, было особенно много вѣнковъ и другихъ выраженій сочувствія; рѣчи произносились надъ могилой преимущественно малороссами и притомъ представителями трехъ поколѣній (Мордовцевъ, Цвѣтковскій и Галипъ). Выразила свое глубокое сочувствіе Костомарову и молодежь, которую онъ такъ любилъ и цѣнилъ при жизни: не смотря на трудное экзаменное время, она явилась въ огромномъ числѣ; во весь путь, смѣняясь, провожали его гробъ три хора изъ учащейся молодежи съ пѣніемъ «Святый Боже»; молодежь, не смотря на одиннадцати-верстное разстояніе, все время несла тяжелый металлическій гробъ и никому не хотѣла уступить права доставить останки дорогого ей человѣка къ его послѣднему, вѣчному жилищу.

В. Беренштамъ.

ОЧЕРКЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ПРОФ. А. Ѳ. КИСТЯКОВСКАГО.

Смерть такъ неожиданно постигшая профессора Александра Ѳедоровича Кистяковскаго унесла безспорно одного изъ самыхъ выдающихся представителей въ русской наукѣ уголовнаго права, съумѣвшаго, вмѣстѣ съ другими немногими коллегами, поднять ее до высоты современнаго знанія. Вооруженный основательнымъ знакомствомъ съ тремя европейскими языками—французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ, давшимъ ему возможность изучить если не всю, то по крайней мѣрѣ лучшую часть иностранной уголовно-юридической литературы, надѣленный глубокимъ дедуктивнымъ умомъ, покойный профессоръ скоро перешелъ отъ компиляціи и подражанія къ самостоятельнымъ научнымъ работамъ, поставившимъ нѣкоторые изъ его трактатовъ въ уровень съ лучшими произведеніями западной науки.

Александру Ѳедоровичу выпала завидная доля начать свою научную дѣятельность въ 60-е годы, въ періодъ подъема русскаго духа и вѣры въ силу европейской науки и цивилизаціи, плодами которыхъ наше общество считало нужнымъ воспользоваться, приноровивъ ихъ къ условіямъ своего быта. Этотъ общій подъемъ духа и вѣры въ русскомъ обществѣ увлекъ собою и впечатлительную, отзывчивую натуру Александра Ѳедоровича, и такъ какъ ему пришлось встрѣтиться съ созрѣвшимъ у насъ уже въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ убѣжденіемъ въ несостоятельности старыхъ русскихъ формъ уголовнаго процесса и въ необходимости его реформы, то онъ и обратился къ изученію и къ опредѣленію лучшихъ

формъ послѣдняго, выработанныхъ на западѣ. Плодомъ этого изученія явилась первая работа Александра Ѳедоровича въ области той спеціальности, которой онъ себя потомъ посвятилъ, подъ заглавіемъ: «Очеркъ англійскаго уголовнаго процесса» (Журналъ Минист. Юст. 1860 г., кн. 6, 9, 12). Эта статья представляетъ изложеніе послѣдняго по сочиненію Митермайера: «Das englische, Schottische und Nordamericanische Strafverfahren 1851 года» и запечатлѣна такимъ-же глубокимъ уваженіемъ къ достоинствамъ англійскаго уголовнаго процесса, какое всегда высказывалъ къ нему и знаменитый нѣмецкій криминалистъ. Но это уваженіе не переходитъ въ слѣпое поклоненіе; Александръ Ѳедоровичъ еще рельефнѣе, чѣмъ Митермайеръ, выставляетъ недостатки излагаемаго процесса, заключающіеся въ отсутствіи стройной, научно-установленной системы и единства, которые бы давали въ руководство судьямъ твердыя, однообразныя правила на сходные случаи. Реальной подкладкой превосходства англійскаго уголовнаго процесса надъ континентальнымъ Александръ Ѳедоровичъ, согласно съ Митермайеромъ, считаетъ высокое развитіе гражданскаго сознанія въ англійскомъ обществѣ, воспитанномъ въ прямодушіи, любви къ правдѣ, уваженіи къ закону и къ потребностямъ общества, то развитіе, которое побуждаетъ всѣ отдѣльные органы суда совокупно стремиться къ одной и той-же цѣли—отысканію справедливаго рѣшенія. Между присяжными и коронными судьями поэтому царитъ полная гармонія; первые, не встрѣчая въ послѣднихъ правительственнаго давленія на свои приговоры, охотно постановляютъ таковые, сообразуясь съ указаніями судей, чѣмъ обезпечивается какъ интересъ личности, такъ и общества, ибо справедливость правосудія при этомъ не приносится въ жертву стремленіямъ оградить гражданскую свободу.

За этой первой работой, которой Александръ Ѳедоровичъ отвѣтилъ на желаніе русскаго общества достигнуть реформы въ уголовномъ процессѣ, послѣдовали въ 1864 г. двѣ новыхъ. Въ это время чаянія русскаго общества нашли энергическую поддержку въ самомъ правительствѣ, въ лицѣ покойнаго Государя, по повелѣнію котораго въ 1862 году были изданы основныя положенія судоустройства. При составленіи судебныхъ уставовъ, какъ извѣстно, правительство рѣшилось обратиться къ содѣйствію общественныхъ силъ,

способныхъ помочь поставленной задачѣ—цѣлесообразной организаціи уголовнаго процесса. Александръ Ѳедоровичъ, признававшій важное значеніе подобной задачи, не могъ въ виду этого обращенія остаться въ бездѣйствіи и не принести и свою лепту въ сокровищницу общественнаго труда: онъ написалъ два изслѣдованія, имѣвшія въ виду реформу двухъ самыхъ темныхъ сторонъ нашего стараго процесса: 1) Адвокатура во Франціи, Англіи и Германіи (Журн. Мин. Юст., 1863 г., книга 8) и 2) О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда по русскому дѣйствующему законодательству (Кіевъ, 1864 г.).

Первая изъ этихъ работъ представляетъ очеркъ устройства адвокатскаго сословія во Франціи, Англіи и Германіи—въ виду *будущей постройки*, въ которой можетъ принять участіе каждый способный къ ней. Но предлагая свой очеркъ въ этихъ видахъ, Александръ Ѳедоровичъ вовсе не рекомендуетъ одно только механическое копированіе западно-европейскихъ образцовъ; напротивъ, по его мнѣнію, къ другимъ необходимо обращатся, въ виду отсутствія собственнаго опыта, только за совѣтомъ, а не за моделью для рабскаго подражанія, иначе—копируя чужія учрежденія, мы можемъ усвоить и то, что признано несостоятельнымъ и близкимъ къ отмѣнѣ у самыхъ творцовъ учрежденій.

Статья начинается опроверженіемъ мнѣнія, будто адвокатура есть не столько учрежденіе, истекающее изъ требованій хорошей организаціи юстиціи, сколько политическое право, которому могутъ покровительствовать государства извѣстнаго режима. Дѣятельность адвокатовъ въ отправленіи правосудія, говоритъ авторъ, на столько неизбѣжна, на сколько необходимо недопущеніе до судовъ и изгнаніе изъ нихъ ябеды, крючкотворства, волокиты; безъ участія адвокатовъ нѣтъ и не можетъ быть правосудія въ собственномъ смыслѣ, а могутъ существовать только суды, будто-бы творящіе правосудіе; адвокаты существовали въ государствахъ съ разнообразнымъ режимомъ, не исключая и абсолютнаго, и это понятно—какова-бы ни была форма правленія, правительству невыгодно ослаблять правосудіе, это значило-бы налагать руку на собственные интересы.

Послѣ этого вступленія, авторъ переходитъ къ очерку организаціи адвокатуры во Франціи, а затѣмъ Англіи, съ указаніемъ общественнаго ея значенія въ этихъ государствахъ: статья преры-

вается на изложеніи состоянія адвокатуры въ Англіи; очеркъ ея въ Германіи, а также общіе выводы объ условіяхъ, при которыхъ она дѣйствительно можетъ быть полезной въ интересахъ возможно лучшаго отправленія правосудія въ государствѣ вообще и въ нашемъ отечествѣ въ частности,—обѣщанные авторомъ, остались невыполненными, быть можетъ потому, что авторъ одобрялъ ту организацію адвокатуры, которая была установлена вышедшими вскорѣ судебными уставами.

Во второмъ изъ названныхъ трудовъ, представленномъ Александромъ Ѳедоровичемъ какъ диссертація *pro venia legendi*, авторъ, изслѣдуя способы уклоняться отъ слѣдствія и суда по своду 1857 г., подвергаетъ ихъ критикѣ и раскрываетъ всю нецѣлесообразность ихъ организаціи, заключающуюся въ крайней неопредѣленности границъ примѣненія каждой изъ мѣръ пресѣченія, недостаткѣ формальностей, которыми должно быть обставлено принятіе каждой мѣры, особенно взятіе подъ стражу, отсутствіи раціональныхъ правилъ обжалованія, многочисленности лицъ, имѣвшихъ право брать подъ стражу и наконецъ—въ общемъ направленіи уголовнаго судопроизводства. Все это вмѣстѣ приводило нерѣдко къ совершенно неосновательному стѣсненію личности, къ частому и неумѣстному примѣненію содержанія подъ стражей, отъ котораго тюрьмы безъ нужды переполнялись слѣдственными арестантами. Показавъ столь печальное положеніе одной изъ весьма важныхъ частей уголовнаго процесса, Александръ Ѳедоровичъ взываетъ къ ея улучшенію и надѣется, что при предстоящей реформѣ участь лицъ, имѣющихъ несчастіе подпасть подъ слѣдствіе, будетъ облегчена.

Въ томъ-же 1864 году, кромѣ названныхъ статей, были напечатаны еще двѣ: «Вліяніе Беккаріи на русское уголовное право» (Ж. М. Ю., 1864, № 9, Псевдонимъ Городскій) и «Изложеніе началъ уголовнаго права по Наказу» (Кіев. Унив. Извѣстія, 1864 г., № 10). Эти статьи, изъ коихъ одна была пробной лекціей Александра Ѳедоровича въ кіевскомъ университетѣ, суть плодъ продолжительнаго изученія трудовъ Монтескье и Беккаріи, какъ источниковъ Наказа,—изученія, задачей котораго было опредѣлить степень заимствованій и оригинальности въ мысляхъ Екатерины II, а также вліяніе названныхъ мыслителей на русское уголовное законодательство. Эта задача касалась одного изъ весьма важныхъ, но совер-

шенно не изслѣдованныхъ въ то время вопросовъ въ исторіи нашего уголовнаго права, и нужно сказать, что она была выполнена покойнымъ съ успѣхомъ; наука русскаго уголовнаго права не должна забывать этой заслуги покойнаго. Александръ Ѳедоровичъ точно показалъ, что и какъ заимствовано законодательницей изъ трудовъ двухъ великихъ мыслителей XVIII вѣка и что принадлежитъ перу самой императрицы, а именно больше 100 статей Наказа (147—248) взято изъ Беккаріи, при чемъ это заимствованіе представляетъ простой переводъ подлинника, а еще болѣе статей Наказа взято изъ Монтескье, но здѣсь работа Екатерины уже подходитъ подъ компиляцію; перу законодательницы принадлежатъ статьи о воспитаніи, дворянствѣ, среднемъ родѣ людей и т. д.

Общіе выводы Александра Ѳедоровича о вліяніи Беккаріи и Монтескье на наше уголовное законодательство таковы: a) въ первое время имп. Екатерина II была исполнена желаній усвоить русскому законодательству положенія великихъ мыслителей, для чего и созвала депутатовъ отъ всѣхъ сословій, но ея желаніямъ не суждено было осуществиться по причинѣ низкаго культурнаго состоянія общества, не подготовленнаго къ воспріятію улучшеній; b) тѣмъ не менѣе сочиненія Беккаріи и Монтескье можно до нѣкоторой степени считать источниками нашего уголовнаго права; такъ напримѣръ: мысль Беккаріи, чтобы каждый судился себѣ равными (§ VII его сочиненія «О преступленіи и наказаніи» и 180 ст. Наказа) нашла свое выраженіе въ учрежденіи о губерніяхъ 1775 г., по которому каждое сословіе въ Россіи получило свой особый гражданскій и уголовный судъ; многія положенія Беккаріи о доказательствахъ, составившія содержаніе X главы Наказа, вошли въ Сводъ Законовъ (ст. 305—310, т. XV, ч. 2), раздѣляющій доказательства на совершенныя и несовершенныя и опредѣляющій ихъ вліяніе на приговоръ, а еще раньше указами 13 ноября 1767 г. и 8 ноября 1774 г. было предписано именно этою послѣднею главою руководствоваться въ изысканіи доказательствъ.

Въ слѣдующемъ 1875 году Александръ Ѳедоровичъ предложилъ Обществу пр. Нестора лѣтописца свою небольшую, но весьма цѣнную работу: «Нѣкоторыя черты изъ исторіи смертной казни въ Россіи» (читано 8 января). Эта работа проливаетъ свѣтъ на важный вопросъ въ исторіи русскаго уголовнаго права, а именно—

о томъ, какимъ образомъ некультурная Россія могла пріобрѣсти въ культурной Европѣ извѣстность страны, въ которой еще въ 1753 году смертная казнь была отмѣнена, т. е. раньше, чѣмъ какое либо иное государство о томъ подумало и даже раньше, чѣмъ Беккарія впервые рѣшился теоретически доказывать ея несостоятельность. Наиболѣе близкое къ истинѣ объясненіе этого историческаго факта Александръ Ѳедоровичъ видитъ въ сообщеніи историка XVIII вѣка Щербатова, что Елизавета Петровна, рѣшившись достигнуть престола при помощи гвардіи преображенскаго полка, поклялась предъ Всевышнимъ, что если ея предпріятіе удастся, то она во все время своего царствованія не лишитъ никакого виновнаго жизни; такимъ образомъ—«смертныя казни, заключаетъ Щербатовъ—были оставлены императрицей не на основаніи системы человѣколюбія, но по единой набожности».

Указавъ мотивы важнаго событія, Александръ Ѳедоровичъ раскрываетъ затѣмъ дѣйствительное положеніе вещей и на основаніи свидѣтельства того-же историка и Полнаго Собранія Законовъ доказываетъ, что, не смотря на видимую отмѣну смертной казни, она фактически примѣнялась—за государственныя преступленія явно, въ силу самаго закона, а за обіція въ замаскированномъ видѣ, посредствомъ засѣченія кнутомъ, плетьми, шицрутенами и даже розгами. Только въ царствованіе покойнаго государя этой замаскированной смертной казни былъ положенъ или почти положенъ конецъ. Эти выводы Александра Ѳедоровича перешли потомъ въ его извѣстную монографію «О смертной казни», удостоенную степени магистра (Кіевъ, 1867 г.).

Высокое значеніе этого изслѣдованія въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ методомъ, съ которымъ Александръ Ѳедоровичъ приступилъ къ дѣлу. Послѣ Беккаріи, а также Митермайера трудно было сказать что либо новое съ отвлеченно-схоластической точки зрѣнія по вопросу о смертной казни; разсуждая дедуктивнымъ путемъ можно всегда найти доводы какъ въ защиту смертной казни, такъ и противъ нея; по этому изслѣдованіе о справедливости или несправедливости смертной казни, какъ метко замѣтилъ покойный, было-бы пустой и безполезной работой. Цѣнные результаты здѣсь могъ принести только философско-историческій методъ, устанавливающій связь этого наказанія съ общественнымъ и умственнымъ

развитіемъ человѣка. Вооружившись этимъ методомъ, Александръ Ѳедоровичъ нашелъ, что только на низшихъ стадіяхъ жизни народовъ смертная казнь можетъ считаться необходимымъ учрежденіемъ, органически связаннымъ съ тогдашнимъ соціальнымъ строемъ, въ основѣ котораго лежало превосходство или физической силы или юридическаго неравенства, привиллегій меньшинства. Болѣе-же высокія стадіи культуры этой органической необходимости смертной казни вовсе не предполагаютъ; государство и его учрежденія, съ утвержденіемъ формальнаго единства—умственнаго, нравственнаго и религіознаго, пріобрѣтаютъ такую крѣпость, что для поддержанія ихъ нѣтъ нужды въ жестокихъ мѣрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ природа человѣка, вслѣдствіе успѣховъ разныхъ сторонъ общественнаго развитія, на столько измѣняется, что для дальнѣйшаго прогресса потребна не жестокая система наказаній, а организація цѣлесообразныхъ мѣръ. Общимъ слѣдствіемъ такого хода вещей является смягченіе нравовъ, съ чѣмъ тѣсно связано вымираніе нравственной необходимости смертной казни, и дѣйствительно исторія показываетъ, что по мѣрѣ развитія народовъ область примѣненія смертной казни все болѣе и болѣе сокращается. Процессъ этого уменьшенія, хотя медленный, за то до такой степени постоянный, что тождественность его направленія въ будущемъ не подлежитъ сомнѣнію: «совершившееся уменьшеніе, говоритъ Александръ Ѳедоровичъ, слишкомъ незначительны для того, чтобы уменьшеніе остановилось и не окончилось полною отмѣною». Когда послѣдняя совершится,—вопросъ практическій, но что уменьшеніе должно послѣдовать, это также несомнѣнно, какъ несомнѣненъ прогрессъ народовъ; осуществленіе общественной перемѣны можно замедлить, но предотвратить его нѣтъ возможности. Сохраненіе смертной казни до сихъ поръ въ законахъ и практикѣ объясняется тѣмъ, что еще не вымерли тѣ элементы и силы, которые ее создали и которые до сихъ поръ даютъ поддержку мыслителямъ, отстаивающимъ справедливость и необходимость смертной казни. Но лишь только эти элементы и силы угаснутъ, исчезнетъ и практика простыхъ смертныхъ казней, подобно тому, какъ исчезли пытка, членовредительныя наказанія и квалифицированные виды смертной казни, вмѣстѣ съ тѣмъ перестанутъ раздаваться голоса защитниковъ смертной казни, изъ коихъ большинство и теперь отстаиваетъ ее не въ принципѣ, а ради временной ея не-

обходимости и полезности, ради того, что общество еще не доросло до ея отмѣны.—Мы нарочно изложили тѣ выводы, къ которымъ пришелъ почтенный ученый, такъ какъ позволяемъ себѣ считать его трудъ, изобличающій глубокое знакомство съ обширнѣйшей литературой вопроса, лучшимъ его даромъ наукѣ уголовнаго права, превосходящимъ всѣ существующія по этому вопросу изслѣдованія, не исключая и работы знаменитаго Митермайера, котораго покойный Александръ Ѳедоровичъ называлъ своимъ учителемъ.

Слѣдующая крупная работа Александра Ѳедоровича, его докторская диссертація, вышла въ 1868 г. подъ заглавіемъ: «О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда»; она распадается на двѣ части—историческую и догматическую. Въ исторіи мѣръ пресѣченія авторъ различаетъ четыре періода: a) время до Судебниковъ или періодъ господства и почти исключительнаго примѣненія порукъ, b) время Судебниковъ или періодъ совмѣстнаго примѣненія порукъ и отдачи за пристава, c) время Соборнаго Уложенія или періодъ ослабленія порукъ и чистаго примѣненія отдачи за пристава и тюрьмы и d) наконецъ послѣдующее время до изданія Судебныхъ уставовъ—періодъ преобладающаго примѣненія тюрьмы, крайне рѣдкаго употребленія порукъ и уничтоженія отдачи за пристава. На этомъ послѣднемъ періодѣ Александръ Ѳедоровичъ останавливается съ особенной обстоятельностью и раскрываетъ намъ крайне безотрадную картину того положенія, въ которомъ находились лица, привлекавшіяся къ слѣдствію, въ силу несовершенства какъ спеціальныхъ законовъ, регулировавшихъ примѣненіе мѣръ пресѣченія, такъ и общей организаціи судоустройства и судопроизводства. Примѣненіе содержанія подъ стражей и тюрьмы зависѣло, говоритъ Александръ Ѳедоровичъ, больше отъ произвола слѣдователей, чѣмъ отъ закона, который не содержалъ точныхъ, опредѣленныхъ правилъ. Отсюда само собою являлись заключеніе въ тюрьму, когда не слѣдовало, переполненіе тюремъ слѣдственными и подсудимыми арестантами и непомѣрная продолжительность ихъ заключенія. Всѣ эти выводы Александра Ѳедоровича составляютъ результатъ изученія вопроса по многочисленнымъ источникамъ первой руки, образцоваго по строгости отношенія къ послѣднимъ, мастерскому освѣщенію историческихъ явленій и осторожности въ заключеніяхъ. Догматическая часть изслѣдованія представляетъ изложеніе поста-

новленій о мѣрахъ пресѣченія по уставу уголовнаго судопроизводства 1864 г., сопровождаемое глубокимъ анализомъ и мѣткими замѣчаніями, которыя потомъ нерѣдко цѣликомъ цитировали послѣдующіе изслѣдователи.

Въ 1875 году А. Ѳ. Кистяковскій подарилъ науку уголовнаго права новымъ трудомъ: «Элементарнымъ учебникомъ уголовнаго права», который быстро разошелся, такъ что въ началѣ 1877 г. его въ продажѣ уже не оказалось. Такой успѣхъ учебника объясняется его внутренними достоинствами: сравнительной полнотою изложенія, соединенной съ краткостью, болѣе или менѣе правильной постановкой ученій, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ и наконецъ простымъ конкретнымъ языкомъ, весьма легкимъ для пониманія и усвоенія излагаемыхъ ученій. Лучшая часть книги— это отдѣлъ о наказаніяхъ, сохраняющій въ вопросахъ уголовной политики свое важное значеніе и до сихъ поръ, не смотря на неустанные успѣхи науки. Покойный былъ менѣе силенъ въ вопросахъ чисто юридико-логической конструкціи, за то въ области уголовной политики онъ не имѣетъ соперниковъ въ русской наукѣ. Превосходство его трудовъ въ этой области въ значительной мѣрѣ объясняется его ровнымъ, теплымъ отношеніемъ къ падшему ближнему. Въ послѣднемъ покойный всегда признавалъ человѣка, котораго надо *исправлять* принятіемъ цѣлесообразныхъ мѣръ, а не *казнить*, ибо самые тяжкіе преступники, какъ глубоко вѣрилъ Александръ Ѳедоровичъ, способны къ исправленію. Особенно вѣрилъ Александръ Ѳедоровичъ въ возможность исправленія малолѣтнихъ преступниковъ, которымъ и посвятилъ рядъ публичныхъ лекцій, составившихъ отдѣльную монографію, вышедшую въ 1878 году подъ заглавіемъ: «Молодые преступники и учрежденія для ихъ исправленія». Установивъ статистическими данными положеніе, что причина преступности $^3/_4$ испорченныхъ дѣтей коренится въ дурномъ примѣрѣ и дурномъ воспитаніи, или, говоря иначе, въ преступности окружающей среды, Александръ Ѳедоровичъ призываетъ въ этомъ сочиненіи законодательную власть къ принятію раціональныхъ мѣръ въ видѣ организаціи земледѣльческихъ колоній и пріютовъ, способныхъ образовать и исправить малолѣтнихъ преступниковъ. Сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ шагъ впередъ сравнительно съ предшествовавшими монографіями другихъ авторовъ какъ въ исторіи

и изложеніи законодательной политики вообще, предлагая нѣкоторыя новыя соображенія законодательнаго характера и новыя свѣдѣнія о положеніи исправительныхъ заведеній во Франціи, такъ и въ обозрѣніи отечественныхъ учрежденій, сдѣланномъ съ несуществовавшей до того полнотой.

Отвѣчая на вопросы минуты, Александръ Ѳедоровичъ въ концѣ 70-хъ годовъ напечаталъ двѣ новыхъ статьи:

1) «Нуждается-ли общественная безопасность въ другихъ наказаніяхъ, кромѣ опредѣляемыхъ по суду? (Сборникъ государственныхъ знаній, т. IV, 1877 г.). Въ этой статьѣ послѣ общаго замѣчанія, что вмѣстѣ съ высшими формами общественной жизни человѣкъ все болѣе усваиваетъ себѣ убѣжденіе въ цѣлесообразности примѣненія наказанія къ подобнымъ себѣ не иначе, какъ по суду, авторъ устанавливаетъ два положенія. а) Въ обществѣ, въ которомъ, какъ въ древнихъ республикахъ Греціи и Рима, господствуетъ рабство, не можетъ быть личной свободы и неприкосновенности личности, будетъ-ли господствовать рабство въ чистомъ видѣ или нѣсколько очищенномъ, каково крѣпостное состояніе. Этимъ положеніемъ А. Ѳ. Кистяковскій, вслѣдъ за Бенжаменомъ-Констаномъ, опровергаетъ довольно распространенное въ обществѣ убѣжденіе, что въ древнихъ республикахъ и особенно въ Римѣ человѣкъ обладалъ величайшею личною свободою и неприкосновенностью. Такое убѣжденіе есть грубая ошибка, проистекающая изъ того, что, вслѣдъ за воззрѣніемъ древнихъ, свобода и личная безопасность немногихъ привиллегированныхъ гражданъ принимается за свободу и безопасность человѣка вообще въ государствѣ. При томъ неприкосновенность личности и этихъ немногихъ крайне шатка и въ сущности призрачна, ибо достаточно честолюбія одного, способнаго опереться на инстинкты угнетенныхъ, чтобы ее перевернуть вверхъ дномъ, сначала фактически, а потомъ и юридически, какъ это дѣйствительно и было въ Римѣ. в) Нѣтъ свободы и неприкосновенности въ государствѣ, въ которомъ всякій гражданинъ можетъ быть безъ суда сосланъ, арестованъ, заключенъ въ тюрьму, отданъ подъ надзоръ полиціи и т. д. Если общество или государство не желаетъ вѣчно стоять на вулканѣ, оно должно превратить въ положительный законъ слѣдующее правило: никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію и какому бы то ни было стѣсненію свободы или взысканію иначе, какъ по

суду. Правило это—достояніе новѣйшей общественности, отвергнувшей рабство, совершенно чуждо учрежденіямъ древнихъ и даже неизвѣстно мыслителямъ того времени. Впрочемъ и въ новѣйшей общественности оно лишено было практическаго значенія, за исключеніемъ Англіи, до позднѣйшаго времени. Правда, еще въ концѣ XVIII вѣка французская революція провозгласила правило, о которомъ идетъ рѣчь, но оно дѣятелями этой-же послѣдней было попрано и потоптано самымъ рѣзкимъ образомъ, напомнившимъ самыя худшія времена абсолютизма. Можно положительно сказать, что въ этой революціонной дѣятельности лежали причины непрочности и неустойчивости всѣхъ послѣдующихъ правительствъ Франціи.

Практическому осуществленію положеній о неприкосновенности личности гражданина и наказуемости его не иначе, какъ по суду, предшествовала теоретическая постановка вопроса о правѣ опредѣленія наказаній помимо суда, возникшая только послѣ улучшеній въ уголовномъ процессѣ и появленія идеи отдѣленія власти судебной отъ административной. До этого времени, вслѣдствіе смѣшенія суда и администраціи и господства въ уголовномъ процессѣ элементовъ самаго грубаго насилія, никому и въ голову не приходило сомнѣваться въ томъ, имѣетъ-ли право администрація по своему произволу подвергать гражданъ наказаніямъ. Постановка названнаго вопроса породила двѣ теоріи—нѣмецкую и французскую. Первая, представителемъ которой является Эйзенгардтъ, не была новостью: она представляла только теоретическую защиту того, что существовало фактически; она хотѣла оправдать старые порядки подъ благовиднымъ предлогомъ общественной безопасности. По ученію Эйзенгардта, противъ навлекшаго на себя подозрѣніе должно быть примѣняемо не наказаніе, а *мѣры безопасности*, какъ напримѣръ, тюрьма, ссылка, отдача подъ надзоръ полиціи, которыя, не преслѣдуя цѣли причинить лицу подозрительному матеріальное зло, имѣютъ своею задачею не возстановленіе уваженія и силы закона, какъ это бываетъ при наказаніи, а лишь отвращеніе опасности, согласно съ чѣмъ органомъ этихъ мѣръ должна быть полицейская власть. Вторая-же теорія, выработанная довольно рано въ Англіи и нашедшая себѣ энергическихъ защитниковъ въ французскихъ теоретикахъ XVIII и XIX вѣка, особенно въ лицѣ Бенжамена-Констана, явилась для континентальныхъ государствъ, какъ совершенная новость:

«на возвѣстила личную неприкосновенность гражданина, основавъ ее на отрицаніи справедливости какихъ-либо наказаній и взысканій, опредѣляемыхъ по произволу и усмотрѣнію администраціи. Французская теорія вскорѣ была признана и нѣмецкой наукой за истинновѣрную и въ началѣ XIX вѣка мало по малу вошла въ положительный законъ. Согласно началамъ этой теоріи въ основныхъ законахъ европейскихъ народовъ приняты слѣдующія правила въ огражденіе личной неприкосновенности: a) никто безъ суда и помимо суда не можетъ быть ни привлеченъ къ отвѣтственности предъ судомъ, ни наказанъ; b) никто не можетъ быть судимъ, осужденъ и приговоренъ къ наказанію иначе, какъ на точномъ основаніи закона и съ строгимъ соблюденіемъ точно установленныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства и c) предварительный арестъ по общему правилу есть дѣйствіе судебной власти, подчиняющееся извѣстнымъ формальностямъ. Изложенная статья весьма цѣнна, какъ восполняющая существенный пробѣлъ въ нашей литературѣ въ обстоятельномъ изложеніи теоріи и исторіи вопроса о гарантіи свободы и неприкосновенности личности.

2) «Судебная организація во Франціи и предстоящія въ ней реформы» (Журналъ гражданскаго и уголовнаго права, 1879 г., № 2 и 3). Эта статья, какъ показываетъ и ея заглавіе, написана въ виду тѣхъ реформъ въ судебной организаціи во Франціи, которыя были предприняты республиканскимъ правительствомъ, постоянно встрѣчавшимъ рѣшительное противодѣйствіе своимъ законнымъ распоряженіямъ въ судебной магистратурѣ и рѣшившимся поэтому нарушить самый принципъ несмѣняемости судей. Изложивъ на основаніи двухъ работъ: 1) Barrot, De l'organisation Judiciaire en France, 1872 г. и 2) Jules Favre, De la reforme Judiciaire, 1877 г. исторію французской магистратуры и недостатки ея организаціи, въ числѣ коихъ едва-ли не первое мѣсто принадлежитъ способу назначеній на должности и повышеній, авторъ заключаетъ свою статью мнѣніемъ, что недостатки французской магистратуры несомнѣнно доказываютъ невозможность одной несмѣняемостью создать независимость и самостоятельность судейскаго сословія въ его дѣятельности, а потому старая доктрина о значеніи несмѣняемости безъ дальнѣйшихъ оговорокъ должна быть разъ навсегда покинута. Такимъ образомъ Александръ Оедоровичъ высказалъ полупризнаніе цѣлесообразности

задуманныхъ въ то время французскимъ правительствомъ реформъ въ дѣлѣ судебной организаціи.

Послѣднимъ цѣннымъ вкладомъ, который сдѣланъ въ науку уголовнаго права Александромъ Ѳедоровичемъ, было второе изданіе его элементарнаго учебника общаго уголовнаго права, вышедшее въ 1882 году. Это изданіе, увеличенное противъ прежняго болѣе, чѣмъ въ двое, представляетъ существенныя дополненія, среди которыхъ найболѣе выдается историческій очеркъ науки уголовнаго права—работа солидная, весьма цѣнная не только для нашей литературы, но и для иностранной, въ которой, насколько намъ извѣстно, нѣтъ ни одного столь цѣльнаго и обстоятельнаго очерка. Въ предисловіи къ послѣднему авторъ доказываетъ, что установленный Іерингомъ общій законъ развитія права, какъ органическаго явленія, подобнаго языку и религіи, вполнѣ примѣнимъ и къ области уголовнаго права, которое есть только закрѣпленіе правовыхъ отношеній, выработанныхъ народною жизнью. Согласно съ симъ и наука уголовнаго права есть только объясненіе, развитіе и углубленіе тѣхъ понятій, которыя живутъ въ сознаніи общества о преступленіи и наказаніи, и самыя повидимому оригинальныя философскія построенія криминалиста, будучи сведены къ простѣйшимъ истинамъ, въ концѣ концовъ выражаютъ только то или другое убѣжденіе, живущее въ цѣломъ народѣ или въ такъ называемомъ обществѣ. Но отношенія народной жизни не остаются неизмѣнными: будучи произведеніемъ человѣка, существа развивающагося, они вмѣстѣ съ нимъ видоизмѣняются, что въ свою очередь влечетъ соотвѣтственныя движенія, перемѣны въ уголовныхъ законахъ, какъ закрѣпленіи выработаннаго, и въ самой наукѣ уголовнаго права. Отсюда возникаютъ два закона, которымъ подчиняется эта наука—законъ постоянствъ и движенія; дѣйствіе послѣднихъ проявляется въ разныхъ сочетаніяхъ—то въ видѣ равновѣсія, то въ видѣ преобладанія одного закона надъ другимъ. За предисловіемъ слѣдуетъ 1) самый очеркъ исторіи науки уголовнаго права, начиная съ древнихъ народовъ и кончая XVIII и XIX столѣтіями, 2) простое и ясное изложеніе теорій наказанія, съ довольно мѣткой критикой, 3) изученіе природы и объема юридическаго значенія вреда и убытковъ, причиненныхъ преступленіями, составившее содержаніе новой, лишней сравнительно съ учебникомъ

1875 года главы и 4) наконецъ подробное изложеніе постановленій русскаго законодательства съ кассаціонной практикой.

Кромѣ перечисленныхъ монографій и статей по уголовному праву, Александръ Ѳедоровичъ написалъ цѣлый рядъ рецензій на многія лучшія работы русской и иностранной литературы этого права, перечисленіе которыхъ можно найти въ Біографическомъ Словарѣ профессоровъ кіевскаго университета. Въ этомъ перечнѣ недостаетъ послѣдней рецензіи, конченной печатаніемъ въ газетѣ «Заря» уже по смерти автора, а именно—по поводу изслѣдованія Д. Дриля «Малолѣтніе преступники».

Наконецъ перу Александра Ѳедоровича принадлежатъ также нѣкоторыя работы по обычному праву, изученію котораго въ послѣдніе годы своей жизни онъ предавался до страсти и успѣлъ собрать богатѣйшіе матеріалы, свести во едино и разработать которые составитъ долгъ будущихъ изслѣдователей. Между работами по обычному праву солидное мѣсто занимаютъ слѣдующія три:

1) Программа для собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву, съ предисловіемъ о методѣ собиранія матеріаловъ по обычному праву (Кіевъ, 1878 г.), въ которомъ, между прочимъ, помѣщенъ цѣнный очеркъ литературы этого права. Программа изобличаетъ глубокое знакомство Александра Ѳедоровича съ тѣмъ, что было сдѣлано въ то время по обычному уголовному праву, и составлена такъ просто и искусно, что чрезвычайно облегчила послѣдующее собираніе и записываніе уцѣлѣвшихъ народныхъ обычаевъ и преданій о нихъ для всякаго, кто готовъ былъ заняться этимъ дѣломъ. Программа Александра Ѳедоровича по уголовному праву по достоинству не имѣетъ соперницъ.

2) Статья подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о цензурѣ правовъ у народа», помѣщенная въ Запискахъ императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи т. VIII. Эта небольшая работа, предлагающая чрезвычайно интересную, мастерски нарисованную картину цензуры правовъ, которую проявляетъ народъ во время совершенія браковъ въ Малороссіи, составлена отчасти на основаніи уже изданныхъ матеріаловъ въ Сборникахъ Терещенко и Чубинскаго, а больше на основаніи личныхъ наблюденій нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ корреспондентовъ Александра Ѳедоровича. По мнѣнію автора, болѣе глубокое

изученіе жизни нашего народа приводитъ къ убѣжденію, что его бытъ сохранилъ многія архаическія черты, изъ коихъ нѣкоторыя гораздо древнѣе происхожденія русскаго государства. Названное убѣжденіе, между прочимъ, подкрѣпляется сохранившимися обрядами брачнаго торжества. Послѣдніе совершаются съ извѣстною пунктуальностію и являются чѣмъ-то на столько необходимымъ и важнымъ, что безъ нихъ бракъ не въ бракъ: малороссійское *весилля* это цѣлая драма, непремѣнно имѣющая своего дирижера въ лицѣ ветхой, но опытной старухи, сидящей на печи, напоминающей, что зачѣмъ должно слѣдовать, и наблюдающей за тѣмъ, чтобы ничто важное не было опущено; отсюда выраженіе «играть весилля, играть свадьбу». При исполненіи этихъ обрядовъ каждое лицо, приглашенное для извѣстнаго назначенія, играетъ свою роль, а всѣ лица, исполняющія эту драму, составляютъ то общество, которое заинтересовано въ исполненіи этихъ обрядовъ. Къ числу этихъ обрядовъ принадлежатъ тѣ, во первыхъ, которыми сопровождается удостовѣреніе, сохранила-ли невѣста до брака цѣломудріе или нѣтъ, а во вторыхъ тѣ, которыми проявляется выраженіе въ первомъ случаѣ одобренія, похвалы, радости, а во второмъ порицанія, позора и неудовольствія. Описавъ затѣмъ эти обряды, авторъ въ концѣ статьи указываетъ важное значеніе изученія юридическихъ обычаевъ народа; по его мнѣнію, оно должно пролить свѣтъ на многіе темные пункты исторіи уголовнаго права, какъ, напримѣръ, причины прежней тяжкой наказуемости, до смертной казни включительно, нѣкоторыхъ преступленій противъ нравственности, напр. прелюбодѣянія, незаконнаго сожительства и т. п. Подобное изученіе, по мнѣнію автора, со временемъ скорѣе приведетъ къ познанію первоначальнаго источника многихъ юридическихъ институтовъ, чѣмъ постоянное обращеніе къ римскому и церковному праву—этой альфѣ и омегѣ всѣхъ историко-юридическихъ изслѣдованій.

3) Очеркъ историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, подъ заглавіемъ: «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ» (Кіевъ, 1879 г.). Этотъ очеркъ написанъ по поводу рукописи, заглавіе которой приведено, полученной А. Ѳ. Кистяковскимъ во время археологическаго съѣзда 1874 г. и заключающей въ себѣ обширный сводъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи въ XVII и въ XVIII вв. Издавая въ свѣтъ эту рукопись,

Александръ Ѳедоровичъ счелъ нужнымъ предпослать своему изданію изслѣдованіе поводовъ, которые послужили къ составленію свода, условій и способовъ послѣдняго, а также тѣхъ главныхъ источниковъ, изъ которыхъ составленъ сводъ, а именно литовскаго статута и книгъ магдебургскаго права. Это изслѣдованіе показываетъ, что поводомъ къ составленію свода послужили двѣ причины: во 1-хъ разнообразіе законовъ, въ числѣ коихъ были магдебургскіе и саксонскіе статуты, и противорѣчіе однихъ другимъ, а во 2-хъ печальное положеніе правосудія. Что касается литовскаго статута и магдебургскаго права, какъ источниковъ свода, то по мнѣнію Александра Ѳедоровича, система и идея перваго легли въ основаніе изслѣдуемаго памятника, служа руководствомъ и авторитетомъ для ея составителей. Эта идея впрочемъ подверглась въ сводѣ, подъ вліяніемъ магдебургскаго права, или значительному развитію и болѣе обстоятельному изложенію въ первоначальномъ своемъ духѣ, или-же замѣтному видоизмѣненію въ духѣ магдебургскаго права или давнихъ обычаевъ. Поэтому вліяніе двухъ послѣднихъ источниковъ, отразилось прежде всего видоизмѣняющимъ и развивающимъ образомъ на нѣкоторыхъ положеніяхъ основнаго закона—литовскаго статута; но кромѣ того они часто являются первоисточниками, легшими въ основаніе многихъ положеній свода; въ послѣднемъ есть главы, которыя цѣликомъ или почти цѣликомъ заимствованы изъ магдебургскаго права; обычное-же право не только послужило основою для многихъ положеній свода, но признано здѣсь тѣмъ неписаннымъ правомъ, къ которому судьи должны обращаться, когда писанное право не даетъ отвѣта на извѣстный случай. Это изданіе Александра Ѳеодоровича, результатъ усиленнаго труда нѣсколькихъ лѣтъ, представляетъ собою весьма важный вкладъ въ исторію нашего права; оно не только даетъ основательное изслѣдованіе недавно открытаго памятника, но проливаетъ новый свѣтъ на значеніе вообще особыхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи и въ частности на роль и судьбу литовскаго статута и Магдебургскаго права, опредѣленію которыхъ авторъ-издатель посвятилъ особую главу въ своемъ трудѣ.

Очертивъ научную дѣятельность профессора А. О. Кистяковскаго, которая, кажется, достаточно говоритъ сама за себя, я не могу заключить свой очеркъ иначе, какъ глубокимъ сожалѣніемъ объ

утратѣ для русской науки уголовнаго права, въ лицѣ Александра Ѳедоровича, не только такого ученаго, который двигалъ ее впередъ своимъ трудомъ, но и такого, который умѣлъ разлить вокругъ себя уваженіе и любовь къ наукѣ и вдохнуть охоту къ научнымъ работамъ во всякого, кто былъ къ тому способенъ. Авторъ этихъ строкъ, ученикъ и другъ покойнаго, именно Александру Ѳедоровичу обязанъ не только первой искрой любви къ наукѣ, но и болѣе глубокимъ ея развитіемъ.

Л. Бѣлогриць-Котляревскій.

НѢСКОЛЬКО ВСТРѢЧЪ СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ.

Голубе мій сивый-волохатый,
Братику ридненькій!
Чи зъ-зи сходу сонця, чи зъ заходу тябе вызирати?
Мы жъ до тебе й на тропокъ не влучимо,
И де подивсь еси, згаснувши, не вгадаемо.

—

Не диждавсь еси насъ, орле,
Не звеливъ у дроты искрострунни дзвонити,
Про свою далеку дорогу насъ обохъ сповистити.
Поспишавсь у велику путь,
Не давъ часу намъ у сыру землю чоло схилити,
Твій таемничій тропокъ слизьми скропити,
Винокъ на твоій домовыни зложити.

—

Орле сизоперый, пышный-велишный!
И докоромъ гиркимъ тяжко тебе корити,
И свого серця трудно́го не здолію мовчанкою вшанити.

I.

Николая Ивановича Костомарова я увидала впервые въ Кіевѣ въ 1847 году, проѣздомъ за границу. Я тогда была въ тревожномъ состояніи: оставила мать, родныхъ, родину и не ясно понимала, что значитъ провести нѣсколько лѣтъ среди чужихъ народовъ, какъ это было предположено. Образъ Костомарова едва скользнулъ по моей душѣ.

Очутясь въ Петербургѣ, я составила себѣ о немъ представленіе всего больше по разсказамъ его невѣсты. Обѣихъ насъ иску-

шало желаніе видѣть хоть на секунду затворниковъ III-го Отдѣленія. Мы составляли заговоръ, чтобы переодѣться охтенками, купить себѣ жестяныя ведра, наполнить ихъ хоть водой, проникнуть во дворъ III-го Отдѣленія и кричать: «хорошее, неподдѣльное молоко!» Мы были увѣрены, что, узнавъ наши голоса, дорогіе намъ затворники, которыхъ окна выходили во дворъ, бросятся къ желѣзнымъ рѣшеткамъ, и мы увидимъ ихъ обоихъ. Уже при одной этой мечтѣ у насъ голова кружилась и сердце радостно и печально замирало. Мы восторженно другъ друга обнимали и не могли дождаться утра, чтобы привести свой планъ въ исполненіе. Но старшій братъ мой, Викторъ Михайловичъ Бѣлозерскій, котораго мы посвятили въ свою тайну, сказалъ намъ, что мы этимъ можемъ только повредить узникамъ. Онъ былъ нашимъ руководителемъ въ столицѣ, и мы положились на его опытность.

Съ горестью должны были мы отказаться отъ своей романической затѣи,—тѣмъ болѣе, что въ III Отдѣленіи съ нами, т. е. съ матерью Костомарова, съ его невѣстой и со мною, обращались очень внимательно. Генералъ Дубельтъ меня называлъ своей дочерью, увѣщевалъ меня осушить свои слёзы и обнадеживалъ благополучнымъ исходомъ дѣла, хотя при этомъ говаривалъ: «ахъ, какую вашъ мужъ написалъ опасную книжку! Что это за Повѣсть объ Украинскомъ Народѣ? Недоставало пороху, чтобы все вспыхнуло».

Я всякій разъ отвѣчала на это: «книжка моего мужа издана съ дозволенія цензуры. Развѣ онъ тайно ее напечаталъ?»

Не знаю, до какой степени говорилъ искренно генералъ Дубельтъ, выражая мнѣ свое участіе; но въ персоналѣ III-го Отдѣленія дѣйствительно были люди, проникнутые чувствомъ искренняго состраданія къ намъ. Однажды, когда я съ матерью Костомарова вошла въ пріемную, обѣ измученныя неутѣшными слезами, одинъ изъ чиновниковъ укоризненно указалъ на насъ доносчику Петрову, сказавъ: «это г-жа Кулишъ и г-жа Костомарова».

Вторично я увидала Н. И. Костомарова въ крѣпости, о чемъ разскажу ниже, а въ третій разъ—въ Петербургѣ, по возвращеніи его изъ Саратова. Помню, какъ нетерпѣливо ждали его пріѣзда друзья его, собравшіеся у его почитателя и друга, моего другого брата, Василія Михайловича Бѣлозерскаго. Въ числѣ ихъ были мужъ мой, Симоновъ (Номисъ), польскій поэтъ Желиговскій и многіе

другіе. Но Костомаровъ не пріѣхалъ въ тотъ день. На улицѣ, когда я уходила раньше другихъ домой, мнѣ почудился его голосъ до такой степени, что слова, произнесенныя кѣмъ-то у меня за спиной и совсѣмъ не ко мнѣ относившіяся, заставили меня остановиться. Я все думала о немъ.

Но пріѣздѣ его въ Петербургъ, вскорѣ вышла его книга: «Стенька Разинъ». Она мнѣ очень понравилась; я купила три экземпляра и подарила своимъ роднымъ. Въ то время издавался украинскій журналъ «Основа», въ которомъ были напечатаны маленькіе мои разсказы изъ повседневной жизни украинскаго народа. Ему эти разсказы нравились. Николай Ивановичъ говорилъ иногда со мной о народной жизни, о повѣрьяхъ народа, объ обрядныхъ пѣсняхъ; впрочемъ я вскорѣ уѣхала въ Малороссію, и наше знакомство прервалось.

Потомъ, въ шестидесятыхъ годахъ, Костомаровъ пріѣхалъ въ Варшаву. Бывалъ у насъ часто. Насмотрѣлась я тогда на него и наслушалась его бесѣдъ, насколько это возможно. Костомаровъ былъ очень разборчивъ въ ѣдѣ. Раньше я была свидѣтельницею, какъ онъ критиковалъ у своей матушки масло къ чаю, говоря, что отъ этого масла его «морозитъ»; теперь я боялась, чтобъ и у насъ его не морозило. Но, къ удивленію моему, гостю чрезвычайно понравились приготовленные мною маринованные грибы и вообще къ нашему обѣду и ужину относился онъ благосклонно. Что касается маринованныхъ грибовъ, то безъ нихъ не обходился ни одинъ мой гераг. Такъ и родной всѣмъ намъ украинцамъ Шевченко, во время моего пребыванія въ Петербургѣ, до того полюбилъ маринованную мною корюшку, что я постоянно снабжала ею студію художника поэта. Онъ былъ моимъ старшимъ *боярином*, и мнѣ было пріятно служить ему. Съ именемъ Костомарова всегда соединяется въ моей душѣ имя Шевченка.

Счастливые дни и вечера! Умная рѣчь этихъ людей, озаренныя вдохновеніемъ ихъ лица восхищали меня невыразимо. Я заслушивалась, когда Костомаровъ бесѣдовалъ съ моимъ мужемъ по церковно-славянски. Это было его любимою забавою. Не всѣ предметы ихъ бесѣды были доступны для меня, но я любила смотрѣть на историка, воображавшаго себя Несторомъ лѣтописцемъ или аѳонскимъ отшельникомъ и отъ шутки мало по малу переходившаго

къ серьезному лицедѣйствію. Шевченко любилъ столько-же языкъ нашихъ кобзарей и ихъ думъ, сколько его другъ церковно-славянщину, и часто просилъ моего мужа прочитать ему то про Ганжу Андыбера, то про вдовиченка Копивченка и т. д. Онъ любилъ его дикцію, и всякій разъ приходилъ въ такое восхищеніе отъ народнаго нашего эпоса, какъ будто слышалъ декламацію кобзарскихъ думъ впервые.

Всегда благословляла я судьбу за общеніе съ такими людьми, какъ мужъ мой, Костомаровъ и Шевченко. Во время ихъ задушевныхъ и шуточныхъ бесѣдъ, я молодѣла противъ лѣтъ, и Костомаровъ говаривалъ мнѣ не разъ: «вы не перемѣняетесь, Александра Михайловна». Даже въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда мы встрѣтились въ Москвѣ, онъ повторилъ мнѣ свой комплиментъ, а я отвѣтила ему стихомъ украинской пѣсни:

За хорошимъ чоловикомъ жинка молодіе.

Въ награду мнѣ за это, раздавался великолѣпный, звонкій, задушевный смѣхъ Костомарова. Онъ смѣялся, закидывая голову. Никто не смѣялся такъ отъ души и такъ молодо, какъ онъ.

II.

Возвращаюсь къ варшавскому нашему общенію. Однажды Николай Ивановичъ предложилъ мнѣ идти въ катакомбы святокрижскаго костела. Онъ уже былъ въ нихъ и осмотрѣлъ всѣ гробницы. Объ одной покойницѣ XVII вѣка онъ говорилъ, что она удивительно хорошо набальзамирована, что онъ ее посадилъ и она была гибкая, мягкая, какъ живая. Я согласилась на оригинальное предложеніе и пригласила съ собой мою племянницу. Спустились мы въ подземелье; прошли нѣсколько мрачныхъ пустыхъ отдѣленій, потомъ онъ зашелъ въ какую-то келію и оттуда вышелъ въ сопутствіи капуцина, который и повелъ насъ далѣе, давъ намъ въ руки по восковой свѣчкѣ.

Страхъ охватилъ меня. Глухой гулъ шаговъ томительно раздавался подъ молчаливыми сводами; но я собрала все свое мужество, не показываю страха. Идемъ: впереди капуцинъ, за нимъ Костомаровъ, потомъ я и моя племянница. Капуцинъ останавливается у каждой надгробной доски въ стѣнѣ и читаетъ. Племянница

моя дрожитъ, жмется ко мнѣ и развлекаетъ мое вниманіе. Чтобъ ей не было такъ страшно, я послала ее впередъ, сама стала идти въ арріергардѣ. Гулъ нашихъ шаговъ раздавался глуше, все глуше. И меня пробираетъ ужасъ. Я страшусь оглянуться назадъ, точно кто-то хватаетъ меня за плечи холодными руками и дышетъ сзади холодомъ. Свѣчи тускнѣютъ; но въ выраженіи Николая Ивановича сіяетъ что-то очаровательное, хоть и не понятное для насъ. Къ чему онъ такъ восторженно стремится? Не боится онъ ни сырости, ни страшныхъ, какихъ-то могильныхъ звуковъ изъ устъ капуцина.

Чѣмъ дальше углубляемся въ катакомбы, тѣмъ больше сердце наше, что называется по украински, вянетъ. Катакомбы дѣлаются все мрачнѣе; свѣчи все больше тускнѣютъ. По угламъ стоитъ густая, неподдающаяся освѣщенію темнота.

Но вотъ мы почти уже достигаемъ цѣли. Костомаровъ такъ насъ намагнитизировалъ, что мы безсознательно несемся за нимъ, хотя и трепещемъ и сердце у насъ, что называется не на мѣстѣ. Одинъ онъ сіяетъ какою-то торжественностью, какимъ то откровеніемъ былаго. Шуба у него сползла съ плечъ,—въ экстазѣ, онъ всегда являлся въ шубѣ декольте, такъ что и въ Петербургѣ я узнавала его по шубѣ издали; вдругъ капуцинъ оглянулся на насъ и, замѣтивъ, что наша спутница трусливо жмется ко мнѣ, возвысилъ голосъ, произнесъ: *umarły wstaje*. Мы обѣ вздрогнули; у обѣихъ насъ подкосились ноги. Въ нѣсколькихъ шагахъ виднѣлся гробъ Маріи (забыла я фамильное имя усопшей), оставалось только видѣть покойницу XVII столѣтія, сохранившуюся точно сонная; но мы были не въ силахъ приблизиться. Ни просьбы Костомарова, ни убѣжденія самаго капуцина не могли насъ успокоить.

Мнѣ представилась амфилада темныхъ безвыходныхъ комнатъ, которую мы прошли. Въ опасную минуту некуда спасаться; кричать было-бы безполезно.

Мы просили объ одномъ: вывести насъ отсюда. Я скоро оправилась, но племянницу свою едва довела подъ руку до выхода изъ катакомбъ. Очень совѣстно было передъ Костомаровымъ: онъ такъ искренно хотѣлъ насъ просвѣтить, а мы оказались еще не доросшими до историческихъ открытій въ царствѣ мертвыхъ. На другой день Костомаровъ одинъ отправился туда и вполнѣ исчерпалъ все, что ему было нужно для его изслѣдованія.

III.

Въ шестидесятыхъ годахъ была я одна въ Петербургѣ. Матушка Костомарова любила меня. Мы общую съ ней чашу горя пили въ несчастливомъ 47 году. Мы являлись вмѣстѣ и въ петропавловскую крѣпость, къ незабвенному по сердцу безрукому коменданту, для свиданья съ тѣми, кто былъ для насъ всего дороже на свѣтѣ. Въ первый разъ мы пришли трепетныя съ просьбой дозволить намъ повидаться. Вышелъ къ намъ суровый съ виду комендантъ.

Слабымъ и дрожащимъ голосомъ первая доложила о своемъ желаніи мать Костомарова, а я еще болѣе робко проговорила такую-же просьбу, потому что у меня былъ въ рукахъ букетъ незабудокъ, перевитый длинной полоской бумаги, испещренной нѣжностями и утѣшеніями, для передачи тому, который былъ теперь въ положеніи государственнаго преступника, но котораго сердце мое называло святымъ. При этомъ я принесла и незапечатанное письмо къ мужу моему, облитое слезами. Трепещущей рукой передала я все это коменданту для цензировки, и жду громоваго удара отъ безрукаго великана. Онъ взялъ, взглянулъ на букетъ, замѣтилъ записочку въ видѣ ленточки, но не сказалъ ни слова, потомъ развернулъ письмо и прочелъ нѣсколько строкъ. У меня начали ноги дрожать... Онъ бросилъ мнѣ обратно письмо, закрылъ лице, заплакалъ и стремительно вышелъ въ третью комнату.

Вскорѣ появился Николай Ивановичъ Костомаровъ, блѣдный, совершенно разстроенный. Одежда его и все остальное сжало мое сердце. Припалъ, поцѣловалъ руку матери. Разговору не было слышно. Я сидѣла далеко, безмолвная и несчастная. Я думала и о своей матери. Вдали сидитъ жандармъ офицеръ. Всего одну четверть часа свиданья дозволили Татьянѣ Петровнѣ съ сыномъ, а мнѣ съ мужемъ; но я передала ему цвѣты и письмо. Этого не описываю. Слабые, непослушные шаги осужденныхъ унесли отъ насъ все—и серце и душу и дыханіе.

Великодушный братъ мой Викторъ всегда и всюду сопутствовалъ мнѣ въ моихъ печальныхъ странствованіяхъ по петербургскимъ мытарствамъ. Безъ него мы обѣ неспособны были оказать другъ другу никакой человѣческой помощи. Мы бы упали и умерли тутъ же въ крѣпости.

И такъ въ шестидесятыхъ годахъ я пріѣхала въ Петербургъ одна. Татьяна Петровна и Николай Ивановичъ встрѣтили меня радушно, оставили меня у себя обѣдать. Татьяна Петровна за обѣдомъ угощала меня любимыми кушаньями Костомарова—солянкой изъ свѣжей осетрины и рисовой кашей съ изюмомъ. Меня поразило, что сама она ничего не ѣла: она нѣсколько лѣтъ питалась однимъ чаемъ.

Меня пригласили бывать у нихъ по вторникамъ, когда у Николая Ивановича собирались литературные пріятели; но я посѣщала ихъ въ неопредѣленное время. Мы часто бывали съ нимъ въ театрѣ. Николай Ивановичъ всякій разъ пріѣзжалъ за мной. Однажды жду, жду,—его нѣтъ. Я думала, что не будетъ совсѣмъ. Вдругъ звонокъ, и входитъ вмѣсто него Татьяна Петровна. Меня это встревожило. Но она меня тотчасъ успокоила. «Николаша мой извинялся передъ вами, не могъ быть сегодня самъ; то на свое мѣсто меня послалъ къ вамъ. Только, что собрался ѣхать къ вамъ, какъ Толстой пріѣхалъ и взялъ его. Сегодня, говоритъ, будутъ ставить на сцену мою пьесу «Іоаннъ Грозный», будетъ репетиція».

Такъ я невольно заставила Татьяну Петровну перемѣнить свою иноческую жизнь на свѣтскую. Давали «Русалку» Пушкина. Мы обѣ остались довольны игрой и великолѣпными декораціями.

Добрѣйшій и любезнѣйшій Николай Ивановичъ не замедлилъ явиться ко мнѣ съ предложеніемъ смотрѣть вмѣстѣ съ нимъ и «Іоанна Грознаго», и многія другія пьесы.

Потомъ еще ѣздили мы въ школу стенографіи. Она была тогда въ модѣ. Зала была полна учащихся всѣхъ возрастовъ. Потомъ еще однажды ѣздили мы вмѣстѣ въ греческую церковь; но къ богослуженію опоздали, осмотрѣли только церковь съ ея прекрасною живописью и изящною деревянною скульптурою.

Когда бывалъ у меня Костомаровъ, мы больше всего съ нимъ говорили о родинѣ. Онъ удостоивалъ меня своихъ серьезныхъ размышленій о бывшей и возможной въ будущемъ роли нашего народа, отъ серьезныхъ размышленій переходилъ къ анекдотамъ, шуткамъ, и почти всегда я видѣла его веселымъ. Часто онъ говорилъ мнѣ: «найдите мнѣ невѣсту. Я женюсь безъ всякаго колебанія, если *вы* найдете мнѣ невѣсту».

Но гдѣ-же было искать подходящей ему жены? Несчастье одиночества его происходило отъ его превосходства, какъ это случается въ жизни часто. Такъ, бывало, мы потолкуемъ, посмѣемся да и закончимъ этимъ свиданіе. Искомое было не находимо.

IV.

Въ послѣдній разъ я видѣла Костомарова въ Москвѣ, все такимъ-же веселымъ, жаждущимъ живой бесѣды, цѣнящимъ каждое доброе или умное слово собесѣдника. Я всегда находила безмѣрное, безпредѣльное удовольствіе въ томъ, чтобы слушать Костомарова, когда онъ говорилъ съ моимъ мужемъ, хотя-бы о самыхъ спеціальныхъ предметахъ. Иной разъ ихъ споры, доводы, разсказы и воспоминанія продолжались часа по два. Я забывала о себѣ и не скучала тѣмъ, что не могла быть ни судьею, ни участникомъ ихъ исторической, часто религіозной, часто и политической бесѣды. Съ обѣихъ сторонъ не было ни пристрастія къ себѣ, ни раздраженія. Они бесѣдовали мирно, называя другъ друга по монашески: «отче Николае! отче Пантелеймоне»! Когда-же Николай Ивановичъ бывалъ особенно доволенъ своимъ собесѣдникомъ, или особенно хотѣлось ему быть убѣдительнымъ, онъ восклицалъ какъ-то трогательно: «честнѣйшій отче Пантелеймоне!» на что получалъ въ отвѣтъ: «честнѣйшій отче Николае!» Дорогія для меня имена! незабвенныя имена! вы не соединитесь уже въ одномъ бесѣдованіи о тайнахъ былой и будущей жизни, которая для обоихъ васъ была такъ дорога. Рѣчь у нихъ лилась потокомъ, точно цѣлыя лѣтописи и архивныя связки расплавливались въ горнилѣ ихъ ума. Святое, невозвратное время! Для меня эти бесѣды были лучше всякихъ концертовъ.

Николай Ивановичъ это чувствовалъ: онъ зналъ, что я, не умѣя поддержать бесѣды ученой, умѣла цѣнить ее; что я восхищалась не однимъ краснорѣчіемъ его, но каждымъ его движеніемъ, звуками его голоса и его задушевнымъ, все еще молодымъ смѣхомъ. Онъ былъ всегда очень любезенъ и добръ ко мнѣ. Онъ щедро расточалъ передо мной свое духовное богатство. Перомъ тебѣ земля, великій и благоволящій человѣкъ!

А. Кулишъ.

Воззваніе конфедератовъ воеводства сандомирскаго къ русскому народу.

(около 1733 года).

Въ послѣднее десятилѣтіе заправители польской политики не разъ выдвигали вопросъ о примиреніи съ русскими, забвеніи всего прошлаго, равенствѣ и братствѣ, горячо иногда дебатирующійся въ печати и устныхъ бесѣдахъ. Остроумное напоминаніе недавно умершаго историка нашего Н. И. Костомарова о деревянномъ конѣ, ввезенномъ греками въ Трою, хотя временно озлило, но не остановило ихъ. Пройдетъ годъ-другой, и вновь гдѣ нибудь на берегахъ Вислы и даже Сены, въ Галиціи или Познани, поднимется тотъ же вопросъ и дебатируется съ пафосомъ, приводящимъ къ мысли, что троянскій конь остался гдѣ-то далеко назади. Всего любопытнѣе въ этихъ дебатахъ то, что главнымъ мотивомъ необходимости примиренія выставляется опасность, грозящая полякамъ и русскимъ, и гораздо болѣе послѣднимъ, со стороны общаго врага славянъ—нѣмца.

Маневръ далеко не новый. Любопытный образчикъ подобнаго заигрыванья поляковъ съ русскими, въ видахъ будто-бы дружной борьбы противъ нѣмцевъ, найденъ нами въ бумагахъ покойнаго профессора Н. Д. Иванищева и относятся къ тому далекому времени, когда Польша впервые почувствовала надъ собою тяжелую руку державъ, впослѣдствіи ее раздѣлившихъ. Это воззваніе шляхты сандомирскаго воеводства къ русскому народу, время появленія котораго ученый нашъ историкъ полагалъ около 1733 г., но которое вѣроятнѣе, кажется, будетъ отнести именно къ этому году. Дѣло шло тогда о замѣщеніи польскаго престола; вся почти Европа заинтересована была этимъ вопросомъ. Два кандидата оспаривали другъ у друга польскую корону: Станиславъ Лещинскій, бывшій уже однажды на польскомъ престолѣ, но отрекшійся отъ него, и курфирстъ саксонскій Августъ, сынъ умершаго предъ тѣмъ польскаго короля. Перваго, какъ природнаго поляка и слабаго короля, же-

лала наиболѣе либеральная и патріотическая часть польскаго шляхетства, а поддерживала Франція въ союзѣ съ нѣкоторыми другими державами; второй былъ выдвинутъ Австріею и дѣятельно поддержанъ Россіею, войска которой вступили въ Польшу. Въ Россіи между тѣмъ именемъ императрицы Анны Іоановны царилъ въ ту пору кровожадный Биронъ, въ короткое время успѣвшій заявить себя сколько покровительствомъ своимъ единоземцамъ, столько-же и жестокимъ преслѣдованіемъ всего русскаго. Этимъ-то печальнымъ для Россіи обстоятельствомъ старается воспользоваться сандомірская шляхта, чтобы разстроить столь невыгодный для ея цѣлей союзъ Австріи и Россіи и остановить двинутыя послѣднею войска. Моментъ былъ повидимому вполнѣ благопріятный и шляхта пользуется имъ съ замѣчательною ловкостью, но вмѣстѣ съ свойственнымъ ей легкомысліемъ и безстыдствомъ: она задѣваетъ самыя нѣжныя и уже сильно наболѣвшія чувства русскихъ — національную ихъ честь и самолюбіе, выставляетъ на видъ то постыдное иго нѣмецкое, отъ котораго они въ то время терпѣли, старается увѣрить ихъ, что «поколѣніе царей русскихъ прекратилось» и объявленный тогда наслѣдникъ русскаго престола не имѣетъ кровной связи съ прежнею династіею, съ своей точки зрѣнія изображаетъ тогдашнее положеніе дѣлъ въ Европѣ и настоятельно убѣждаетъ, оставивъ въ покоѣ Польшу, произвести у себя ни болѣе, ни менѣе, какъ полный *coup d'etats* и этимъ путемъ не только избавиться отъ господства нѣмцевъ, но въ одинъ разъ добиться той златой вольности, которую она, шляхта, вѣками завоевала для себя, отнявъ власть у королей. Понятно, что подъ именемъ народа русскаго, къ которому на этотъ разъ взываетъ сандомірская шляхта, она разумѣетъ только равное ему дворянство русское, а до того, въ какомъ положеніи очутились-бы при выхваляемыхъ ею вольностяхъ прочіе классы русскаго народа, ей дѣла нѣтъ, какъ не было дѣла и у себя дома. Она соболѣзнуетъ правда о той части «козацкаго народа», которая, отдѣлясь отъ Польши подъ русскую державу, терпѣла теперь отъ нѣмецкаго ига вмѣстно памятной ему польской свободы, но забываетъ о той части этого-же народа, которая, оставшись противу воли за Польшею, не знала, какъ вырваться изъ ея объятій и, какъ къ послѣднему для того средству, прибѣгала къ поголовному почти гайдамачеству.

Конечно, мудрый совѣтъ сандомірской шляхты не могъ встрѣтить сочувствія въ русскомъ народѣ и ей самой потерею отчизны пришлось увѣриться въ томъ, что на золотой шляхетской вольности нельзя построить ни политическаго могущества, ни общественнаго благополучія: тѣмъ не менѣе ея воззваніе къ русскому народу остается весьма интереснымъ памятникомъ политико общественныхъ стремленій польской шляхты и ея отношеній къ намъ, не забытыхъ ею и доселѣ и служащихъ основою возобновляемой отъ времени до времени игры въ дружбу и братство съ русскими для общей борьбы противъ нѣмцевъ.

Рукопись, по которой мы печатаемъ это любопытное воззваніе, писана хорошо знакомымъ намъ почеркомъ покойнаго Николая Дмитріевича и имѣетъ не

мало поправокъ; послѣднее указываетъ на то, что это есть имъ-же сдѣланный переводъ съ польскаго списка или же подлинника, найденнаго, имъ по всей вѣроятности, во время неоднократныхъ его поисковъ въ польскихъ архивахъ. Содержаніе воззванія и извѣстная всѣмъ добросовѣстность и крайняя осторожность умершаго ученаго не допускаютъ никакого сомнѣнія въ подлинности памятника, хотя первоначальнаго источника его мы и не можемъ указать.

Пресвѣтлое воеводство сендомирское возложило на меня обязанность немедленно изъявить и засвидѣтельствовать искреннее благорасположеніе нашей Рѣчи Посполитой къ русскому народу и войску, по случаю нынѣшняго вторженія войскъ московскихъ въ Польшу. Исполняя эту обязанность, я, на основаніи постановленія сендомирской конфедераціи, объявляю всему свѣту, симъ своимъ манифестомъ, нижеслѣдующее.

Никогда мы не терпѣли болѣе тяжкой обиды. Все свое несчастное положеніе Рѣчь Посполитая приписываетъ не столько единоплеменной русской націи, сколько иному народу, посягающему на вольность польскаго народа. И въ самомъ дѣлѣ, кто изъ проницательныхъ людей, совершенно знающихъ причину настоящаго переворота въ Рѣчи Посполитой и въ цѣлой Европѣ, можетъ обвинять преимущественно народъ русскій въ жестокихъ насильствахъ и общественныхъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ намъ Москвою? Уже интриги, казавшіяся тайными, открыты всему свѣту. На тѣхъ, которые подали дѣйствительный поводъ и были истинною причиною зла, всѣ должны обратить праведную месть, какъ мы, такъ и славный народъ русскій. Уже всякому извѣстно, что настоящая причина и источникъ нынѣшнихъ смутъ въ Польшѣ и въ другихъ европейскихъ государствахъ заключается въ интригахъ вѣнскаго двора. Австрія, по безмѣрному своему честолюбію, стремясь ко всемірному обладанію, возбудила такую великую бурю въ отечествѣ нашемъ и въ цѣломъ свѣтѣ. Не видя возможности распространять свое могущество на востокѣ, югѣ и западѣ, получивъ сильный отпоръ отъ могущественнѣйшихъ сосѣдей, она обратила всѣ свои силы на сѣверныя государства, стараясь поглотить ихъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать изъ нихъ полусамостоятельныя государства, ей подвластныя.

По завоеваніи чеховъ и венгровъ, очередь дошла до насъ и до дальнѣйшихъ сѣверныхъ государствъ, по предсказанію прозорливаго на-

шего Замойскаго, великаго канцлера и гетмана: «Perit Ungaria, perit Bohemia a vicina Germania.—cave tibi Polonia», то есть: «погибли венгры, погибли чехи отъ сосѣдственныхъ нѣмцовъ, берегись и ты Польша!» Очевиднымъ доказательствомъ такихъ замысловъ служатъ теперешнія дѣйствія Австріи въ Россіи и въ нашемъ отечествѣ, направленныя къ порабощенію обоихъ народовъ. Уже въ Москвѣ всѣ высшія должности находятся во власти австрійцевъ; всѣ повинуются имъ, и сенаторы и министры изъ русскихъ присутствуютъ только какъ свидѣтели и служатъ для того, чтобы не нарушилась законная симметрія въ давнемъ устройствѣ сената. Уже самодержцемъ россійской монархіи сталъ нѣмецъ; уже никто изъ придворныхъ и министровъ не смѣетъ шагу ступить въ противность правиламъ, составленнымъ и предписаннымъ въ Вѣнѣ. Отсюда, безъ сомнѣнія, происходитъ и то, что австрійская политика, вопіющая къ Богу объ отмщеніи, жестоко нападаетъ на свободу народа польскаго и, управляя абсолютною нѣмецкою диктатурою въ Москвѣ, достигла того, что московское войско, нарушило неслыханнымъ образомъ всякую справедливость, вторгнулось въ наши границы и, исполняя только планы нѣмецкіе, навязываетъ нѣмца на шею вольному народу. Поэтому мы поляки не хотимъ обвинять русскаго народа, хотя онъ-же такъ жестоко обижалъ насъ, но, напротивъ того, оплакиваемъ нестерпимое притѣсненіе, претерпѣваемое какъ имъ, такъ и нами отъ нѣмцовъ, ожидая того времени, когда русскіе вмѣстѣ съ нами рѣшатся силою выбиться изъ-подъ нѣмецкой опеки. Въ настоящемъ насильственномъ нападеніи на наше отечество мы не имѣемъ никакихъ другихъ плановъ, какъ только, пользуясь естественнымъ правомъ обороны (jure defensionis), защищаться всѣми силами противъ всѣхъ враждебныхъ нападеній; при чемъ мы будемъ выжидать, когда славный народъ русскій почувствуетъ свое угнетеніе, пойметъ, какъ жестоко обходятся съ нимъ нѣмцы и, сознавъ свои силы, воспользуется теперешнимъ найлучшимъ и найудобнѣйшимъ случаемъ, чтобъ свергнуть съ себя нѣмецкую неволю. Тогда мы съ своей стороны окажемъ ему возможную помощь, и австрійцы потеряютъ всякую надежду не только господствовать надъ сѣверными государствами, но и управлять нами. И для чего мы будемъ терпѣть долѣе? Терпѣніе русскаго народа уже приводитъ въ изумленіе сосѣдей и цѣлый свѣтъ. Гдѣ можно найти за

свѣтъ государство, которое-бы такъ угнетаемо было деспотическою рукою, какъ нынѣ московская монархія? Знаютъ объ этомъ сосѣди, но лучше знаютъ сами русскіе. Уже власть Австріи надъ Москвою достигла высшей степени, всѣ дѣла совершаются нѣмецкими педагогами или подъ ихъ ферулою: русскій дворъ предпочитаетъ нѣмцовъ русской крови, государственная тайна и государственное управленіе вѣрены однимъ нѣмцамъ и на нихъ возлагаются всѣ надежды. Нѣмцы изображаютъ русскихъ подозрительными, невѣрными и непокорными, считаютъ ихъ мятежниками, упорными головами, существами, способными только къ слѣпому повиновенію, людьми, для которыхъ необходимы строжайшія мѣры и казни. Русскіе знаютъ, какимъ отличіемъ пользуется при дворѣ всякій бѣднякъ нѣмецъ въ сравненіи съ русскимъ патріотомъ, славящимся древнею фамиліею; знаютъ, что управленіе губерніями, генеральскія должности и первыя мѣста въ имперіи раздаются пришлецамъ иноземною рукою; знаютъ, въ какомъ уничиженіи находятся древніе роды, славные своими заслугами, не уступающіе знатностію монархамъ, происходящіе отъ крови Ягеллона. Съ жалостію смотрѣли мы на погибель князей Долгорукихъ, пострадавшихъ за честь и свободу народа. Но кто можетъ изобразить, что дѣлается въ народѣ русскомъ, что дѣлается въ народѣ козацкомъ, помнящемъ недавнюю свою свободу, и у другихъ народовъ, униженныхъ, стонущихъ подъ нѣмецкимъ управленіемъ? Могъ-ли когда нибудь народъ быть въ такомъ угнетеніи отъ чужеземцовъ, пришедшихъ ѣсть хлѣбъ русскій? Правда, что Петръ первый, достойный безсмертной памяти, славный между благородными монархами, казалось, имѣлъ склонность къ чужеземцамъ, но онъ любилъ свой народъ отеческою любовію, распространялъ его славу, царствовалъ самъ своимъ величествомъ, давалъ высшія должности, гражданскія и военныя, русскимъ людямъ: онъ отличалъ и принималъ заслуженныхъ иноземцовъ, уважалъ иностранцовъ и охотно давалъ имъ пріютъ, но никогда не позволялъ имъ управлять своимъ народомъ. Въ настоящее время власть Австріи не только взяла верхъ, не только лишила русскихъ всякаго уваженія, но нѣмцы постарались лишить русскихъ всякой надежды избавиться отъ настоящей бѣды, утвердивъ основаніе своего владычества въ Москвѣ и на будущее время. Безусловно приказано всѣмъ присягать въ томъ, что никому не было извѣстно, каждый

присягою обязался признавать государемъ всей россійской монархіи того, кого признавать приказано будетъ. Чтожъ это за присяга, когда присягаешь, самъ не зная о чемъ? Не видно-ли здѣсь старанія о томъ, чтобъ русскіе роды обязались признать государемъ лицо, хотя-бы даже самое ненавистное, противное Россіи, вредное для религіи и общественной пользы? Скоро обнаружилось, кого нѣмцы навязываютъ на совѣсть великому народу. Назначенный нынѣ наслѣдникъ есть нѣмецъ родомъ, вѣрою и обычаями, то есть чужой для русскаго народа; а назначенъ для того, чтобы, при его содѣйствіи, власть Австріи болѣе и болѣе разширялась, чтобъ опустошала русскую націю, искореняла древнія знаменитые роды и со временемъ обратила-бы Россію въ нѣмецкую державу. Поэтому не настало-ли уже время возбудить великодушныхъ ко сверженію вѣчнаго нѣмецкаго ига? Теперь именно настало время рѣшиться на этотъ спасительный, необходимый и славный для всего народа подвигъ. Если Москва не воспользуется настоящими обстоятельствами, то ей никогда уже не вырваться изъ нѣмецкихъ когтей. Нѣмецкій императоръ, въ настоящее время занятый внутренними дѣлами государства, не можетъ думать о чужихъ дѣлахъ, но долженъ защищать свое государство послѣдними силами. Довольно сильна противъ нѣмецкой имперіи одна Франція, долго воевавшая съ императоромъ и другими сосѣдними государствами, и окончившая войну на выгодныхъ для себя условіяхъ. Нѣмецкія войска не пойдутъ теперь въ Россію, императорская партія въ Москвѣ не получала денежнаго вспомоществованія; въ настоящихъ обстоятельствахъ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе послѣдній трактатъ, которымъ обязался императоръ поддерживать всѣми своими силами постановленіе нѣмцовъ о наслѣдникѣ русскаго престола. Поэтому Россія, не видя опасности отъ Австріи, можетъ свергнуть съ себя ярмо нѣмецкое и совершить подвигъ, который прославитъ русскую націю на вѣчныя времена. Никто не помѣшаетъ въ исполненіи такихъ благородныхъ плановъ, доблестный народъ русскій! ни нѣмецъ, ни польская Рѣчь Посполитая, ни шведская, которыя желали-бы вамъ такихъ-же вольностей, какими они сами пользуются, для водворенія въ народѣ вѣчнаго мира. Спасительная ваша рѣшимость утвердила-бы покой и довѣріе между нашими сѣверными странами; поэтому мы были-бы рады помогать вамъ всѣми своими силами къ водворенію

въ московскомъ государствѣ рѣчи посполитой. Теперь вы замѣшаны интригами Австріи въ долголѣтнюю войну съ Польшею, съ Франціею и ея союзниками, съ Портою оттоманскою. Вмѣсто этой гибельной войны, вы наслаждались-бы миромъ со всѣми сосѣдственными державами и даже для достиженія свободы получили-бы помощь отъ Франціи, Швеціи, Голландіи, Англіи и отъ турковъ. Если-бы вы сдѣлались вольнымъ народомъ, то пріобрѣли-бы почетъ и большее счастіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ ваша свобода интересовала-бы иностранные сосѣдственные народы. Она интересовала-бы Польшу, Швецію, Турцію, Персію, потому что гораздо удобнѣе сохранять миръ съ вольною рѣчью посполитою, нежели съ монархіею, управляемою деспотически. Ваша свобода интересовала-бы венгровъ, чеховъ и нѣмецкую имперію, потому что ослабила-бы могущество Австріи, тяжкое самимъ государямъ и князьямъ нѣмецкимъ; интересовала-бы Голландію, Англію, потому что укрѣпился-бы ихъ торговый союзъ съ Россіею; интересовала-бы вольность ваша Францію, потому что австрійскій дворъ потерялъ-бы всякую надежду къ распространенію своей власти въ сѣверныхъ государствахъ; интересовала-бы наконецъ и цѣлую Европу вольность ваша, потому что утвердилось-бы на вѣчныя времена въ Европѣ политическое равновѣсіе. Попытайтесь отважиться при нынѣшнихъ обстоятельствахъ на славный подвигъ, дайте знать себя и вы увидите, что всѣ державы похвалятъ ваше намѣреніе и подадутъ вамъ руку помощи. Чѣмъ долѣе будете откладывать, тѣмъ будетъ труднѣе предпріятіе, а наконецъ сдѣлается и совершенно невозможнымъ. Пусть только заключенъ будетъ съ императоромъ миръ, пусть только войска возвратятся въ Москву, пусть только сядетъ на престолѣ наемный наслѣдникъ нѣмецъ, тогда все кончено, всякая надежда изчезнетъ; тогда уже русскому государству не избавиться отъ иноземцовъ во вѣки. Подумайте, славные роды и войска московскія, въ какихъ счастливыхъ вы находитесь обстоятельствахъ! Мы должны были въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ заслуживать свободу кровью нашихъ предковъ, а вамъ Богъ посылаетъ случай получить и утвердить свободу въ одинъ годъ. Вамъ уже легко сдѣлаться свободными, потому что поколѣніе царей вашихъ прекратилось, нынѣшняя государыня, возведенная на престолъ вольнымъ избраніемъ, не имѣетъ наслѣдниковъ, а между тѣмъ австрійцы навя-

зываютъ вамъ нѣмецкое владычество. Наша свобода возрастала безъ всякой постороней помощи, въ теченіи многихъ вѣковъ, а ваше настоящее положеніе такъ счастливо, что вамъ всѣ помогать будутъ, какъ сосѣдственные, такъ и отдаленные могущественные народы. Наконецъ мы достигали свободы только постепенно, по частямъ, получая привиллегіи по волѣ королей, за наши заслуги; вамъ, напротивъ того, въ настоящее время вольно заимствовать свободныя установленія у всѣхъ европейскихъ государствъ, избирая найлучшее. У васъ предъ глазами, кромѣ древнихъ республикъ: римской, аѳинской и спартанской.—Польша, Англія, Швеція, Венеція, Генуя, Швейцарія, Голландія; изъ всѣхъ этихъ государствъ можете сдѣлать любой выборъ. Вы могли-бы совокупить въ единой россійской рѣчи посполитой найлучшія права, обычаи, привиллегіи и вольности, принявъ все полезное и отвергнувъ все ненужное. Руководствуясь опытомъ и примѣрами, вы могли-бы въ надлежащей мѣрѣ опредѣлить права и преимущества царской фамиліи, сенаторовъ, дворянъ и простаго народа и установить такую совершенную форму правленія, какая могла-бы служить къ вашей чести, къ усиленію и обогащенію государства, водворенію справедливости и милосердія и къ утвержденію мира съ сосѣдними государствами. Вы-бы могли принять основное начало нашей свободы: «neminem captivabimus, nisi jure victum», то есть, никого мы не будемъ арестовать безъ судебнаго приговора. Это ограниченіе королевской власти приноситъ намъ много добра, а зла никакого причинить не можетъ. Король не можетъ отнять у насъ, безъ суда Рѣчи Посполитой, ни того, что мы имѣемъ, ни того, что онъ самъ даетъ намъ. Вы могли-бы ввести у себя установленіе податей, заключеніе мира и объявленіе войны по опредѣленію сословій, судопроизводство безъ апелляціи ко двору, продоставленіе всѣхъ почестей и вакантныхъ мѣстъ туземнымъ подданнымъ, всѣмъ сословіямъ вѣчное право de non praestantia et obedientia, то есть о правѣ не повиноваться преступнымъ государямъ. Наконецъ, изслѣдовавъ причины процвѣтанія и погибели государствъ, можно-бы было принять самыя мудрыя и самыя полезныя мѣры къ тому, чтобы государство сдѣлать славнѣйшимъ, счастливѣйшимъ и свободнѣйшимъ. Рѣшитесь только на славное для русскаго народа дѣло, которое будетъ имѣть самыя счастливыя послѣдствія. Если-бы даже въ началѣ и встрѣтились какія-нибудь

затрудненія, то любовь къ своему отечеству и честь должны все превозйти и преодолѣть. Безъ рѣшительности и отваги никогда не утверждалась свобода; лѣность и слабость никого не сдѣлали безсмертнымъ, напротивъ, для рѣшительной души и отважнаго сердца нѣтъ ничего труднаго (приводятся въ примѣръ Голландія, Швеція и Швейцарія). Свобода драгоцѣннѣе великихъ богатствъ. Люди, живущіе въ свободныхъ государствахъ, царствуютъ вмѣстѣ съ государями и свободно управляются. Единственное стремленіе всѣхъ народовъ къ свободѣ есть важнѣйшій даръ Божій. Богъ сотворилъ человѣка свободнымъ, и свобода процвѣтала въ родѣ человѣческомъ прежде всякой монархіи. Размысли, славный народъ русскій, лучше-ли тебѣ подпасть подъ власть нѣмцевъ, по своей природѣ непріязненныхъ славянскому племени, или стать наравнѣ съ свободными, дружественными народами и управляться безъ нѣмецкой опеки? Посмотри только на насъ, какъ на свѣжій примѣръ несчастія. Избравъ въ первый разъ государемъ нѣмца, мы терпѣли жестокое угнетеніе: Рѣчь Посполитая стопала подъ контрибуціями войскъ саксонскихъ, саксонское министерство управляло нами, а теперь нѣмецкая партія принуждаетъ насъ нарушить добровольную присягу, располагаетъ престоломъ, опираясь на одни военныя силы, насильственно лишаетъ насъ свободы, возжигаетъ войну въ цѣломъ свѣтѣ, навязываетъ намъ, чрезъ васъ-же самихъ, государя, стремясь осѣдлать наше и ваше государство нѣмецкою силою. Не ужели-же мы опустимъ руки, смотря на такую силу или насиліе? Свидѣтельствуемся предъ Богомъ, предъ цѣлымъ свѣтомъ и предъ вами, что мы готовы скорѣе потерять все свое имущество и вытерпѣть тысячу смертей, чѣмъ отказаться отъ свободы, добытой нами въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Кому пріятно было жить на свободѣ, тому и умереть не страшно за свободу. Представляя себя въ примѣръ, мы убѣждаемъ васъ не бояться никакихъ трудностей, если желаете вмѣстѣ съ нами освободиться отъ власти нѣмцевъ, враждебныхъ славянскому имени. Кто изъ васъ первый отважится на такой подвигъ, тотъ заслужитъ вѣчную честь и славу, тотъ будетъ названъ благодарными потомками спасителемъ и избавителемъ своего народа, отцемъ отечества, покровителемъ свободы; безсмертное имя его будутъ прославлять отечественныя хроники и лѣтописи всего свѣта. Мы много наслышались отъ знатныхъ и первыхъ особъ вашего русскаго

народа, вздыхающихъ о вольности и свободѣ, ожидающихъ благопріятнаго времени, чтобы избавиться отъ неволи. Въ частныхъ разговорахъ никогда не могъ скрыть своихъ помысловъ вашъ доблестный народъ, у котораго есть разумъ и храбрость и которому недостаетъ одной только милой вольности. Настало время, приспѣлъ часъ, когда мы свободно и смѣло можемъ воодушевлять васъ, пробуждать вашъ великій духъ, а вы, не боясь препятствій, можете оказать для своего отечества несравненную услугу; уже во время прежняго нѣмецкаго господства въ нашемъ отечествѣ мы имѣли сердечное желаніе содѣйствовать вамъ въ исполненіи вашихъ замысловъ, но не позволили обстоятельства. Теперь у насъ король полякъ, рожденный въ вольности и равенствѣ, любящій свободу, не могущій и думать объ абсолютизмѣ, не имѣющій другаго наслѣдника, кромѣ славы и безсмертнаго имени. Онъ, при помощи Божіей, поможетъ вамъ привести въ исполненіе ваши намѣренія; а Рѣчь Посполитая ничего болѣе не желаетъ, какъ только смотрѣть съ удовольствіемъ на ваши успѣхи и видѣть народъ русскій въ найсвободнѣйшей вольности. Такое усердіе нашей Рѣчи Посполитой къ народу русскому не покажется милымъ и пріятнымъ одной только Царицѣ, ея милости, если она увидитъ, что мы, поляки, всѣмъ сердцемъ желаемъ единоплеменному славянскому народу драгоцѣннѣйшаго блага, какое только есть у насъ. Императоръ нѣмецкій и царица объявляютъ, что защищаютъ нашу свободу, но мы видимъ, въ чемъ состоитъ эта защита. Если дѣйствительно цѣлая нація избрала королемъ польскимъ саксонскаго электора, то противъ кого идутъ въ Польшу войска московскія и саксонскія?..

(За симъ слѣдуетъ не важное по содержанію изслѣдованіе о несправедливости вторженій русскаго войска въ Польшу, обѣщаніе защищать свою свободу и стоять за Станислава Лещинскаго, жертвуя жизнію и имуществомъ).

НОВЕЛЛА БОККАЧЬО ВЪ ЮЖНО-РУССКОМЪ СТИХОТВОРНОМЪ ПЕРЕСКАЗѢ XVII—XVIII СТ.

Южно-русская письменность XVII—XVIII в., довольно богатая содержаніемъ по вопросамъ, такъ сказать, имѣющимъ спеціальное значеніе, очень бѣдно памятниками чисто литературнаго характера и причина этого кроется прежде всего въ общемъ ходѣ политической судьбы южно-русскаго народа.

Слѣды самобытной южно-русской письменности, отличной отъ чисто народной устной литературы, проявлявшейся въ былинахъ, думахъ, пѣсняхъ и сказкахъ, мы находимъ весьма рано. Еще въ XI и XII вв., когда на югѣ Россіи начиналась духовно-нравственная литература и зарождалась исторія въ формѣ лѣтописей, лучшіе люди того времени любили уноситься мыслію отъ реальной дѣйствительности, отъ житейской прозы, въ иной міръ, міръ поэзіи. Въ этомъ отношеніи довольно указать на того туманомъ покрытаго Бояна, который, по словамъ Буслаева, «былъ достойный современникъ Нестору и если самъ заимствовалъ свои пѣсни изъ историческихъ разсказовъ, то безъ сомнѣнія, могъ и передавать лѣтописцу въ звучныхъ пѣсняхъ преданія русской старины [1]), или вспомнить о пѣвцѣ Игоревомъ, чтобы сказать, повторяя слова Максимовича, что хотя «можетъ быть и не было у васъ *періода* письменной поэзіи, но *пѣснопѣнія* письменныя были» [2]). Объясняется существованіе этой старины—нашей самобытной искусственной по-

[1]) Лѣтоп. русск. лит. изд. Тихонравовымъ, т. I, стр. 31.

[2]) Собраніе сочиненій, т. 3, стр. 488.

эзіи тѣмъ согласіемъ и той близостью, которыя существовали тогда между отдѣльными поэтами-писателями и поэтомъ-народомъ.

Но столь счастливое начало нашей письменности отнюдь не соотвѣтствуетъ ея преодолѣнію. Уже съ XII в. начинаются тяжелые дни въ жизни южно-русскаго народа, тянувшіеся въ теченіе многихъ столѣтій и задержавшіе правильное развитіе его жизни и вмѣстѣ самой письменности. Трудно опредѣлить даже, какъ и на чемъ оборвалось развитіе старинной поэзіи, но на разстояніи трехъ вѣковъ мы встрѣчаемъ почти пустыя страницы въ исторіи литературы южной Руси. И между тѣмъ вся историческая жизнь южной Руси за этотъ періодъ сложилась такъ, что когда вновь возродилась въ ней наука и началась литературная дѣятельность, произошло полное отдѣленіе представителей письменности отъ народа. И наука и литература, вызванныя къ жизни въ концѣ XVI вѣка усиленными стремленіями южно-руссовъ поднять слабыя стороны своего духовнаго развитія для борьбы съ католицизмомъ, попали въ оковы царившей тогда въ Польшѣ и на всемъ Западѣ схоластики. Нельзя отрицать, что и съ такимъ характеромъ литература того времени стояла въ тѣсной связи съ народной жизнью, защищая его интересы; но что касается поэзіи, то ничего общаго съ народнымъ пѣснотворчествомъ въ ней не видно. Мы имѣемъ отъ того времени массу произведеній богословскихъ, полемическихъ, поучительныхъ, историческихъ, филологическихъ, но все это составляетъ тотъ отдѣлъ прозы, который удовлетворяетъ лишь научнымъ, политическимъ, общественнымъ интересамъ и остается въ сторонѣ отъ потребностей души, стремящейся, помимо всего, еще и къ эстетическому наслажденію въ формѣ словесныхъ поэтическихъ произведеній. Правда, и такого рода произведеній не мало въ южно-русской литературѣ XVII и особенно XVIII ст.; но подъ вліяніемъ продолжавшейся религіозной борьбы и схоластическаго образованія и они были запечатлѣны тѣмъ-же характеромъ, какъ и другія литературныя произведенія того времени. Если-бы писателями этой эпохи преемственно унаслѣдованъ былъ пріемъ старинныхъ поэтовъ брать сюжеты изъ жизни родной, близкой, чаще всего изъ историческихъ событій, если-бы при томъ осталось прежнее единеніе поэтовъ-художниковъ съ поэтомъ-народомъ, если-бы современный поэтъ воспитался въ своемъ поэтическомъ вдохновеніи на началахъ на-

роднаго нѣспотворчества, то сюжетовъ такихъ для художественной разработки можно было найти безконечное множество въ исторіи Украйны XVI и XVII вв., а поэтическое вдохновеніе и образы въ безконечности могли черпаться изъ народныхъ думъ и пѣсенъ козацкой эпохи. Но оторванная отъ народной поэзіи литература XVII и XVIII ст., вмѣсто всего этого, вырабатываетъ въ читающей публикѣ иные вкусы, давая ей стихотворныя (виршевыя) произведенія съ сюжетами богословскаго характера. Для примѣра довольно назвать «Перло многоцѣнное» Кирилла Транквилліона, гдѣ большую половину книги составляютъ стихотворенія въ похвалу Троицы, Богородицы и т. д., или вспомнить, что извѣстный Іоаннъ Максимовичъ издалъ весьма объемистую книгу на тему «Богородице Дѣво, радуйся» въ стихахъ, которыхъ количество доходитъ до 25 тысячъ. Не больше жизненности представляли собою духовныя драмы, почти все время остававшіяся принадлежностью школы. Нѣкоторые проблески народности начали было обнаруживаться въ интермедіяхъ, но имъ не суждено было развиться вполнѣ и облечься въ художественную форму, хотя-бы на подобіе англійскихъ интерлюдій Гейвуда. Вообще южно-русская книжная поэзія XVII—XIII в., подчиняясь всецѣло латино-польскимъ образцамъ, ничего самобытнаго представить не могла.

Такія обстоятельства развитія и существованія нашей письменности приводили къ мысли о заимствованіи недостающаго изъ литературъ другихъ народовъ,—мысли, которая сознательно развилась въ XVII и усилилась въ XVIII в., и въ ряду заимствованій этого времени едва-ли не первое мѣсто по качеству и по своей распространенности занимаютъ зашедшія въ южную Русь старинныя повѣсти, преимущественно западныхъ редакцій. Старинная повѣсть, по словамъ Пыпина, «имѣетъ право на вниманіе историка литературы, какъ популярное чтеніе стараго времени, очень любимое и распространенное; въ своемъ отношеніи къ читателю она не имѣла тѣхъ интересовъ, какіе соединялись съ произведеніями историческими и чисто-назидательными, при сильномъ господствѣ дидактическихъ требованій, она занимала своимъ болѣе или менѣе поэтическимъ содержаніемъ и, слѣдовательно, отвѣчала только чисто литературнымъ потребностямъ читателя»[1]). Заимствованія вообще начались

[1]) Пыпинъ, Очерк. лит. истор..., стр. 2 (Учен. Зап. 2 отд. имп. ак. наукъ кн. IV).

у насъ весьма рано. Въ теченіе восьми столѣтій, отъ X-го до XVIII, наша письменность, въ большей или меньшей мѣрѣ, пополнялась переводами и передѣлками тѣхъ сказаній, которыя распространены были въ византійской и западно-европейской литературахъ. Раньше всего, конечно, началось движеніе этихъ сказаній изъ Византіи черезъ посредство южно-славянскихъ литературъ (болгарской и сербской), благодаря если не единству, то во всякомъ случаѣ близости литературнаго языка послѣднихъ съ языкомъ литературнымъ въ Россіи. При этомъ, нужно замѣтить, что многія изъ этихъ сказаній настолько въ переводахъ и передѣлкахъ примѣнялись къ характеру русской письменности, что становились какъ-бы самобытными, и потому теперь только методъ сравнительнаго изслѣдованія можетъ открыть до извѣстной степени ихъ дѣйствительное происхожденіе и опредѣлить какъ ближайшіе посредствующіе, такъ и болѣе отдаленные пути, которыми они доходили до насъ. Въ ряду многочисленныхъ повѣстей, зашедшихъ къ намъ изъ Византіи, болѣе другихъ замѣчательны «Исторія Александра Македонскаго», приписываемая псевдо-Каллисфену, и «Троянская война», впрочемъ гораздо менѣе первой распространенная у насъ, а изъ повѣстей этой группы, наиболѣе соприкасавшихся съ народною словесностью, можно указать «Слово о купцѣ Басаргѣ», гдѣ фигурируютъ какъ-бы исконные мѣстные люди: кіевскій гость Басарга и его сынъ Мудромыслъ.

Заимствованіе этимъ путемъ шло лишь до XIV ст., до тѣхъ поръ, пока южно-славянскія государства жили своей политической независимостью; съ паденіемъ-же ихъ и съ подпаденіемъ самой Руси подъ иго татарское, тамъ и здѣсь пріостановилось надолго литературное развитіе, и въ теченіе трехъ столѣтій, отъ XIV до XVII, мы не можемъ указать въ нашей письменности ничего такого, что свидѣтельствовало-бы о новыхъ литературныхъ заимствованіяхъ или какихъ-нибудь новыхъ варіантахъ прежде зашедшихъ къ намъ повѣстей. Начиная съ XVII ст. повѣсть, ставшая, за отсутствіемъ другой какой-либо изящной литературы, любимымъ чтеніемъ публики, обогатилась значительно новыми источниками: стало замѣтно переселеніе къ намъ западно-европейскихъ повѣстей черезъ Польшу и, если не исключительно, то въ большинствѣ случаевъ, именно въ южную Русь, откуда онѣ, видоизмѣняясь болѣе

или менѣе въ языкѣ, направлялись и на сѣверъ, въ Великороссію. Существеннымъ отличіемъ этихъ новыхъ повѣстей служитъ то, что онѣ никогда не сближались, подобно нѣкоторымъ старымъ, съ народной поэзіей, не принимали самобытнаго отпечатка, а оставались со всѣми признаками иноземнаго своего происхожденія.

Главнѣйшими изъ повѣстей, пришедшихъ изъ запада, были: «Римскія Дѣянія», «Зерцало Великое» и нѣкоторые рыцарскіе романы (Петръ Золотые-Ключи, повѣсть о преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ, исторія Бовы Королевича и пр.). Всѣ эти переводы сдѣланы были съ польскаго подлинника [1]), и тотъ-же польскій подлинникъ послужилъ матеріаломъ для перевода у насъ нѣкоторыхъ новеллъ (напр.: Повѣсть о семи мудрецахъ), разсказовъ полу-историческихъ и полу-анекдотическихъ (напр. Краткихъ, витіеватыхъ и нравоучительныхъ повѣстей книги три—напечатаны въ 1711 г., а переведены еще въ XVII в.), и западныхъ фацецій (Смѣхотворныя повѣсти, переведенныя Новгородъ-Сѣверцемъ) [2]). Въ эти смѣхотворныя повѣсти-фацеціи попали и нѣкоторыя новеллы Боккачьо.

Всѣхъ новеллъ Боккачьо, переведенныхъ или передѣланныхъ въ старину на русскій языкъ, по изслѣдованію г. Пыпина, было *пять*, изъ которыхъ четыре помѣщены въ «Смѣхотворныхъ повѣстяхъ», а именно: 1) «О друзехъ, о Маркѣ и Шпинелетѣ» по Декамерону VIII. 8, гдѣ друзья названы Zerpa и Spineloccio; 2) «О женѣ и гостѣ», новелла Декамерона VII, 2; повѣсть русская не слѣдуетъ тексту Декамерона и не имѣетъ картиннаго окончанія итальянской новеллы; 3) «Повѣсть о господинѣ Петрѣ и о прекрасной Кассандрѣ и о слугѣ Николаѣ» есть очень близкая редакція новеллы Декамерона VII, 7. и 4) «О женѣ, обольстившей мужа, якобы вверженся въ кладезь», новелла Декамерона VII, 4.

Но тотъ-же изслѣдователь замѣчаетъ, что была переведена еще одна изъ прекраснѣйшихъ новеллъ Боккачьо (Декамер. II, 9), именно «Повѣсть утѣшная о купцѣ, который заложился съ другимъ о добродѣтели жены своея» [3]). Теперь счастливый случай доставилъ мнѣ въ руки новый, совершенно неизвѣстный пересказъ одной изъ новеллъ

[1]) Пыпинъ, Очеркъ лит. истор., стр. 251.
[2]) Ibid., стр. 265.
[3]) Ibid., стр. 276—277.

Боккачьо [1]), своимъ языкомъ и другими примѣтами удостовѣряющій несомнѣнно свое южнорусское происхожденіе и принадлежащій концу XVII или началу XVIII в. Сказавъ, что было необходимо для опредѣленія мѣста и времени этого новаго памятника южнорусской письменности въ общемъ ходѣ ея развитія, я перейду теперь къ передачѣ его содержанія и указанію тѣхъ особенностей, какія представляетъ пересказъ сравнительно съ подлинникомъ по пріемамъ изложенія, языку и т. под., а равно значенія его для южнорусскаго общества даннаго времени.

Начну съ оригинальнаго заглавія этого памятника: «*Историчніе вѣрши*». Иначе, какъ *вѣршами* неизвѣстный переводчикъ не могъ назвать передаваемой повеллы Боккачьо, избравъ для передачи ея излюбленную тогда у насъ силлабическо-стихотворную форму. Историческаго въ перелагаемой повѣсти слишкомъ мало и названіе «*историчніе*» придано «*вѣршамъ*» по простому недоразумѣнію: переводчикъ, или лучше сказать, перескащикъ ея, найдя въ дѣйствующемъ лицѣ историческую личность, порѣшилъ, что весь разсказъ есть историческій фактъ. Стоитъ впрочемъ знать, каково было у насъ тогда пониманіе исторіи, стоитъ вспомнить только, какія баснословія попадали изъ западныхъ хроникъ въ наши тогдашніе сборники по всемірной исторіи—хронографы, чтобы вполнѣ оправдать автора перевода за данное имъ названіе повѣсти.

Разсказъ повеллы Боккачьо пріуроченъ къ *Танкреду* (Tancredi prenze Salerno, какъ сказано въ новеллѣ), именуемому «де Отвиль», отцу двѣнадцати доблестныхъ сыновей, изъ которыхъ одинъ, Вильгельмъ «Желѣзная рука», предводительствуя норманскими удальцами, по просьбѣ греческаго намѣстника въ нижней Италіи, явился для борьбы съ арабами. Братъ Вильгельма, *Робертъ Гвискардъ* впослѣдствіи овладѣлъ, благодаря отвагѣ и хитрости, большею частію нижней Италіи (въ 1060 г.). Сюжетъ новеллы можно относить именно къ этому Танкреду; съ именемъ его связывается и имя *Гвискарди*, его сына,—имя, встрѣчающееся и въ новеллѣ, хотя отнесено оно здѣсь совершенно къ другому лицу. Правда, въ новеллѣ совершенно не упоминается о 12 сыновьяхъ Танкреда, напротивъ того сказано,

[1]) Рукопись дана мнѣ для пользованія г. Дускинъ, за что приношу ей искреннюю благодарность.

что у него была единственная дочь, которую онъ безмѣрно любилъ, но построеніе такихъ разсказовъ, въ которыхъ фигурируютъ отецъ и любимая имъ дочь, было весьма распространено, особенно въ средневѣковыхъ сказаніяхъ. Въ извѣстномъ сборникѣ «Gesta Romanorum» встрѣчается болѣе 10 разсказовъ, завязкой которыхъ служатъ отношенія между отцомъ и единственной любимой дочерью [1]).

Сюжетъ новеллы состоитъ въ слѣдующемъ:

У Танкреда, принца салернскаго, была единственная дочь Сигизмунда, которую онъ такъ сильно любилъ, что, изъ желанія подольше не разставаться съ нею, не рѣшался долгое время выдавать ее замужъ. Однако, когда Сигизмунда достигла уже вполнѣ возмужалаго возраста, отецъ въ концѣ концовъ отдалъ ее за сына принца капуанскаго. Вскорѣ Сигизмунда овдовѣла и опять возвратилась въ домъ отца. При положеніи вдовства, Сигизмундѣ не чужда была потребность въ любви; но считая неприличнымъ заявить объ этомъ отцу, она обратила свою любовь на одного изъ придворныхъ отца, нѣкоего Гвискарда, молодаго человѣка съ благородными чувствами, но низкаго происхожденія. При встрѣчѣ съ нимъ, она стала оказывать ему явное свое расположеніе, и Гвискардъ, не будучи новичкомъ въ этомъ дѣлѣ, сразу замѣтилъ это расположеніе къ нему принцессы и отвѣчалъ ей тѣмъ-же, такъ что въ концѣ концовъ они страстно полюбили другъ друга. Чтобы сохранить эти отношенія въ тайнѣ, Сигизмунда написала записку своему возлюбленному съ указаніемъ мѣста свиданія и записку эту передала ему въ выдолбленной снизу палкѣ. Свиданія ихъ происходили въ комнатѣ Сигизмунды, куда Гвискардъ пробирался черезъ запущенный, старый погребъ, сообщавшійся съ помѣщеніемъ принцессы посредствомъ потайной лѣстницы. На первыхъ порахъ свиданія проходили благополучно для влюбленныхъ; но однажды Танкредъ оказался свидѣтелемъ ихъ свиданія, самъ впрочемъ оставшись незамѣченнымъ ими. На слѣдующую ночь Танкредъ поставилъ стражу, и Гвискардъ былъ схваченъ и приведенъ къ принцу. На всѣ упреки и обвиненія онъ оправдывался только тѣмъ, что могущество любви не признаетъ владыкъ. Принцъ приказалъ заключить его въ одну изъ

---

[1]) Gesta Romanorum, herausgegeben von Hermann Oesterley. Berlin 1872 г. сар. 1, 27, 60, 61, 63 и др. стр.

комнатъ дворца и не упускать изъ виду, а самъ отправился къ дочери и обратился къ ней съ такими-же упреками, между прочимъ называя проступокъ ея тѣмъ болѣе прискорбнымъ, что она избрала предметомъ любви Гвискарда, происхожденіе котораго очень темно, а не остановила своего выбора на комъ-нибудь изъ болѣе знатныхъ придворныхъ. Сигизмунда, увидавъ, что ея интриги обнаружены и что помилованія Гвискарду ожидать нельзя, порѣшила и себѣ не испрашивать милости, а только защитить свою честь. Въ длинной рѣчи, обращенной къ отцу, она, не отрицая своей страстной привязанности къ Гвискарду, объяснила пробужденіе ея исключительнымъ положеніемъ своимъ и сказала, что, замѣтивъ свое безсиліе устоять противъ обуревавшей ее страсти, она употребила всѣ предосторожности, чтобы согласовать любовь съ честью, вслѣдствіе чего заботилась о сохраненіи полнѣйшей тайны. Больше-же всего въ отвѣтѣ своемъ она обратила вниманія на упрекъ въ томъ, какъ могла она отдаться человѣку такого низкаго происхожденія, и въ исполненныхъ чувства и силы выраженіяхъ высказала, что не знатность рода, но добродѣтель и нравственность дѣлаютъ человѣка благороднымъ, а эти именно качества она вполнѣ видитъ въ Гвискардѣ. Въ заключеніе она заявила, что рѣшилась твердо раздѣлить участь, назначенную Гвискарду, а потому просила отца предоставить ей съ Гвискардомъ умереть вмѣстѣ, если только онъ признаетъ, что они достойны смерти. Хотя Танкредъ въ обращенныхъ къ нему словахъ дочери усмотрѣлъ ея мужество и твердость характера, но все-таки не считалъ ее способной привести въ исполненіе свою угрозу и потому приказалъ казнить Гвискарда, вынуть его сердце, положить на золотое блюдо и отнести къ дочери. Сигизмунда, предвидя исходъ дѣла, заранѣе запаслась ядомъ, и когда увидала Гвискардово сердце, въ длинной патетической рѣчи излила свою скорбь, перемѣшивая ее съ упреками отцу, и выпила приготовленную отраву. Придворныя дамы, замѣтивъ, что ей дурно, тотчасъ-же дали знать отцу; но было уже поздно. Сигизмунда въ предсмертной агоніи обратилась къ отцу съ послѣдней просьбой—похоронить ее вмѣстѣ съ Гвискардомъ. Черезъ минуту она скончалась. Никогда еще старый Танкредъ не испытывалъ подобнаго горя; онъ раскаялся въ своей жестокости и велѣлъ похоронить съ парадомъ въ одномъ гробу обоихъ влюбленныхъ,

сопровождаемыхъ сожалѣніемъ всѣхъ салернитанцевъ (II Decamerone. Giornata 4, novel. I.).

Нѣтъ надобности говорить о томъ, насколько вообще романическіе сюжеты были любимы въ старину, какъ въ позднѣйшей классической литературѣ, такъ особенно въ средне-вѣковой и какъ много являлось впослѣдствіи подражаній и передѣлокъ ихъ. Извѣстно также, какое громадное количество новеллъ Боккачьо посвящено всякимъ эротическимъ и романическимъ приключеніямъ. Но ни одна изъ нихъ, кажется, не удостоилась столькихъ переводовъ, передѣлокъ и подражаній, какъ только-что приведенная, дѣйствительно являющаяся едва-ли не самой лучшей изъ новеллъ четвертаго дня, предназначеннаго у Боккачьо для разсказовъ о любовныхъ приключеніяхъ съ трагической развязкой. Изъ такихъ передѣлокъ и подражаній Дёнлопъ въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи *History of fiction* указываетъ слѣдующія [1]): Леонардъ Аретино пересказалъ ее латинской прозой, Филлиппъ Бероальдъ латинскими стихами, Аннибалъ Гуаско итальянскими октавами; она послужила сюжетомъ пяти итальянскихъ трагедій, изъ которыхъ одна «La Ghismonda» пріобрѣла громкую извѣстность, потому что обманнымъ образомъ приписана была Торквато Тассо. Одна англійская драма, сюжетъ которой заимствованъ изъ этой новеллы, была сыграна въ 1568 г. въ присутствіи королевы Елизаветы. Развитъ также этотъ сюжетъ Жаномъ Флери во французскихъ стихахъ и Вильямомъ Вальтеромъ—въ англійскихъ октавахъ. Но Англія болѣе всего познакомилась съ этимъ сюжетомъ по драмѣ Драйдена «Сигизмунда и Гвискардъ». Равнымъ образомъ, эта новелла послужила матеріаломъ для картины, приписываемой Корреджіо, гдѣ Сигизмунда представлена рыдающей надъ сердцемъ своего возлюбленнаго. Гогартъ пытался подражать этой картинѣ, но подражаніе его, по замѣчанію Горація Вальполя, вышло вполнѣ неудачно. Конечно, перечисленными у Дёнлопа подражаніями и передѣлками далеко не исчерпывается все ихъ количество. Можно указать еще, напримѣръ, на балладу Бюргера «Lenardo und Blandine», въ которой находится

[1]) John Dunlop's Geschichte der Prosadichtungen. Aus dem englischen übertragen von Felix Liebrecht. Berlin 1851 г., стр. 231.

много общаго съ новеллой Боккачьо [1]). А если сдѣлать болѣе смѣлое предположеніе, то можно сказать, что въ поэмѣ Лермонтова «Боярин Орша» до извѣстной степени замѣчается отголосокъ этого-же сюжета.

Тѣмъ болѣе, можно сказать теперь, любопытенъ тотъ фактъ, что и въ нашей, сравнительно очень бѣдной, поэтической литературѣ XVII в. оказался пересказъ, да еще и стихотворный, этой прекрасной новеллы.

Какимъ-же путемъ могла попасть эта новелла въ южную Русь? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, за неимѣніемъ положительныхъ указаній, приходится ограничиться лишь догадкой, которая, конечно, потребуетъ еще провѣрки.

Если принять во вниманіе разницу между имѣющимся у насъ пересказомъ новеллы и подлинникомъ оной, сообразить отсутствіе какихъ-либо указаній на то, чтобы наши южно-русскіе писатели непосредственно пользовались подлинниками новеллъ вообще, то останется предположить, что нашъ пересказъ повѣсти Боккачьо не составленъ по подлиннику, а представляетъ переводъ съ польскаго языка. Впрочемъ какимъ-бы путемъ ни пришла къ намъ эта новелла, за ней остается все-таки право на вниманіе, какъ за произведеніемъ, дававшимъ тогдашней читающей публикѣ интересный сюжетъ, не лишенный и нѣкоторой идейности.

Сличеніе подлинника новеллы съ нашимъ стихотворнымъ пересказомъ прежде всего показываетъ, что въ пересказѣ нѣкоторыя мѣста повѣсти сокращены, а иныя совсѣмъ опущены. Очевидно отсюда, что слагатель «Историчныхъ вѣршъ» отнесся къ самому сюжету повѣсти вполнѣ серьезно и, видя такую трагическую развязку, не рискнулъ помѣстить тѣхъ остротъ и сатирическихъ штриховъ, которыми, какъ извѣстно, такъ искусно перенизываетъ свои разсказы Боккачьо. Особенно рѣзко бросается это въ глаза въ тѣхъ случаяхъ, когда итальянскій новеллистъ, по поводу Сигизмунды, дѣлаетъ свои вылазки противъ женщинъ. Мы знаемъ, что въ нашей старинной литературѣ не только не избѣгали подобныхъ нападокъ

[1]) Въ сочиненіи Вильмара (Vorlesung über die Geschichte der deutsch. National-Literat. Leipzig. 1847 г., стр. 616) сказано, что сюжетъ заимствованъ Бюргеромъ изъ Декамерона Боккачьо.

на женщинъ, но даже очень охотно варьировали ихъ на разные лады, что и сказалось въ тѣхъ шуточныхъ сборникахъ-фацеціяхъ, которые перешли къ намъ изъ польской литературы. Но другое дѣло—шуточные сборники, и совсѣмъ иное—серьезные, трагическіе сюжеты, подобные данному. Этимъ, вѣроятно, и надо объяснить, что въ южно-русскомъ пересказѣ повѣсти о Сигизмундѣ совершенно отсутствуютъ слѣдующія выраженія Боккачьо:

1) Характеризуя Сигизмунду, Боккачьо прибавляетъ какъ-бы вскользь: «принцесса эта... была замѣчательно умна, больше, чѣмъ можно было-бы потребовать отъ природы для женщины [1])». Въ нашемъ пересказѣ Сигизмунда характеризуется нѣсколько иначе.

«А была красотою и умомъ такъ славна,
Что во области не бѣ ей ни едина равна.
Нелзя было не думать и не удивляться,
Смотря толко на нея и не услаждаться,
Насквозь та проникала сердца зракомъ вдатнымъ
И къ себѣ привлекала словомъ всепріятнымъ».

2) Когда Сигизмунда очутилась съ глазу на глазъ съ отцомъ, упрекавшимъ ее за ея поступокъ, она, по тексту подлинника новеллы, «была уже нѣсколько разъ близка къ тому, чтобы обнаружить это съ крикомъ и слезами, какъ большею частью это дѣлаютъ женщины [2])». Въ нашемъ пересказѣ это мѣсто передано такъ:

«Печална-жъ Зигисмунда буд (учи) въ томъ часѣ,
Стала безотвѣтна вдругъ въ немалому страсѣ,
Не такъ себе жалѣя, якъ друга своего
Звѣздарда [3]), мысля въ себѣ: ахъ не щастія моего!

---

[1]) Кажется, я точно передаю фразу Боккачьо: *savia più che a donna per avventura non si richiedea* (Il Decamerone. Paris 1861 г.). Французскій переводчикъ *Сабатье де Кастръ* придалъ еще большій оттѣнокъ остроты:... d'un esprit supérieur et peut-être trop pour une femme (Contes de Boccace. Paris, 1857).

[2]) ... e a mostrarlo con romore e con lagrime, *come il più le femmine fanno*, fu assai volte vicina. У Сабатье де Кастра и тутъ переиначено: Sigismonde... pensa vingt fois faire éclater sa douleur par ses larmes; *faible ressource, mais fort ordinaire aux personnes de son sexe.*

[3]) Какимъ образомъ *Гвискардъ* переименовался въ *Звѣздарда*, не совсѣмъ ясно; вѣрнѣе всего, это чисто русская передѣлка по созвучію, съ желаніемъ дать въ тоже время свой, понятный корень.

Что се намъ случилося? тяжко воздыхала
И скорбное слезами лице обливала.
Видя тое, что уже тайны ихъ открыты,
Стали и вси любве той знаки явны быти,
Отъ жалости несносной ни едина слова
Не могла проговорить до отца сурова.
Однакъ предъ нимъ мужеско сердцемъ поступала,
Прибирая разума, что-бы отказала,
А въ мысли своей твердо тое закрѣпила,
Что съ Звѣздардомъ и смерть ей будетъ въ свѣтѣ мила».

Равнымъ образомъ отстетствуютъ въ южно-русскомъ пересказѣ и многія подробности въ описаніи любовныхъ свиданій Гвискарда съ Сигизмундой, и та реальность въ изображеніи отдѣльныхъ моментовъ любовныхъ сценъ, которая встрѣчается у Боккачьо. Опущена напримѣръ та подробность, что Гвискардъ, отправляясь на свиданіе черезъ узкую отдушину погреба, надѣвалъ кожаный костюмъ, чтобы не оцарапать себя колючками терновника, разросшагося около погреба; и опущено это конечно потому, что имѣетъ нѣсколько веселый характеръ. Если мы и встрѣчаемъ въ нашей редакціи нѣкоторыя выраженія, могущія вызвать улыбку, то это явилось не результатомъ желанія автора, а результатомъ несовершенства стиля. Напримѣръ:

«А о то стыдно было у отца прохати,
Не пригожо-бо дамѣ жениха искати».

Или:

«Починаетъ умышлять, какимъ-бы то видомъ
Снестися могла въ любовь съ изряднымъ купѣдомъ».

Или еще:

Хотѣлъ князь обозватись, а потомъ раздумалъ
Не обличать дочери, только тайно думалъ.

Несовершенство стиля южно-русскаго пересказа болѣе всего замѣчается въ тѣхъ рѣчахъ, которыя произноситъ Сигизмунда. У Боккачьо ея рѣчи исполнены не столько чувства, сколько размышленія, напоминающаго въ многихъ мѣстахъ философскій трактатъ; въ русскомъ-же переложеніи далеко не та сила мысли, но за то пересказчикъ старается придать больше силы чувству и прибѣгаетъ нерѣдко къ патетическимъ украшеніямъ. Особенно

характерно въ этомъ отношеніи то мѣсто повѣсти, гдѣ изображается состояніе души Танкреда, извѣщеннаго объ отравленіи дочери. У Боккачьо просто говорится, что онъ, «не будучи въ силахъ видѣть ее въ такомъ печальномъ положеніи, не могъ воздержаться, чтобы не пролить слезъ, исполненныхъ нѣжности и раскаянія». Нашъ пересказчикъ обнаруживаетъ явное желаніе болѣе оттѣнить и опоэтизировать горестное состояніе Танкреда, и рисуетъ оное такими чертами:

Видя-жъ отецъ смерть явну дщери своей милой,
Не плакалъ, но рыдалъ по той втѣсѣ цѣлой,
На себе и на дочерь свою нарѣкая
И день тотъ свой нещастный горко проклиная.
Аки при Меандровыхъ брегахъ лебедь бѣлый,
Такъ жалостно надъ дщерью плакалъ отецъ милый.
Лебедь гласомъ плачевнымъ кричитъ воздыхая
И крылами быстрыя воды разбивая,
Поетъ пѣснь печалну гласомъ умиленнымъ,
Равно цѣлъ и старушекъ сердцемъ сокрушеннымъ,
Жалѣя по дочерѣ, румалъ неутѣшно
И себѣ умреть желалъ...

Не смотря однако на такія прибавки и прикрасы, игривая новелла Бокачьо много теряла отъ той внѣшней формы, какая придана была ей южно-русскимъ пересказчикомъ: языкъ или стиль пересказа, облеченный въ неуклюжій силлабическій стихъ, оказывается далеко неудовлетворяющимъ той легкости и той задушевности, которыя необходимо связываются съ подобными сюжетами. Особеннымъ-же препятствіемъ легкости изложенія является, по моему мнѣнію, та пестрота рѣчи, которая въ каждой строкѣ дастъ себя чувствовать. Несомнѣнно, что основную канву языка въ данномъ памятникѣ составляетъ церковно-славянскій элементъ, и по этой канвѣ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ слова малорусскія, русскія и немногія польскія. Присутствіе малорусскаго элемента прежде всего провѣряется рифмами, тѣмъ камнемъ преткновенія для нашихъ старинныхъ малорусскихъ писателей, который всегда обнаруживалъ ихъ мѣстное происхожденіе. Вспомнимъ, напримѣръ, что Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій, желавшіе совсѣмъ отрѣшиться отъ мѣстнаго говора,—когда являлись со своими стихо-

твореніями, прежде всего оказывались уроженцами юга въ риѳмахъ (у Ѳеофана, напримѣръ, въ стихотвореніи, обращенномъ къ Кантемиру, читаемъ: *зритель—добродѣтель; лики—вѣки; дружины—перемѣны*; или у Стефана Яворскаго въ стихотвореніи «In vituperium Maserae»: ахъ тяжку горесть терплю мати *бѣдна*, утробу мою снѣдаетъ *ехидна;* кто ми дастъ слезы, яко-же *Рахиль?* заплачу горко въ своемъ смутномъ *дѣлѣ*). Совершенно аналогичные факты встрѣчаемъ и въ пересказѣ новеллы Бокачьо. Напримѣръ:

Когда-бо пришла въ возрастъ Зигизмунда *дѣва*,
Добронравна надъ звычай и красна до *дива*.

Или:

Многіе-жъ отъ велможныхъ господъ ю *хотѣли*
Поять себѣ за жену и отца *нудили*.

Или еще:

Не видѣла и свѣта за слезами *тѣми*,
Лице заразъ змѣнила печалми *такими*.

Но еще болѣе этотъ малорусскій элементъ обнаруживается въ отдѣльныхъ словахъ, раскиданныхъ въ разныхъ мѣстахъ повѣсти. Отмѣчаю нѣкоторыя изъ нихъ, хотя этимъ далеко не исчерпывается все ихъ количество (надъ звычай, израда, заграла, прохати, догожій, певный, свѣдомый, закохатысь, зъ очей, звѣритись, никóму, отислала, сишлись (зійшлись), знароку, нѣякіесь, наметъ, побавившись и т. п.). И все это стоитъ на ряду съ такими русскими словами, какъ: удивляться, дѣйствительно, стыдно, молодецъ, тотчасъ, препятствіе и др. Присутствіе послѣднихъ словъ между прочимъ заставляетъ насъ относить нашу рукопись не раньше, какъ концу XVII или началу XVIII в., когда у южно-русскихъ писателей сталъ замѣтно прорываться великорусскій элементъ въ языкѣ.

Заканчивая мои замѣчанія о новонайденномъ памятникѣ южнорусской переводной литературы, остановлюсь на вопросѣ, какое значеніе можно придавать этому произведенію, какъ матеріалу для чтенія нашей публики конца XVII или начала XVIII столѣтія?

Г. Пыпинъ въ статьѣ «Очерки изъ старинной русской литературы», по поводу новеллъ Боккачьо въ нашей письменности говоритъ такъ: «новелла Боккачьо и русская письменность XVII столѣтія производятъ вмѣстѣ какое-то странное впечатлѣніе; старинный борзописецъ, переписывающій новеллу Боккачьо, для многихъ можетъ

показаться миѳомъ, невозможнымъ на дѣлѣ, потому что трудно представить игривую, остроумную и не весьма скромную новеллу подъ перомъ стариннаго грамотѣя, подъячаго или посадскаго человѣка, привыкшаго списывать и наслаждаться словами о злыхъ женахъ, сказаніями о воеводѣ Дракулѣ и царѣ Агеѣ, и другими «вельми дивными» и «зѣло душеполезными» повѣстями. Новелла Боккачьо въ старинной русской одеждѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ ненормальныхъ явленій, какими всегда сопровождаются первые шаги начинающей литературы, не управляемой одною идеею и дѣйствующей безсознательно»[1]).

Очевидно изъ этого, что г. Пыпинъ, считая самый фактъ существованія переводовъ новеллъ Боккачьо въ XVII в. ненормальнымъ явленіемъ, не можетъ признать положительнаго значенія ихъ для нашихъ старинныхъ грамотниковъ; поэтому въ заключительныхъ словахъ указанной статьи его читаемъ:

«Какой смыслъ имѣли для нашихъ читателей и грамотѣевъ новеллы Боккачьо, трудно сказать опредѣлительно; но судя по неловкому, тяжелому языку, которымъ выражались они въ этомъ случаѣ, подобныя вещи были непривычны и дики для нихъ. Нескладная передача легкой фразы Боккачьо, безъ сомнѣнія, много отнимала у новеллы, даже и вовсе искажала ее, потому что ложный тонъ, въ который необходимо впадали наши переводчики, совершенно противорѣчилъ ея характеру. Виноваты здѣсь не фривольный взглядъ на вещи и не нескромность описаній, которыми иные могутъ кольнуть здѣсь Боккачьо—потому что и древняя наша словесность имѣетъ нѣчто въ подобномъ родѣ—а только незначительность литературнаго развитія. Переводъ Боккачьо былъ вещью случайною и преждевременною, и хотя онъ повидимому вызванъ былъ извѣстными потребностями и вкусами читателей, но въ сущности оказался явленіемъ несостоятельнымъ, которое только обнаружило недостаточныя средства тогдашней нашей письменности и образованія»[2]).

Соглашаясь съ замѣчаніемъ уважаемаго нашего ученаго, по скольку оно относится къ новелламъ Боккачьо, извѣстнымъ по шуточнымъ сборникамъ, я не считаю возможнымъ сдѣлать тоже отно-

---

[1]) Отеч. Зап. 1857 г., № 2, стр. 458.

[2]) Ibid., стр. 465.

сительно новеллы о Сигизмундѣ и Гвискардѣ. Безспорно литературный стиль служилъ громаднымъ препятствіемъ для передачи всей силы содержанія новеллъ Боккачьо, на что и было указано мною выше; но, помимо стиля вообще, литературной формы, существуетъ еще извѣстное содержаніе, проводящее какой-нибудь принципъ. Вотъ со стороны этого послѣдняго новелла, о переводѣ которой у насъ рѣчь, стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ тѣхъ шуточныхъ разсказовъ, которые, будучи лишены легкости въ изложеніи, теряютъ отъ этого все свое значеніе. Что сами переводчики и составители такихъ веселыхъ разсказовъ относились къ нимъ поверхностно, не серьезно, по крайней мѣрѣ въ XVIII в., унаслѣдовавшемъ ихъ отъ XVII-го, это видно изъ того объясненія, которое находится въ одной рукописи XVIII вѣка:

Хотя не для историческаго чтенія,
Сочиненны нѣкоторымъ человѣкомъ для увеселенія,
Самые забавные жарты,—
Охотно читать, какъ играть въ карты [1]).

Но совсѣмъ иное дѣло такой сюжетъ, какой мы встрѣчаемъ въ данной повѣсти,—сюжетъ, исполненный трагизма, производящій сильное впечатлѣніе и проникнутый идеей, очевидно берущей перевѣсъ надъ самой романической завязкой, что и обнаруживается въ прекрасной рѣчи Сигизмунды на тему объ истинномъ благородствѣ. Едва-ли можно сказать, что чтеніе произведеній, проникнутыхъ такими идеями, было преждевременно и самыя произведенія не имѣли значенія. Вѣдь трактатъ объ истинномъ благородствѣ, который въ большей или меньшей степени удачно проведенъ и въ нашемъ пересказѣ, есть ничто иное, какъ такой-же трактатъ во 2-ой сатирѣ Кантемира, вложенный въ уста Филарету. Если мы признаемъ значеніе этой сатиры Кантемира для современниковъ, помимо ея сатирической формы, то и явившійся раньше нѣсколькими десятками лѣтъ переводъ новеллы Боккачьо должны признать равносильнымъ по своему значенію для воспитанія здравыхъ понятій въ современникахъ.

Помимо того, самая личность Сигизмунды, послужившая поводомъ, какъ мы видѣли, къ составленію многихъ передѣлокъ и под-

[1]) Пыпинъ, Очеркъ лит. истор., стр. 292.

ражаній въ разныхъ литературахъ, не могла не производить впечатлѣнія и на нашихъ предковъ и тѣмъ способствовать выработкѣ литературныхъ вкусовъ. Что такое увлеченіе было въ дѣйствительности, видно отчтсти изъ того, что нашъ переводчикъ, очевидно увлекшійся типомъ этой мужественной личности, попробовалъ выразить свое впечатлѣніе, нужно думать, въ самостоятельныхъ короткихъ стихахъ, помѣщенныхъ въ концѣ повѣсти подъ заглавіемъ «Лямент Зигисмунды». Стихи, положимъ, не блистательные, но во всякомъ случаѣ свидѣтельствующіе о силѣ впечатлѣнія, полученнаго авторомъ.

Несщасливи годи и лѣта нещасливи,
И потѣхи зрадливи свѣта всѣ плачливы!
На что мене нещастну такъ долго держали,
Когда мене такъ тяжкимъ смуткомъ карать мали?
Чему мене первѣе червь не стлѣла въ гробѣ,
Или мать не растлила во своей утробѣ?

И такъ, скажу въ заключеніе, если нашей поэзіи суждено было уклониться отъ пормальнаго пути въ своемъ развитіи и, послѣ значительнаго перерыва, обратиться къ произведеніямъ иноземнымъ, то для XVII вѣка едва-ли не однимъ изъ самыхъ отрадныхъ литературныхъ фактовъ является переводъ новеллы Боккачьо о Сигизмундѣ и Гвискардѣ. Не предлагаю ни подлиннаго текста этой новеллы, ни перевода ея на современный намъ языкъ, хотя это и помогло бы читателю ознакомиться съ тѣмъ, какъ справился нашъ старинный переводчикъ съ произведеніемъ первокласнаго италіанскаго писателя. Послѣдняя цѣль достигается отчасти нашими указаніями, а ознакомленіе съ подлинникомъ этого произведенія вовсе выступаетъ изъ предѣловъ программы нашего изданія. Иное дѣло южнорусскій пересказъ той же повѣсти; мы приводимъ цѣликомъ его текстъ по найденной рукописи, какъ памятникъ языка, мѣстами самостоятельной литературной работы и какъ памятникъ литературной потребности и вкуса прежняго времени.

В. Науменко.

Историчніе вѣрши [1]).

1. Князь Танкредъ, по имени Салернѣтанскъ бывій,
Долгіе пожилъ лѣта въ той власти щасливій;
Умре безъ наслѣдія, толко дщерь едину
Имѣлъ онъ Зигисмунду, и ту любя вину,
Любя сердцемъ безъмѣрно, якъ зепицу ока,
Хранилъ, хотя оную видѣти безъ порока.
И такъ тѣмъ любленіемъ привелъ къ тому тую,
Что ажъ безвременную смерть принеслъ оной злую:
Когда бо пришла въ возрастъ Зигисмунда дѣва,
10. Добронравна надзвичай и красна до дива
Видѣнна была, коей задивяся миози,
Не быть бо ся краснѣйшу судили и бози;
Многіе жъ отъ велможнихъ господъ ю хотѣли
Поять себѣ за жену и отца нудили,
Но отецъ любовію былъ къ ней обдержимій,
Отказалъ актъ веселній дѣвѣ той любимой,
Не хотя лишится радости всецѣлой
И отдалить отъ себя Зигисмунди милой.
Потомъ и не съ волею принужденъ отдати
20. За княжича едина въ свѣтліе полати,
Которому не долго Богъ далъ съ нею жити,
Благоволилъ жизнь его смертію *скратити* [2]).
Завдовѣвши жъ, прекрасна Зигисмунда млада
Узнала, что за прелесть въ свѣтѣ и израда;
Кривавіе отъ очесъ своихъ лила слези,
Какъ росою кропила свои ходя стези;
Не видѣла и свѣта за слезами тѣми,
Лице заразъ змѣнила почалми такими.
А была красотою и умомъ такъ славна,
30. Что во области не бѣ ей ни едина равна.

---

[1]) Удерживаю правописаніе подлинника, кромѣ надстрочныхъ буквъ; знаки препинанія, совершенно почти отсутствующіе въ подлинникѣ, разставляю по смыслу.

[2]) Другимъ почеркомъ поправлено: *прекратити*.

Нелзя было не думать и не удивлятся,
Смотря толко на нея и не услаждатся;
Насквозь та проникала сердца зракомъ вдатнимъ
И къ себѣ привлекала словомъ всепріятнимъ.
Была-жъ въ дому отческомъ не малъ часъ вдовою,
Въ дому славномъ, роскошномъ, въ великомъ покою.
Но понеже всякому долго скорбь прикучитъ,
Затѣмъ стала приходить въ чувство, что ю мучитъ,
Стала о томъ забывать, роскошми нудима,
Спомянула жизнь брачну, какъ она любима.
Кровь млада дѣвственная въ тѣлѣ ей заграла
И жаръ въ ней, какъ бурній вѣтръ, всегда разжигала.
Толко о томъ и думаетъ, кто имѣетъ тѣло,
Чтобъ въ свѣтѣ аггелское было его дѣло;
Развѣ былъ-би адамантъ тотъ непобѣдимій,
Даби молотомъ біенъ билъ ненарушимій.
Но кровь сія козлія и камень тотъ крушитъ,
А отрада и роскошь ея не утушитъ;
Для чего горкой скорби по мужу забила
И горячку силную въ тѣлѣ ощутила.
Искала жъ средствъ удобнихъ и лѣкарства певна,
Какъ бы могла лѣчити болѣзнь ту плачевна.
А о то стидно было у отца прохати,
Не пригожо бо дамѣ жениха искати.
Что-жъ чинитъ Зигисмунда, искрей потаеннихъ
Не могучи угасить, внутрь ея разженнихъ?
Починаетъ умишлять, какимъ бы то видомъ
Снестися могла въ любовь съ изряднимъ купѣдомъ,
Кой бы желаніямъ ея былъ догожій
И въ той ея секретно сокривать могълъ дрожи.
Сискала способъ латвій въ отеческому дому,
Врачбу такъ на боль певну къ здравію свѣдому.
Такъ между протчіими лучша всѣхъ слугами,
Такъ красна, какъ и умна и крѣпка силами,

По имени избравши Звѣздарда едина
И исъ тѣмъ закохалась (о любве кручина)!
Красоту и пріятство и умніе справи,
Паче за куріозность стался быть другъ правій;
А вродою хотяй-же онъ и билъ сравненній,
Со другими-жъ честію не былъ соединенній,
Кого Зигисмунда такъ уже сподобала,
Что въ очей сердца и мисли всегда не спускала.
Молодецъ-же разуменъ Звѣздардъ узналъ тое,
Что сердце Зигисмунди есть къ нему прямое,
Сталъ ходить вслѣдъ ея мислми и очима
И такъ тую уловилъ въ любовь между сима.
Какъ-же бъ далѣ поступить, мислить о томъ стала
И чтобъ дѣломъ искусить, кого закохала.
Се-жъ уже когда любовь въ нихъ жить стала равна,
Тогда рости вещь къ дѣлу стала въ нихъ исправна;
Однакъ она, не хотя звѣритись никому,
Опасаяся изради отъ слугъ своихъ въ дому,
Сискала таковъ способъ: картку написала,
Въ трость тайно вложивши, къ нему отислала,
Молодецъ-же разуменъ тотчасъ догадался,
Что недармо даръ къ нему отъ нея прислался,
Такъ хитро умисленній, да еще чрезъ дѣву;
На многъ часъ чудяся тому ея дѣлу,
Взявъ тую, роспечатавъ и прочитавъ скрито,
И сталъ любить чрезъ тое ея неласито;
Растопился отъ сладости и развеселился,
Что о часѣ и мѣстѣ, гдѣ быть, извѣстился.
И такъ сшлися въ едино, волю учинили
И конецъ желанія любве улучили;
Покой бо билъ далече Зигисмунди въ боку,
Для утѣхи ей самой дѣланній знароку,
При которомъ и ліохъ билъ уже запалій
И смѣттемъ нанесенній, толко поостали
Нѣяніесь тамъ мѣста секретніе къ входу,

Правящіе въ покою сѣнми охолоду,
Где и наметъ Зигисмунди надъ вся былъ любимій
И нарочно для потѣхъ собственныхъ держимій.
Въ томъ наметѣ при ліоху желѣзніе двери,
И стална была засовъ съ желѣзными пери.
Тотъ ліохъ зъ давнихъ временъ былъ вже запустѣлій,
И домашніе о немъ весма позабили;
Но любовь быстъ раззорна, проходя сквозь всюди,
Усмотрѣла мѣсто то угодно, где труди
Облегченни бываютъ, и соединила
И тугу сердечную онимъ тамъ разбила.
Зигисмунда бо, въ помощь не прося никого,
Сама двери отверзла, трудяся въ томъ много,
Упустила Звѣздарда къ своему покою
И тамъ утѣшилися обоя межъ собою.
Сіе-жъ часто бывало, а единой ночи,
Желанію своему не имѣя мочи,
За препятствіемъ слугъ своихъ, онихъ розослала,
Умисливши сказать то, что еще не спала,
И пошедши къ покою, тамъ сладко уснула
Съ Звѣздардомъ въ прохладѣ, а якъ ночь минула,
Обоими обявши своима руками,
Звѣздарда цѣловала всѣ уди устнами;
И долго побавились еще въ той утѣсѣ,
Якъ пташечки играя въ красномъ якомъ лѣсѣ.
По игрѣ-же той Звѣздардъ у домъ возвратился
И пришедши, где медлѣлъ, въ дому не звинился.
Зигисмунда, замкнувши двери, тожъ вступила,
Какъ-би отъ сна себе толко обудила;
Взявши шубку на себе, пришла между слуги
И, съ ними въ рѣчь вдавшися, била какъ лукъ тугій,
Не дала ни мала по себѣ въ томъ знаку,
Сахарнимъ розговоромъ прикрила желчъ смаку,
И смѣяся съ панками, шутливо сказала:
„Якъ я долгое время въ покою томъ спала!“

Они-жъ въ отвѣтъ ей сказали: доволно и много
Ізволили спать, госпоже. Она-жъ имъ до того
Сказала, что пріятнымъ сномъ бѣ отягощенна
И сладкимъ отъ чувствія велми вспокоенна.
Потомъ едини въ шати другіе вбирали,
Другіе-же вечеру вкусну готовали.
А Звѣздардъ всегда повенъ было посѣщаетъ
И печално ея сердце въ тузѣ утѣшаетъ.
Но противна фортуна щирости той вѣрной
Не могла укротити завѣсти безмѣрной,
Кая всѣмъ тѣмъ потѣхамъ конецъ даровала
Печалній и обоихъ смертію карала.
Обиклъ бо Танкредъ оній, князь Салернѣтанскій,
Часто ходить къ покою, въ наметъ тотъ панянскій,
Хотя часомъ утѣшить дщерь вдову печалну
И ей отгнать тугу отъ сердца нахалку.
А временемъ обиклъ билъ ходить до покою,
И тамъ было розговоръ имѣють зъ собою.
И такъ часу едного, въ полудней годинѣ,
Ходя онъ по покою самъ толко единій,
Когда дщерь Зигисмунда съ паннами играла
Въ городку и цвѣтками себе забавляла
Маіовими, якъ звичай,—тогда онъ въ покою
По многой усынулъ утѣсѣ, утрудженъ собою;
Усынулъ онъ у тихости вкупѣ наединѣ,
И окна бо заперти были у той сѣни.
Зигисмунда-жъ, не зная, что дѣлалось тамо,
Пожелавши Звѣздарда, идетъ въ покой прямо,
Где и Звѣздардъ надойшолъ, тѣшились вспаняло
По желанію сердецъ; когда-жъ позднѣйшъ стало,
Обудився зъ сна, Танкредъ видить, что дщерь дѣеть,
Ничего не говорить, отъ жалю ввесь млѣеть;
Хотѣлъ къ нимъ обозватись, а потомъ раздумалъ
Не обличать дочери, толко тайно румалъ,
Румалъ горко и ревно, уста притиская

Къ подушки, на кой лежалъ, гласъ утаевая;
Не двинулся, ажъ поколь ростались обое,
Окончивши забаву, не мисля на тое,
Что вже (з)рада съ ними есть. Ахъ израда скрита,
Кую любовь дѣеть слѣпа и не сита;
Та бо ихъ разстопила такъ, какъ воскъ и масло,
И въ той они цѣлуясь, паки дали гасло.
Звѣздардъ обыкновенно отойшолъ съ покою;
Зигисмунда-жъ въ надежномъ бывши слова строю,
Пойшла въ домъ между панни и тамъ жартовала,
Посредѣ ихъ, играя съ ними, розмовляла.
А Танкредъ нечаяннимъ видомъ пораненній,
Вишолъ тайно съ покою, сердцемъ болѣзненній,
И утвердилъ надъ ліохомъ тѣмъ стражи опасни,
Гдѣ въ третій день пойманъ сталъ Звѣздардъ той нещасній.
Между тѣмъ, звязавъ его, дали князю знати
Скрито о немъ, что уже далъ имъ Богъ поймати.
Князь-же, не хотя того и видѣть очима,
Приказалъ вложить въ тюрму, какъ вора злозрима.
И то все тайно дѣлалъ; казалъ, чтобъ не знала
Зигисмунда о тому и тужить не стала,
Что свого рачителя уже упустила
И своимъ скошеніемъ его погубила;
Приказалъ говорити—съ пѣсмомъ отпущенна
И надежно съ отвѣтомъ скоро возвращена.
Потомъ, время избравши, пойшолъ самъ въ темницу
И гнѣвную на его обратилъ зеницу,
Хотя слишать отъ него, чтоби онъ зрадливій
По совѣсти сказать могль. Питалъ, какъ плачливій:
О злодѣй безъсовѣстній! сами тѣ доброти
Мои тебе отвесть могли бъ отъ срамоти,
Дабы дому моему и слави такои
Не дѣлалъ и сердцу болѣзни тяжкои;
Кое дѣло самъ видѣлъ очима моима

И покрилъ то горкими слезами моима.
На что въ отвѣтъ отказалъ то Звѣздардъ Танкреду:
Согрѣшилъ, господинъ мой, ставлю грѣхъ на среду,
Но что буде, то буде; правду сказать, знаю,
Что любовь болшу силу, нижъ ти и я маю,
Оной я слушать мусилъ, тебе позабивши
И волѣ тоя себе всего поручивши.
Князь-же Танкредъ ридая вийшолъ болѣзненній,
Приказадъ, чтобъ Звѣздардъ былъ крѣпчае замкненній.
Зигисмунда-жъ частенко зъ окна виглядала,
На всякъ часъ и минуту Звѣздарда чекала
И мисля, что зъ писмами тѣми забарился,
Воздихала горко, что не знаеть, гдѣ подѣлся.
Отецъ, часъ усмотрѣвши, пойде до покою,
Якъ обиклъ былъ; ажъ дочеръ сама тамъ собою
Лежить скорбне, въ наметѣ. Когда его взрѣла,
Ставши предъ нимъ, какъ должно, отца сѣсть просила.
Онъ же сѣдши зачалъ рѣчь свою къ ней ту править,
Что до смерти за жену, какъ она лукавить,
Ручитися не хотѣлъ-би, тое всякъ дознаеть,
Здравіе-бо и славу та отъ часу тераеть.
О дщи моя едина! скорбенъ я до зѣла,
Ібо твоя мнѣ въ очи сваволя вступила,
Чего когда бъ очима своима не видѣлъ,
Никогда бы, кто казалъ, тому-бъ я не вѣрилъ,
А то видѣлъ и плакалъ, въ слезахъ утопая;
Говорить ажъ онъ не могль, съ жалю умирая.
Съ такимъ то щастіемъ бѣдній умирать я мушу
И такъ въ горкой печали злѣй зверну душу.
Грѣхъ твой мене тотъ мучить и свѣта лишаеть,
Твоя любовь зъ Звѣздардомъ мене погубляеть.
О дщи моя, дщи злая! что се ти зробила?
Кости моя и мене жива въ гробъ вложила,
Смѣшеваешъ зъ землею, жалемъ покриваешъ
И такъ сердце бѣдное насквозь пробиваешъ.

О бѣдная Зигисмундо, вдовице неправа,
На что далась бездѣлнику увестися лукава?
Для той своей свободи могла бъ изобрати
Зъ нобилетовъ изрядна, нежели такъ каляти
Славу свою, и себе худу учинила.
Когда вже желанія въ томъ не преломила,
Много дворянъ у мене лучшихъ избрать можно,
Если вже захотѣла такъ жити безбожно.
Не знаю, что въ томъ сердце твое возлюбило,
На кого и смотрѣть другимъ есть не мило.
Сего бо млада еще взявши я нагаго
Отъ отца, вмѣсто сина здѣлалъ таковаго,
Пріодѣнулъ нагаго и сдѣлалъ якъ сина,
Хотя его за вѣрна слугу мѣть едина;
Се же онъ мнѣ наградилъ за тія доброти,
Напесъ въ тяжкой старости моей мѣстъ клопоти.
О сердце старости! что ти такъ нещасно,
Что отъ сего терпишъ ти такъ тяжко, напрасно.
Однакъ уже, какъ ни есть и какъ тое стало,
О нещастіе велико такъ мене попало,
Что самъ я не знаю, что чинити зъ собою:
Прійдется въ горести умрѣть въ неспокою.
Поступлю я съ Звѣздардомъ, какъ съ таемнимъ воромъ,
Убію безъсовѣстна во времени скоромъ;
А съ тобою не знаю, что дѣлать имѣю,
Прибрать мисли не могу, сердцемъ тя жалѣю,
Любовь бо природная дѣлать воспящаеть,
Хоть на тое судъ правій мя и поущаеть,
Чтобъ ти казнить за грѣхъ твой и сущіе сіи злія
Помстять ти сами нехай дѣла твои тія.
А я поколь умишлю, хощу въ тебе бути,
Чтоби ти мнѣ сказала, якъ би избѣгнути
Могла еси казни злой и проценна быти;
Лучше бо тя мнѣ мертву, нежъ безъчестну зрѣти.
Печална-жъ Зигисмунда буд(учи) въ томъ часѣ,

Стала безъотвѣтна вдругъ въ немалому страсѣ,
Не такъ себе жалѣя, якъ друга своего,
Звѣздарда, мисля въ себѣ: ахъ нещастія моего!
Что се намъ случилося? тяжко воздихала
И скорбное слезами лице обливала.
Видя тое, что уже тайни ихъ открити
Стали и вси любве той знаки явни быти,
Отъ жалости несносной ніедина слова
Не могла проговорить до отца сурова;
Однакъ предъ нимъ мужеско сердцемъ поступала,
Прибирая разума, что би отказала;
А въ мисли своей твердо тое закрепила,
Что съ Звѣздардомъ и смерть ей будетъ въ свѣтѣ мила
И быть-би вже готовой, еслиби згубити
Звѣздарда отецъ имѣлъ, тамъ же положити
И свой животъ съ нимъ купно; и такъ учинила,
Что по смерти вже своей его въ гробъ вложила;
Мужественно стояла до смерти и вѣрно
Не просила ни о чомъ отца, толко мирно,
Безъ гнѣва, со слезами тое говорила:
Что ти де, отче, виненъ, не я учинила,
Отецъ мой, государь! ти самъ въ томъ причина,
Что я такъ согрѣшила, тебѣ дщерь едина.
Грѣхъ мой исповѣдую и вини не крію
И о милость просити тебе не имѣю;
Готова все терпѣти, чтобъ имѣло быти,
Съ Звѣздардомъ совокупно хощу и умрѣти.
Не тая-же и сего, что его любила
И такъ, какъ съ мужемъ своимъ, я съ нимъ жизнь имѣла
И поколь жива буду, хочъ то и немного,
Не престану любити отъ сердца прямого;
И по смерти, когда би власть кости имѣли,
Желала бъ, чтобъ и въ гробѣ Звѣздарда любили.
Не такъ моя хоть къ тому и любовъ его же,
Чуя твоя отца роскошь то сдѣлать возможе:

Могль би еси въ младости моей то вчинити,
Даби мене другому мужу обручити,
Тобъ я сіеи свеволѣ такъ худой не знала
И всегда бъ зъ своимъ мужемъ въ сладости играла.
Не помислилъ ти на то, что я самъ тѣлесній,
Въ тѣлѣ своемъ имаши тотъ же духъ прелестній,
И мене не каменну родилъ ти жъ такову,
И для того и нравомъ знай быть еднакову.
Могль би еси и тое еще разсуждати,
Какъ въ младихъ лѣтахъ нашихъ кровъ звикла играти
А и сама младость есть ко грѣху всесклонна,
Найпаче-жъ праздна; а любовъ законна
Всего сего не знаеть, но живеть нелестно.
Бракъ честенъ, какъ сказують, и ложе всечестно:
Якъ-же мнѣ, женѣ, бывшей въ отрадѣ доволной,
Младой, къ тому и праздной, не быть своеволной?
Сіи твои и-къ сему мене понудили,
Что всѣ уди Звѣздарда мои такъ любили;
Бывши бо я за первымъ супругомъ законнимъ,
Хочъ не долго зъ нимъ жила, однакъ бракомъ полнымъ,
Узнала, что то есть бракъ и что въ немъ за сила,
Всякихъ тайнъ сердечнихъ сладости вкусила;
Когда-жъ въ той горячести самой завдовѣла,
Надъ мѣру въ младой кровѣ огнемъ разгорѣла,
Какимъ во дни и въ нощи палая сердечно,
Принужденна промишлять о то всеконечно,
Якъ би пламень природній могла утолити
И кровь, во мнѣ горящу, хоть мало залити.
Однакъ съ прилѣжаніемъ и о то старалась,
Какъ-би найсекретнѣе въ той вещи справлялась,
И искала способовъ таемнихъ до того,
Чтоби подозрѣнія избѣгнути злого.
Тебе ради, не себе, тайно такъ чинила,
Даби когда подзоромъ не обезъславила.
И до тихъ поръ щасливо текло тое дело,

Покамисть твое око отче не узрело.
Когда-жъ тебѣ досадно паче всего тое,
Что не зъ равнимъ любилась, се резонъ на тое:
Той бо мнѣ полюбился и я ему равно,
Любовъ но перебираетъ, все дѣлаетъ травно.
Но что очесамъ людскимъ кажется въ придачу.
Любвѣ пріятно, то намъ есть въ удачу.
Мнити-ли грѣхъ тотъ быти меншій межъ грѣхами,
Которій бя имѣла дѣлать зъ шляхтичами?
Слѣпъ твой въ томъ разумъ, отче! мисль маешъ неправу,
Не Звѣздардъ, но щастіе отіймаетъ славу.
За щастіемъ все течетъ: то славитъ безъславнихъ,
То убогихъ, богатихъ, то и князей славнихъ
Возноситъ и смиряетъ,—то дѣлаетъ само.
Слово-жъ твое, отче мой, и Богу упрямо;
Всѣмъ бо намъ единъ отецъ, една земля мати,
Вси отъ нея созданни, отъ нея зачати,
И достоинство наше отъ земли-же взято.
Вси земля, прахъ и пепелъ, толко едно свято
Племя и родъ, коего добродѣтель славить:
Та сама славу родить, та богатихъ ставить,
Та ворота къ шляхетству и ключъ къ славѣ златій,
Тая шляхтовъ дѣлаетъ—не отецъ, ни мати.
Присмотрись толко, отче, своей шляхти нравамъ
И всѣмъ ихъ дѣламъ добримъ и дѣламъ исправнимъ;
Положи на мирилѣ Звѣздардови справи,
Добрій нравъ и красоту—какъ болшой суть слави,
Такъ увидишъ всю правду, чего онъ достойній,
Какъ тѣхъ стома крати лучшій есть и стройній,
Зачимъ я извѣрилась, якъ вѣрному другу
И хотѣла-би ему быти за супругу.
Болше-жъ сего еще то я въ немъ усмотрѣла,
Что онъ горячъ любитись,—за то я влюбила,
И что болшъ (есть шляхтичъ), хоть убогъ да правій,
Доброти въ немъ нѣсть подобной, красни имать нрави.

Обманулся ти, отче, что такъ мужа умна
Чрезъ долгій часъ не узналъ быть нелегкоумна,
И за служби вѣрніе по сей часъ заплати
Не наградилъ достойной зъ своей благодати.
Нѣсть сіе ново и дивно: часто бо бываетъ
Господинъ убогимъ, убогій-же его провишаетъ;
Много тихъ, что у себе ничего не мали,
Щастіе-же имъ дало, господами стали.
Многіе-жъ хочъ и мали, да щастіе побрало,
Много мавши, послѣжди ничего не стало.
Въ заключеніи-же рѣчи сіе утверждаю:
Что хочешъ, дей со мною,—умрѣть съ нимъ желаю;
Если згубишъ Звѣздарда,—чего не дай Боже,—
Узришъ мертву и мене, что будетъ негоже.
Мене карай, мене мучъ,—я то во всемъ винна:
Сама его извела, сама въ томъ безъчинна;
Сама смерти я година,—пусть-же пойду зъ свѣта.
Не дасть онъ предъ Богомъ безъвинній отвѣта.
Да дасть Господь Богъ ему, ему лѣта многи
И вся свиньше благая безъ всякой тривоги.
Если-жъ изъ свѣта, отче мой, Звѣздарда мнѣ истратишъ,
Смертію вже моею ти лютость уплатишъ;
Лучше насъ обонхъ згубить, нежель розлучити,
Дружно бо хощу съ Звѣздардомъ и въ гробѣ жити.
Положи насъ въ единой трунѣ нероздучно,
Пусть едину не будетъ жити въ свѣтѣ скучно;
Погреби кости наша въ единой ясканѣ,
Пусть лежать въ памятку любве вѣрной нынѣ.
Смотря-жъ Танкредъ на ея такъ рѣчь ту статечну,
Не зналъ, чимъ-бы устрашить оную безпечно;
Умыслилъ онъ тотъ пламень, внутрѣ ей розгорѣлій,
Кровю залить, Звѣздарда животъ отявъ милій.
Хотя все тайно здѣлать для своей неслави,
Казалъ въ ночь глубокую лишить его глави
И сердце его къ себѣ принести неживо,

И положивъ на златомъ блюдѣ то на диво,
Послалъ къ дщерѣ на покой съ таковими слови:
Отецъ ти про память прислалъ се суровій,
Даби тѣмъ и по смерти себе потѣшала,
Которому за жизни любовъ даровала.
Се имашъ сердце его; кой отялъ доброти,
Тѣмъ закрій свою нечесть, знакъ вѣчной срамоти;
Теперь ему присмотрися, есть-ли что въ немъ мило,
И испросися, любить-ли, какъ прежде любило.
Зигисмунда-жъ, будучи вже на смерть готова,
Не говорить въ отвѣтъ ни едина слова;
Держа въ руцѣ напитокъ изъ ядомъ смѣшенній,
Силною отравою бывій растворенній,
Ожидаетъ, что будетъ съ Звѣздардомъ чинится,
Ажъ видитъ, что ихъ секретъ явно всѣмъ вже зрится.
Взявши сердце оное отъ златого блюда,
Воздохнула плачевна о причинѣ студа,
И очи въ небо поднесла и благодарила
Отцу за тотъ даръ драгій, которій узрѣла.
И заразъ узнала, что то Звѣздардово
Сердце было, которое отецъ далъ сурово,
И спустивши внизъ очи, плакала ревниво.
Потомъ къ послу сказала тѣ слова плачливо:
Достойно я по истинѣ золотого блюда
Сердце сіе и его любовна утроба,
Кая ему труна и быть надлежала,
Въ чомъ я теперъ отческу милость вже узнала.
Достойно Звѣздардъ лежитъ по смерти на златѣ,
Положилъ-бо любови моей то въ заплатѣ,
Сердце-же его, кое въ рукахъ цѣстовала
И своими сердечно усти цѣловала.
Сказуя то, прирекла: о моя утѣхо!
Ти теперъ въ небѣ еси радостно и тихо.
Потомъ, обратившись (къ) панянтамъ, сказала:
Всегда я отческую милость узнавала,

Но тепера найпаче тую узнаваю
И за такій даръ ему воздать чимъ не маю;
Вмѣсто всего самую пусть онъ будетъ знати,
Дая ему жизнь мою и покой мой златій.
И къ сердцу обратившись, такъ горко слезила,
Что отъ жалю и плача зѣло обомлѣла,
Сказуя такъ до сердца: о сладкій покою
Всѣхъ моихъ потѣхъ! тайно добро мнѣ съ тобою.
О радостній доме мой, любве пребезмѣрній,
Постоянній и вѣрній и нелицемѣрній!
Ти замокъ таинъ сихъ всѣхъ! Где-жъ тебе подѣли?
Въ тебѣ-ли суть, иль въ небо зъ душею вступили?
Богдай-же тотъ не дождалъ вѣка вже своего,
Кто живота не щадѣть приказалъ твоего!
Доволно въ тебѣ, сердце, было мнѣ спокою,
Когда-жъ умрѣть напередъ ти зволилъ собою,
Быть тому такъ; для мене ти князя лишился,
Отъ его-же и на тотъ свѣтъ итить поспѣшился.
Когда-жъ еще до мѣста не дойшолъ своего,
Я гонюся за Звѣздардомъ, свѣтъ бо мнѣ безъ него
Не милій. Далъ тебѣ гробъ непріятель злобній,
О сердце любимое, твой сходъ мнѣ удобній(?);
Болшъ ти слави и погребу вже не доставало,
Толко-бъ еси въ слезахъ моихъ омокало,
Какихъ я не жалѣю, и ти бо однако
Не жалѣлъ своей крови и живота тако.
И кого-жъ-би сердце то днесь не засмутило
И воздохнуть отъ сердца внутръ не понудило?
Мнѣ было еднаково въ землю пойти прямо
И зъ сухими очима и безъ слѣзъ бить тамо.
Но фортуно измѣнна! отъ тебе се цвѣти
Понужденни ввязнути у смертніи сѣти;
Души-жъ наши, мню, будуть совокупно обѣ,
Когда купно положать тѣлеса во гробѣ.
Еще бо, надѣюся, духъ твой во покою

Моемъ здесь пребывает, лѣтая собою,
Смотря на плачъ и жаль, такъ тяжко ревнивій,
Ожидаетъ, поколи духъ мой вийдетъ зъ мя плачливій,
Не желаетъ дружества остатися вѣрна,
И нинѣ любя его, какъ нелицемѣрна.
Но уже душа моя мене оставляетъ
И тѣло отъ немощи тяжкой умираетъ.
Сказуя, гласъ въ себѣ таила плачевній,
А въ сердцѣ диханіе и жаль велми ревній;
Слези-жъ лія на сердце тое безъ престани,
На мертвость смотря его и смертніи рани.
Жени тамо и панни, тожъ видя, слезили
І на слезній тотъ позоръ вси тамо смотрѣли,
А она плакавшись очи утирала,
На сердце Звѣздардово сиутно поглядала.
Потомъ всѣмъ вслухъ сказала: плакать уже годѣ,
Но не годѣ зъ Звѣздардомъ быть мнѣ при отходѣ.
То говоря, вземъ чашу, смертна яда полну,
Испила и упала, жизнь оставя долну;
Тамъ на ложѣ, якъ трупъ, тотчасъ поблѣднѣла,
Сердце-же Звѣздардово къ себѣ прихилила,
Цѣловала и скорой смерти ожидала.
Тѣмъ бо своимъ случаемъ всѣхъ женъ понужала:
Что-бо она испила, того не узрѣли,
Толко знать, что ядъ смертній, мислми доходили.
Тотчасъ, толко пала, лице измѣнила,
Вся стала нечувственна и вся омертвѣла.
Дали о томъ отцу знать, что дочеръ болѣетъ;
Услишавши-жъ то, отецъ тотчасъ къ ней приспѣетъ,
Спрашиваетъ, что се есть! Она-жъ вже канаетъ.
Крикнетъ отецъ: ахъ, бѣда! дочеръ умираетъ!
Пособити не зналъ, пройшло-бо то время,
А ядъ лютъ непослабно налагалъ вже бремя.
Видя-жъ отецъ смерть явну дщери своей милой,
Не плакалъ, но ридалъ по той втѣсѣ милой,

На себе и на дочеръ свою нарѣкая
I день тотъ свой нещастній горко проклиная.
Аки при Меандровихъ брегахъ лебедь бѣлій,
Тако жалостно надъ дщерю плакалъ отецъ милій;
Лебедь гласомъ плачевнимъ кричитъ, воздихая
I крилами бистріе води розбивая,
Поетъ пѣснь печалну гласомъ умиленнимъ,—
Равно пѣлъ и старушекъ сердцемъ сокрушеннимъ;
Жалѣя по дочерѣ, румалъ неутѣшно
I себѣ умрѣть желалъ за тоею спѣшно.
Дочеръ отцу слезну каная говорить:
Мнѣ вже тѣхъ слезъ не треба, и Звѣздардъ не спорить.
Сокрій тія на славу насъ умершихъ нинѣ;
Ідемъ зъ свѣта черезъ тебе въ сей горкой кручинѣ.
Напрасно ти жалѣешъ, сего ти хотѣлось,
Тѣшся съ того, о чемъ вже тебѣ и ходилось;
Ти сего рачително желалъ,—Богъ съ тобою!
Богъ судія ти буди, что намъ жить зъ собою
Не допустилъ ти въ любви; дай-же хочъ по смерти
Кости наши ямѣ едной вже пожерти;
Даруй сію благодать дочери единой,
Буди въ тебѣ любовъ есть къ мнѣ, отче, безвинной.
Яви отчу милость къ намъ, сдѣлай вконецъ тое,
Даби въ гробѣ единомъ положились двое.
Тѣло мое зъ Звѣздардомъ пусть вже почиваетъ,
I по смерти бо своей быть съ нимъ желаетъ.
Надѣюся, отче мой, что мнѣ подаруешъ,
Въ едномъ гробѣ наши кости замуруешъ.
Тогда Танкредъ, будучи жалемъ ураненній,
Не могъ слова отказать, крича изумленній.
А Зигисмунда, видя смерть уже предъ очима,
Съ отцемъ попрощалась и зъ всѣми своими,
Сердце-же пѣстуючи усти цѣловала
I тяжко воздохнувши, въ томъ и жизнь скончала.
По томъ всемъ князь печалній сталъ осиротѣлій,

Зделалъ погребъ обоимъ и гробъ единъ цѣлій,
Схоронилъ ихъ преславно. Пусть-же почиваютъ
И такъ въ вѣчной любвѣ купно пребиваютъ!
Танкредъ пожилъ въ печали, скоро преселился,
І такъ животъ Танкредовъ и тѣхъ окончился.

Лямент Зигисмунды.

Нещасливи годи и лѣта нещасливи,
И потѣхи зрадливи свѣта всѣ плачливи!
На что мене нещастну такъ долго держали,
Когда мене такъ тяжкимъ смуткомъ карать мали?
Чему мене первѣе червъ не стлила въ гробѣ,
Или мать не растяла во своей утробѣ!

Библіографія.

Памятники Русской Старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія И. Н. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь (люблинская и сѣдлецкая губ.). С.-Петербургъ, 1885 г. (Съ приложеніемъ художественнаго альбома). Изданіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Начало этого изданія относится къ 60-мъ годамъ, когда правительство приступило къ обновленію обветшалыхъ и разрушающихся православныхъ церквей въ имѣніяхъ польскихъ помѣщиковъ въ западномъ краѣ и занялось собираніемъ потребныхъ для этого свѣдѣній о составѣ населенія края въ племенномъ и вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ. Командированные для собранія этихъ свѣдѣній штабъ-офицеры генеральнаго штаба, при разъѣздахъ въ краѣ, встрѣчали весьма часто развалины древнихъ православныхъ храмовъ и другіе замѣчательные остатки старины и дѣлали съ нихъ снимки. Изъ такихъ снимковъ составился интересный историко-археологическій альбомъ, который былъ представленъ на Высочайшее усмотрѣніе покойнаго Государя, соизволившаго на отпускъ средствъ для изданія этихъ рисунковъ въ свѣтъ.

Первые четыре выпуска «Памятниковъ» были посвящены волынскимъ древностямъ и изданы подъ наблюденіемъ того-же лица, которому принадлежатъ и дальнѣйшіе выпуски, включая и настоящій. Они представляютъ довольно интересный альбомъ, недурно исполненный въ художественномъ отношеніи, но оставляющій желать весьма многаго со стороны научныхъ требованій. Въ его составъ почему-то включены старинные памятники лишь четырехъ волынскихъ городовъ: Острога, Овруча, Луцка и Владиміра, и оставлены совершенно безъ вниманія такіе пункты, какъ Почаевъ, Кременецъ, Дубно и многія другія мѣст-

ности Волыни, извѣстныя по нахожденію въ нихъ старинныхъ памятниковъ; притомъ издателя видимо интересовали исключительно почти развалины церквей, другіе-же остатки древности, которыми такъ обильна Волынь, совсѣмъ не нашли мѣста въ альбомѣ; наконецъ, и тѣ немногочисленные памятники, рисунки которыхъ были изданы, оставлены безъ надлежащаго научно-историческаго изслѣдованія и снабжены лишь самыми краткими поясненіями.

Болѣе научно были изданы 5 и 6-й выпуски «Памятниковъ», посвященные древностямъ виленской губерніи. Кромѣ превосходнаго альбома, заключающаго въ себѣ весьма художественно исполненные снимки церквей, древнихъ замковъ, надгробныхъ памятниковъ, предметовъ церковной утвари, старопечатныхъ книгъ, рукописей и т. под., въ отдѣльныхъ книгахъ были помѣщены обстоятельныя описанія этихъ древностей и цѣлыя монографіи, между которыми особенно выдѣляются превосходный трудъ проф. Васильевскаго, посвященный исторіи г. Вильны, и статья П. А. Гильтебрандта «Матеріалы для исторіи западно-русской старопечати».

Настоящій, седмой выпускъ «Памятниковъ» посвященъ Холмской Руси. Въ отношеніи ученаго достоинства содержащихся въ немъ статей онъ уступаетъ двумъ предыдущимъ выпускамъ, не превосходя ихъ въ то-же время ни богатствомъ, ни большею систематичностью въ выборѣ статей: въ послѣднемъ отношеніи книга нѣсколько даже напоминаетъ тѣ сборники, которые издаются съ благотворительными цѣлями и наполняются тѣмъ, «кто что дастъ», по пословицѣ: «съ міру по ниткѣ»... Но есть въ настоящемъ выпускѣ одна особенность, которую нельзя не привѣтствовать сочувствіемъ и въ которой нельзя не видѣть значительнаго шага впередъ въ дѣлѣ пониманія издателемъ своей задачи. Желая представить матеріалъ для возможно-полнаго ознакомленія съ Холмщиною, какъ исконно-русскимъ краемъ, издатель не ограничился изслѣдованіемъ вещественныхъ памятниковъ мѣстной старины, но пожелалъ хотя отчасти познакомить читателей съ духовною физіогноміею *живаго народа*, исконнаго обитателя этого края, и помѣстилъ въ своей книгѣ весьма интересный «Очеркъ быта крестьянъ холмской и подлясской Руси», съ описаніемъ ихъ обычаевъ и собраніемъ всякаго рода пѣсенъ, записанныхъ большею частью изъ народныхъ устъ воспитанниками холмской учительской семинаріи. Эти пѣсни оказываются совершенно однородными съ тѣми, что поются на Волыни, Украйнѣ и вообще въ цѣлой Малороссіи. Безспорно, что въ виду спеціальной цѣли издателя «Памятниковъ» доказать «исконную принадлежность забужскаго края къ Россіи» (правильнѣе слѣдовало-бы сказать «русскому племени»), этнографія можетъ пред-

ставить аргументы болѣе убѣдительные, нежели археологія, и можно лишь удивляться тому, что издатель совсѣмъ не пользовался этнографическими матеріалами въ прежнихъ выпускахъ своего изданія. Нельзя не пожалѣть только, что въ художественномъ отдѣлѣ разбираемаго выпуска мы не находимъ изображеній мѣстныхъ народныхъ типовъ, костюмовъ, построекъ и тому подобныхъ особенностей племеннаго народнаго быта, которыя однѣ могутъ дать наглядное понятіе о томъ, насколько мѣстное населеніе сохранило свои исконныя національныя черты, не смотря на многовѣковыя хлопоты объ его полонизаціи.

Въ виду значительнаго объема новаго выпуска «Памятниковъ», составляющаго книгу въ 450 стр., намъ не станетъ ни мѣста, ни времени для подробнаго разбора его содержанія; ограничимся лишь краткими замѣчаніями по поводу отдѣльныхъ статей. На челѣ книги поставленъ прекрасный именно по его простотѣ и ясности этюдъ профессора Д. И. Иловайскаго о начальныхъ временахъ г. Холма и его основателѣ, князѣ Даніилѣ Романовичѣ, составленный на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ начальною лѣтописью. Совсѣмъ противоположными качествами отличается слѣдующая за нимъ статья мѣстнаго ученаго г. Хрусцевича, имѣющая цѣлью представить историческій очеркъ г. Холма со времени его основанія до нашихъ дней. На первыхъ-же страницахъ ея авторъ впадаетъ въ рѣзкое противорѣчіе съ предыдущимъ изслѣдователемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ намъ кажется,—съ истиною: вопреки яснымъ свидѣтельствамъ лѣтописи, приписывающей основаніе г. Холма князю Даніилу Романовичу въ первой половинѣ XIII ст., мѣстный ученый силится доказать, что этотъ городъ существовалъ еще во времена «предшествовавшія основанію русскаго государства», и въ доказательство этого положенія, какъ на непререкаемый авторитетъ, ссылается на извѣстнаго польскаго лѣтописца Длугоша, жившаго въ XV в. Не правда-ли, какъ это доказательно въ примѣненіи къ событіямъ IX или даже VIII вѣка! Гораздо интереснѣе статья того-же автора о бѣлавинской и столыенской башняхъ подъ г. Холмомъ, не разъ впрочемъ описывавшихся; но и въ ней дѣло не обошлось безъ курьеза: разбирая существующія догадки и предположенія о назначеніи въ древнее время этихъ башень, авторъ не соглашается съ тѣми, которые видятъ въ нихъ укрѣпленія или-же пограничные столпы, а склоняется въ пользу по истинѣ удивительнаго предположенія, высказаннаго холмскимъ уніатскимъ епископомъ XVII в. Яковомъ Сушею на основаніи существовавшаго яко-бы въ то время народнаго преданія, будто башни эти не что иное, какъ зданія, построенныя для приваловъ или отдыховъ нѣкогда охотившагося здѣсь—кого-бы вы думали?—*князя Щека* (Кій, Щекъ и Хоривъ), котораго ав-

торъ склоненъ считать «лицемъ не легендарнымъ, а историческимъ». Этакъ, пожалуй, не далеко дойти и до царя-Гороха!...

Съ большимъ интересомъ читается статья г. А. Будиловича о холмской чудотворной иконѣ Божіей Матери, между прочимъ живо передающая исторію пререканій между православными и уніатами (въ XVII ст.) изъ-за обладанія этою святынею. Описаніе Апостола львовской первопечати (1573—1574 г.) попало въ сборникъ лишь потому, что въ холмскомъ музеѣ случайно находится экземпляръ этого Апостола, иного-же отношенія къ холмскому краю этотъ первенецъ южно-русской печати не имѣетъ. Другое дѣло—рукописныя евангелія XVI в. крешовское и долженское, краткія описанія коихъ находимъ въ «Памятникахъ». Въ первомъ изъ этихъ евангелій встрѣчается интересная приписка—«постановенье» или договоръ 1552 г. между «громадою» крешовскою и мѣстнымъ священникомъ относительно его доходовъ и вообще содержанія. Обѣ рукописи украшены превосходнѣйшими орнаментами, весьма напоминающими современные малорусскіе народные узоры; снимки съ нихъ имѣются въ альбомѣ «Памятниковъ». Такіе-же снимки сдѣланы еще съ двухъ рукописей мѣстнаго происхожденія: метрической книги замостской николаевской церкви 1670 г. и благословенной грамоты епископа Гедеона Балабана на учрежденіе православнаго братства при той-же церкви въ 1606 г. Упомянувъ о рукописяхъ, нельзя не пожалѣть, что издатель оставилъ совершенно безъ вниманія несравненно болѣе древній и высокоцѣнный памятникъ письменности, имѣющій при томъ самое близкое отношеніе къ холмскому краю: разумѣемъ знаменитое *холмское евангеліе* XIII—XIV в., хранящееся въ румянцевскомъ музеѣ подъ № 106. Вотъ древность, которая по всей справедливости должна была занять первое мѣсто въ изданіи, спеціально посвященномъ «памятникамъ православно-русской старины» въ холмскомъ краѣ! Трудно извинить такую непростительную оплошность издательскую.

Изъ числа остальныхъ статей сборника упомянемъ о весьма любопытномъ очеркѣ: «Грекоуніаты въ Царствѣ Польскомъ (1864—1866 г.) и князь Черкасскій», перепечатанномъ изъ «Холмско-Епархіальнаго Вѣстника», ярко рисующемъ хотя не давнюю, но мало извѣстную исторію правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ очищенію уніи отъ польско-католическихъ церковныхъ и національныхъ наслоеній и подготовившихъ послѣдовавшее въ 1875 г. возсоединеніе холмскихъ уніатовъ съ греко-россійскою церковью. Здѣсь-же находимъ изслѣдованіе кіевскаго проф. Н. И. Петрова о холмско-подлясскихъ монастыряхъ, преставляющее извлеченіе изъ статьи того-же автора, помѣщенной раньше въ

«Кіевской Старинѣ». Затѣмъ слѣдуетъ историческое описаніе нѣкоторыхъ старинныхъ церквей люблинской и сѣдлецкой губерній.

Не будучи записнымъ знатокомъ холмско-подлясскаго края, трудно судить о томъ, насколько изданіе г. Батюшкова полно обнимаетъ сколько-нибудь замѣчательные памятники мѣстной старины; но то всякому очевидно, что оно заключаетъ въ себѣ не мало лишняго. Такими нельзя не признать, напримѣръ, слѣдующихъ статей: проф. Петрова о Сплѣтскомъ архіепископѣ Маркѣ-Антоніи Господичѣичѣ (De-Dominis) и его посланіи, и Я. Ѳ. Головацкаго о креховскомъ монастырѣ въ Галиціи. Нѣтъ слова, что объ эти статьи весьма любопытны, но онѣ не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ тому краю, изслѣдованію о которомъ спеціально посвященъ сборникъ. За то мы рѣшительно отказываемся понять, въ силу какихъ соображеній попала въ сборникъ замѣтка какого-то В. К. *о бердышѣ* яко-бы Богдана Хмельницкаго! Эта курьезная «древность» находится не въ Холмѣ, а въ Краковѣ, въ музеѣ краковской академіи, и представляетъ собою желѣзный бердышъ съ изображеніемъ архангела Михаила и съ надписью: «Подъ Замосцемъ я Богданъ Хмельницкій съ 80 тысячъ козаковъ, а ляхамъ, жедамъ и попамъ суностатамъ симъ бердышомъ заграю на ихъ толстыхъ шіяхъ козака. Року 1648, мѣсяца лѣстопада 11 дня». Издатель «Памятниковъ», по его словамъ, предварительно обращался за справками къ хранителю древностей краковскаго музея, извѣстному археологу Киркору, и получилъ отвѣтъ, что эта «лжедостопамятность» лѣтъ 20 назадъ поступила въ музей отъ неизвѣстнаго лица, что относительно подлинности бердыша нѣтъ никакого надежнаго ручательства и что въ глазахъ его, Киркора, эта яко-бы древность «болѣе чѣмъ сомнительна». Сверхъ ожиданія, этотъ отзывъ спеціалиста только болѣе утвердилъ г. В. К. въ предвзятомъ мнѣніи, что бердышъ именно принадлежалъ знаменитому малороссійскому гетману. Въ словахъ польскаго ученаго онъ почуялъ заднюю мысль: хитришь, молъ, братецъ, не надуешь! «И почему это, спрашиваетъ авторъ замѣтки о бердышѣ, столь сомнительнаго происхожденія вещи принимаются и хранятся въ краковскомъ музеѣ»? Г-ну В. К., очевидно, не извѣстно, что рѣдкій изъ лучшихъ европейскихъ музеевъ вполнѣ свободенъ отъ предметовъ сомнительной древности. И вотъ онъ, ничтоже сумняся, категорически утверждаетъ «историческую подлинность» бердыша и всякое сомнѣніе въ этомъ смыслѣ готовъ признать не чѣмъ инымъ, какъ польскою интригою. Какія-же основанія г. В. К. приводитъ для столь категорическаго утвержденія? А вотъ какія: 1) на бердышѣ есть изображеніе *архистратига* Михаила,—ну, а Богданъ Хмельницкій, стоя съ козаками подъ Замостьемъ, тоже изображалъ собою «*архистратига* русскихъ силъ»;

и 2) въ надписи на бердышѣ написано: «подъ Замосцемъ», «жедамъ», «лѣстопада», а такъ-де именно «писали южноруссы въ XVI—XVII ст.». Можемъ увѣрить почтеннаго автора, что южноруссы тѣхъ вѣковъ обыкновенно писали эти слова иначе, а именно: «подъ *Замостямъ* (См. Лѣтоп. Самовидца, изданіе 1878 г., стр. 16), «*жидамъ*», «*листопада*». Кто читалъ подлинныя лѣтописи и документы того времени, тотъ подтвердитъ наши слова. Кромѣ того знающіе люди, надѣемся, согласятся съ нами и въ томъ, что подобной грубой плоскости, какую представляетъ надпись на бердышѣ, не только не могъ написать Богданъ Хмельницкій, человѣкъ по тому времени весьма образованный, но ее не могли-бы сочинить и тѣ замостскіе горожане, которые, по предположенію автора, якобы поднесли въ даръ гетману эту лжедостопамятность: навѣрное, они составили-бы надпись поумнѣе! Наконецъ—и это главное—автору, очевидно, совсѣмъ неизвѣстно, что *бердышъ* въ первой половинѣ XVII ст. составлялъ исключительную принадлежность великорусскаго вооруженія и ни поляки, ни малороссы не употребляли этого оружія. Досадно право, что въ такомъ капитальномъ изданіи, каковы «Памятники», такъ мало научной критики! Вмѣсто того, чтобы посылать за тридевять земель, въ Краковъ, художниковъ срисовывать столь очевидную поддѣлку, какъ пресловутый «бердышъ» Хмельницкаго, не разумнѣе-ли было-бы командировать ихъ въ Москву для производства снимковъ съ памятника несомнѣнной древности—холмскаго евангелія XIII—XIV столѣтія?

Указывая недостатки въ изданіи г. Батюшкова и сожалѣя о допущенныхъ имъ недосмотрахъ, мы нисколько не думаемъ умалять несомнѣнныя заслуги его по изданію цѣлаго ряда памятниковъ западно-русской старины, которые безъ его многолѣтнихъ стараній и заботъ, можетъ быть, никогда не были бы извѣстны русской наукѣ и образованному обществу. И настоящій выпускъ «Памятниковъ», не смотря на присущіе ему недостатки, мы охотно признаемъ полезнымъ вкладомъ въ историческую науку, особенно въ виду слабаго знакомства нашего съ окраинами своего отечества, а также въ виду полнаго почти отсутствія въ нашей литературѣ сочиненій о Холмскомъ краѣ, кромѣ издававшагося съ перерывами Холмскаго Календаря и Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника—изданій, имѣющихъ свой, ограниченный кругъ читателей. Жаль только, что издатель не обозначилъ на оберткѣ ни цѣны книги, ни мѣста, гдѣ можно пріобрѣсти ее, и въ газетахъ не сдѣлалъ своевременно необходимой о томъ публикаціи. Выходитъ, будто книга совсѣмъ не предназначалась для продажи; но въ такомъ случаѣ для кого же и для чего она издана? Неужели для однихъ высокопоставленныхъ лицъ или вообще для правительственныхъ сферъ, какъ изданіе, сдѣланное на

счетъ казны? Но такое предположеніе противорѣчило-бы основной цѣли изданія—доказать, что Холмскій край есть и былъ искони русскимъ. Полагаемъ, что если для кого нужно еще доказывать эту истину, такъ это скорѣе всего для обыкновенной читающей публики, и преимущественно въ западно-русскихъ мѣстностяхъ, но именно въ эту среду изданіе почему-то и не попадаетъ. Въ теченіе двухъ почти мѣсяцевъ мы тщетно искали изданную книгу въ кіевскихъ книжныхъ магазинахъ и тщетно при посредствѣ ихъ пытались добыть ее изъ Петербурга, пока наконецъ не попала она къ намъ совершенно случайно. Сколько намъ извѣстно, этого изданія не имѣютъ еще самыя обширныя кіевскія книгохранилища, да едва-ли и будутъ его имѣть; о частныхъ лицахъ, труженикахъ исторической науки, которымъ оно найболѣе дорого, нечего и говорить,—оно мало доступно имъ и по высокой цѣнѣ. Мы доподлинно знаемъ, что на это изданіе отпущено отъ казны 10 т. р. и, какъ видно, г. Батюшковъ не пощадилъ данныхъ ему средствъ, но для чего? Одни приложенія, безъ солиднаго научнаго объясненія, не оправдаютъ такой затраты, хотя бы исполнены были со всею роскошью. Изданія «Памятниковъ Западно-русской Старины», возобновляемыя уже въ третій разъ и ведущіяся уже болѣе 20 лѣтъ, представляютъ собою въ нашей исторической литературѣ ту замѣчательную особенность, что они становятся библіографическою рѣдкостью тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ. Отъ этого, конечно, мало выигрываютъ наука и общество; но самъ издатель съ каждымъ новымъ выпускомъ съ справедливою гордостью можетъ заявить, какъ это онъ дѣлаетъ и теперь, что всѣ экземпляры прежнихъ выпусковъ разошлись сполна. Не завидное преимущество, если изданія расходятся путемъ разсылки и раздачи, а не путемъ пріобрѣтенія на кровныя деньги. Въ первомъ случаѣ книга нерѣдко остается неразрѣзанною и развѣ скука заставитъ случайнаго обладателя полюбоваться роскошнымъ альбомомъ, во второмъ она прочтется отъ доски до доски, да и не однимъ пріобрѣтателемъ. Путемъ частной распродажи, притомъ по удешевленной цѣнѣ, изданіе хотя не стало-бы вдругъ библіографическою рѣдкостью, но несомнѣнно въ значительной степени возвратило-бы затраченную сумму и дало-бы возможность, не прибѣгая къ испрошенію новыхъ субсидій, сдѣлать новые выпуски, или-же повторить прежніе, ставшіе давно недоступными для читающей публики.

На это послѣднее обстоятельство мы позволимъ себѣ въ заключеніе обратить особенное вниманіе уважаемаго издателя, который болѣе 20-ти лѣтъ столь ревностно преслѣдуетъ высокую цѣль сохраненія и закрѣпленія въ памяти потомства памятниковъ минувшей жизни въ западно-русскихъ окраинахъ. Переизданіе первыхъ четырехъ выпусковъ «Памят-

никовъ», посвященныхъ волынскимъ древностямъ, становится нынѣ настоятельною потребностію. Выше было указано, какъ мало они удовлетворяютъ научнымъ требованіямъ, даже по сравненію съ послѣдующими выпусками; тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству самаго издателя, они давно разошлись сполна, а мы прибавимъ, что въ лучшихъ библіотекахъ даже такого крупнаго центра, какъ Кіевъ, они составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость и совершенно недоступны для огромнаго и съ теченіемъ времени все болѣе увеличивающагося круга лицъ, интересующихся западно-русской стариной. Само собою разумѣется, что новое изданіе не можетъ быть лишь повтореніемъ прежняго. Оно, во первыхъ, должно быть значительно пополнено включеніемъ въ него цѣлаго ряда памятниковъ (и не однихъ монументальныхъ), пропущенныхъ въ прежнемъ изданіи. Извѣстно, напримѣръ, что волынскому краю принадлежитъ древнѣйшій памятникъ южно-русской письменности—такъ называемое Луцкое евангеліе XIV в., хранящееся нынѣ въ Румянцевскомъ музеѣ (№ 112). Какъ-бы желательно было имѣть его подробное описаніе и художественные съ него снимки! А сколько драгоцѣнныхъ предметовъ старины отыщется еще въ Почаевѣ, Кременчугѣ, Дубнѣ, Дермани, Загайцахъ, Винневцѣ, Олыкѣ, Нискеничахъ и многихъ другихъ мѣстахъ Волыни! И надо какъ можно болѣе поспѣшить съ этимъ дѣломъ, потому что, «яко таетъ воскъ отъ лица огня», такъ исчезаютъ съ каждымъ годомъ драгоцѣнные остатки старины отъ равнодушія, невѣжества и алчности. Спасти ихъ отъ неизбѣжной гибели, хотя-бы путемъ воспроизведенія художественныхъ снимковъ и рисунковъ съ нихъ—какая это была-бы великая заслуга предъ наукою, исторіею и будущими поколѣніями! Имѣяй силу свершити сія, да свершитъ.

И. Беркутъ.

А. Дмитріевскій. Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи. „Прав. Обозр." 1885 г. и отд. оттиски.

Послѣднее время дало намъ нѣсколько опытовъ разработки мелкихъ архивовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и церквямъ, и нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ этому направленію дѣятельности трудящихся надъ изслѣдованіемъ родной старины. Лучшимъ и наиболѣе важнымъ опытомъ въ этомъ родѣ, образцомъ такого рода работъ можно считать изданный въ Кіевѣ въ концѣ прошлаго года «Сулимовскій Архивъ», трудъ А. М. Лазаревскаго, извѣстнаго многочислен-

ными работами по исторіи Малороссіи, лучшаго знатока украинской исторіи и древностей XVII и XVIII столѣтій [1]).

Довольно цѣнно для изученія общественнаго и частнаго быта нашихъ предковъ изданіе владѣльца одного изъ значительныхъ частныхъ архивовъ въ Малороссіи, графа Гр. А. Милорадовича: «Сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей» (Кіевъ. 1884 г. 8°. 131).

Не мало историческаго матеріала, почерпнутаго изъ частныхъ архивовъ, разсѣяно въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ»: харьковскихъ, черниговскихъ, полтавскихъ и др. [2]).

Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ довольно разработаны церковные архивы. Такъ, напримѣръ, въ «Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» помѣщено много статей, составленныхъ на основаніи мѣстныхъ церковныхъ архивовъ различными авторами [3]).

Къ подобнаго-же рода трудамъ принадлежитъ и статья г. А. Дмитріевскаго, помѣщенная въ «Православномъ Обозрѣніи» за 1885 г., появившаяся потомъ и отдѣльными оттисками — «Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи» (1—31).

Авторъ этой статьи весною прошлаго года заглянулъ въ уѣздный городъ черниговской губерніи Нѣжинъ—плодомъ этой поѣздки и была вышеназванная статья.

Г. Дмитріевскій заинтересовался нѣжинскими церковными архивами. Церквей въ г. Нѣжинѣ очень много и немало древнихъ по своему построенію, но авторъ занявшей насъ статьи, по его собственнымъ словамъ, «обратилъ свое вниманіе исключительно на мѣстные греческіе храмы, такъ какъ отчасти изъ распросовъ частныхъ лицъ, а болѣе всего благодаря личному знакомству съ бывшимъ въ то время эпитропомъ греческихъ церквей Анастасіемъ Юрьевичемъ Кунелакисъ, ему «удалось узнать, что въ этихъ храмахъ и доселѣ еще сохранилось очень много рѣдкихъ и интересныхъ предметовъ въ археологическомъ отношеніи».

Въ Нѣжинѣ собственно три греческіе храма: два въ самомъ городѣ—въ честь Архангела Михаила и Всѣхъ Святыхъ, и одинъ на греческомъ кладбищѣ въ честь св. благовѣрнаго царя Константина.

---

[1]) См. Отзывъ объ этомъ изданіи проф. В. Б. Антоновича въ «Кіевской Старинѣ», т. X, стр. 332—326.

[2]) См. статью Н. О. Сумцова «Губернскія Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской исторіи и этнографіи», «Кіевская Старина», т. XI. стр. 391—399.

[3]) Полное перечисленіе этихъ статей можно найти въ замѣткѣ г. Н. С. въ «Кіевской Старинѣ», т. VIII, стр. 684—588; «Малоизвѣстные и неизвѣтные источники свѣдѣній о минувшей жизни Полтавщины».

Разсказавъ коротко исторію г. Нѣжина, г. Дмитріевскій дѣлаетъ историческій очеркъ двухъ изъ этихъ храмовъ, на основаніи найденныхъ тамъ документовъ. Постройка ихъ относится къ концу XVII столѣтія, третьяго къ 1820 г. Конечно, г. Дмитріевскій заинтересовался болѣе первыми двумя, какъ болѣе древними. «Осмотрѣвши, говоритъ онъ, оба греческіе храма, которые, по своему архитектурному стилю, ничѣмъ не отличаются отъ храмовъ греческихъ настоящаго времени, я сосредоточилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на тѣхъ въ собственномъ смыслѣ слова драгоцѣнностяхъ, какія сверхъ всякаго ожиданія встрѣтилъ въ этомъ полузабытомъ почти въ настоящее время храмѣ». Г. Дмитріевскій нашелъ здѣсь очень много древнихъ иконъ греческаго и русскаго письма; въ алтарѣ на престолѣ и жертвенникѣ два греческія евангелія, обдѣланныя въ дорогіе серебряные оклады съ богатѣйшими эмалевыми въ византійскомъ стилѣ украшеніями; великолѣпной работы большой серебряный крестъ, сдѣланный въ Янинѣ въ 1636 году; кипарисный крестъ, оправленный въ серебро, съ изображеніемъ святыхъ, чудно выточенныхъ изъ дерева; прекраснѣйшую вышитую золотомъ по бѣлому атласу плащаницу и др. Въ библіотекѣ михайловской церкви оказалось много интересныхъ въ научномъ отношеніи древнихъ книгъ, а внимательное знакомство съ имѣвшимися рукописями обнаружило ихъ громадное научное значеніе.

Послѣ общаго осмотра всего достопримѣчательнаго г. Дмитріевскій убѣдился, что онъ находится предъ однимъ изъ весьма богатыхъ древнехранилищъ и рѣшилъ спасти его отъ неминуемой гибели. Пріѣхавши въ Кіевъ, онъ прочелъ въ засѣданіи церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи рефератъ о разсмотрѣнныхъ имъ книгахъ и рукописяхъ и просилъ общество ходатайствовать предъ причтомъ нѣжинской греческой церкви объ уступкѣ ихъ, а равно и другихъ рукописей и книгъ, вышедшихъ изъ практическаго употребленія, для церковно-археологическаго музея. Общество отнеслось, конечно, вполнѣ сочувственно къ этому предложенію и послѣ многихъ хлопотъ доставлены были въ музей драгоцѣнныя книги и рукописи.

Наиболѣе важныхъ въ научномъ отношеніи книгъ около двадцати. Назовемъ: греческое евангеліе, писанное красивою и четкою скорописью X вѣка, на великолѣпномъ пергаментѣ; архіератиконъ, рукопись 1670 г.; октоихъ на крюковыхъ нотахъ, рукопись, писанная въ 1671 году скорописью и испещренная множествомъ киноварныхъ нотныхъ знаковъ; нѣсколько нотныхъ аѳологіевъ XVII, XVIII и начала XIX столѣтій; арабское евангеліе, изданное въ концѣ XVII или въ самомъ началѣ

XVIII вѣка, съ посвященіемъ гетману Мазепѣ, гербъ котораго и изображенъ въ концѣ евангелія.

Въ музей, помимо книгъ и рукописей, поступили и нѣкоторыя церковно-богослужебныя вещи, интересныя въ археологическомъ отношеніи.

Иногда какъ будто-бы и пожалѣешь, когда увозятъ мѣстныя достопримѣчательности изъ городковъ и деревень въ крупные культурные центры; но когда увидишь или услышишь, въ какомъ положеніи находятся онѣ въ своихъ первомѣстахъ, то какъ-то самъ собою улетучивается этотъ мѣстный патріотизмъ. Послушайте, въ какомъ видѣ нашелъ г. Дмитріевскій вышеназванныя рѣдкости: «Въ библіотекѣ, состоящей изъ шкафа и комода, прежде всего я замѣтилъ полное отсутствіе всякаго порядка. Время и люди, мало понимающіе этого рода капиталы, сдѣлали то, что рукопись, которая бы могла служить въ полномъ смыслѣ этого слова украшеніемъ библіотеки,—я разумѣю греческое пергаменное евангеліе X вѣка,—лежала здѣсь въ полномъ безпорядкѣ со множествомъ оторванныхъ листковъ въ началѣ ея и въ концѣ. Только впослѣдствіи мнѣ удалось отыскать нѣсколько листиковъ или вѣрнѣе тетрадокъ изъ этого евангелія, уже полуизгнившими между книжнымъ мусоромъ, не имѣющимъ дѣйствительно никакой цѣны. Въ шкафѣ и комодѣ старыя книги смѣшаны были съ новѣйшими, а эти послѣднія чередовались съ рукописями. Однимъ словомъ все было свалено въ кучу, въ которой возиться никому не было охоты».

Пожелаемъ, чтобы болѣе являлось розысковъ и изданій, подобныхъ вышеуказаннымъ и болѣе находилось лицъ, которые готовы были-бы самоотверженно жертвовать своимъ трудомъ и временемъ для борьбы съ безпощаднымъ временемъ и равнодушіемъ, или небрежностію, не дорожащими своей родной стариной. Великое спасибо скажутъ имъ потомки за сохраненіе отъ тлѣнія драгоцѣнныхъ памятниковъ культурной жизни предковъ.

Въ особенности можно пожелать, чтобы просвѣщенные представители южнорусскихъ родовъ позаботились не только о сохраненіи и приведеніи въ порядокъ своихъ фамильныхъ архивовъ, но и объ изданіи цѣнныхъ для исторіи документовъ и другихъ рукописей. Прекрасный примѣръ въ этомъ отношеніи подалъ г. Войцеховичъ, давшій матеріалъ и средства для изданнаго А. М. Лазаревскимъ «Сулимовскаго архива», о которомъ мы упоминали выше.

Примѣру этому, какъ мы слышали, готовы послѣдовать въ непродолжительномъ времени два представителя извѣстныхъ малорусскихъ фамилій: П. И. Скоропадскій и помянутый нами графъ Г. А. Милорадо-

вичъ, въ архивѣ котораго, по словамъ А. М. Лазаревскаго, «сохраняется значительное количество юридическихъ актовъ, многіе изъ которыхъ относятся къ XVI в. и уже потому составляютъ дорогой матеріалъ для исторіи малороссійскаго землевладѣнія, что бумагъ относящихся къ исторіи Малороссіи лѣваго берега Днѣпра за время предшествовавшее эпохѣ Хмельницкаго, сохранилось очень мало» (Кіев. Стар. т. X. 33—139).

Н. В.

В. Б. Антоновичъ. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I. Кіевъ. 1885 г.

Кому изъ читателей «Кіевской Старины» неизвѣстно имя нашего мѣстнаго историка и археолога, профессора Владиміра Вонифатьевича Антоновича? Кто изъ учащихъ, учащихся и вообще занимающихся южнорусскою исторіей не убѣдился до сихъ поръ, что едва-ли найдется какой-либо важный вопросъ въ мѣстной исторической наукѣ, который бы не былъ уже изслѣдованъ Владиміромъ Вонифатьевичемъ и при томъ изслѣдованъ по источникамъ первой руки, на основаніи сыраго матеріала, добытаго или изъ архивовъ, или изъ нѣдръ земли; имъ раскрыты историческія судьбы всѣхъ сословій: духовенства, дворянства, мѣщанства, крестьянства и козачества; изучающему мѣстную исторію нельзя шагу ступить безъ предварительнаго изученія работъ В. Б. Антоновича, а между тѣмъ пріобрѣсти ихъ было весьма не легко, такъ какъ изслѣдованія уважаемаго профессора печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, иногда мало распространенныхъ, и если отдѣльные оттиски поступали въ продажу, то въ самомъ ограниченномъ числѣ. Нужно-ли послѣ этого говорить о томъ, какую важную услугу книжнымъ людямъ оказываетъ авторъ монографій, издавая ихъ всѣ вмѣстѣ въ нѣсколькихъ томахъ, соединяя въ каждомъ однородныя по содержанію статьи. Въ настоящее время вышелъ первый томъ монографій, въ который вошли:

1) Очеркъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго до смерти великаго князя Ольгерда (1377 г.).

2) Изслѣдованіе о городахъ юго-западнаго края.

3) Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569 году).

4) Кіевскіе войты Ходыки—эпизодъ изъ исторіи городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

5) Очеркъ отношеній польскаго государства къ православію и православной церкви.

6) Очеркъ состоянія православной церкви въ юго-западной Россіи съ половины XVII до конца XVIII столѣтія.

7) Лѣтопись сатановскаго монастыря.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ монографій при выходѣ въ свое время въ свѣтъ были горячо привѣтствуемы мѣстной и столичной періодической печатью въ многочисленныхъ одобрительныхъ рецензіяхъ и вызывали даже цѣлыя новыя изслѣдованія, или давали толчекъ къ разработкѣ въ новомъ направленіи научныхъ вопросовъ. Особенно, это справедливо по отношенію къ «*Очерку исторіи Великаго Княжества Литовскаго*». Покойный Н. И. Костомаровъ далъ самый лестный отзывъ объ этомъ сочиненіи въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1880-й годъ и рекомендовалъ его всѣмъ, кого интересуетъ самый предметъ; желая же указать тѣ стороны труда Владиміра Боніфатьевича, въ которыхъ онъ представляетъ что либо важное и новое для науки, незабвенный историкъ, работавшій самъ по исторіи Литвы, ничего не нашелъ болѣе удобнымъ, какъ подробно передать содержаніе книги г. Антоновича.

Въ настоящее время, когда названная книга циркулируетъ уже пять лѣтъ, когда ея основныя положенія стали общеизвѣстными, а большинство читателей нашихъ ознакомились вѣроятно и съ самою книгою, было бы излишне возвращаться вновь къ подробному обзору и оцѣнкѣ ея содержанія. Не смотря на протекшее время, изслѣдованіе г. Антоновича не утратило ни своей важности, ни даже новизны въ томъ смыслѣ, что доселѣ никѣмъ не сказано еще ничего новаго о данномъ предметѣ. Въ свое время другой, тогда только начинавшій свое ученое поприще, нынѣ профессоръ Н. П. Дашкевичъ, посвятившій исторіи западной Россіи нѣсколько цѣнныхъ работъ, сдѣлалъ не мало возраженій противъ труда г. Антоновича; но они касались не основныхъ его выводовъ и положеній, а частнѣйшихъ заключеній, иногда мелкихъ историческихъ фактовъ. Основныя положенія капитальнаго труда г. Антоновича остались не поколебленными никѣмъ, а потому приступая къ новому изданію онаго въ общемъ выпускѣ своихъ сочиненій, онъ не сдѣлалъ въ немъ никакихъ существенныхъ измѣненій или дополненій. Изъ всѣхъ сдѣланныхъ противъ него г. Дашкевичемъ возраженій онъ принялъ къ свѣдѣнію для соотвѣтственныхъ поправокъ лишь весьма не многія, какъ напр. по вопросу о времени, позже котораго не упоминаются въ нашихъ лѣтописяхъ Вышгородъ и Бѣлгородъ, или по поводу предположенія о тождествѣ волынскаго князя Владиміра и Андрея Юрьевича, остальныя же

возраженія обошелъ, какъ болѣе или менѣе правдоподобныя, но не важныя гипотезы, требующія еще потвержденія и дальнѣйшаго обслѣдованія, возможнаго лишь при открытіи какихъ либо новыхъ данныхъ.

Сущность изслѣдованія г. Антоновича и основная такъ сказать его идея заключается въ томъ, что подъ именемъ литовскаго княжества усиліями литовскихъ князей, но при соотношеніяхъ съ русскими князьями и главнымъ образомъ изъ русскихъ земель постепенно образуется новое государство, которое по всему его строю, законамъ, вѣрѣ, языку и преобладающему населенію иначе нельзя назвать, какъ западно-русскимъ. Фактъ окончательнаго образованія литовскаго княжества на русской территоріи г. Антоновичъ констатируетъ со времени основанія княженія въ Новгородѣ Литовскомъ, въ Черной Руси [1]), Мендовгомъ, который стремился также къ соединенію подъ своей властью многочисленныхъ удѣловъ всей земли кривичей и къ созданію изъ нихъ обширнаго литовско-русскаго государства. Вызванная стремленіями этого князя реакція, послѣдствіемъ которой была смерть его самаго, обнаружила уже борьбу двухъ народныхъ началъ: литовскаго и русскаго за преобладаніе въ государствѣ и на этотъ національный антагонизмъ опираются по очередно соискатели велико-княжескаго стола. Достойно вниманія, что по смерти Мендовга, власть, хотя временно, перешла было къ русскому князю Шварну Даниловичу, а послѣдовавшіе за Тройденомъ Витень и Гедиминъ, князья также литовскаго племени, усилили до небывалыхъ размѣровъ русское вліяніе. Въ правленіе Гедимина предѣлы его княжества значительно расширились присоединеніемъ многихъ русскихъ областей; къ числу ихъ авторъ относитъ Пинско-Туровское княженіе, которое Гедиминъ далъ въ удѣлъ своему сыну Наримунту; другой его сынъ Ольгердъ получилъ Витебское княжество за своей женой, дочерью кн. Ярослава Васильевича, въ наслѣдство по смерти тестя. Третій сынъ Любартъ этимъ же путемъ получилъ Волынь и вступилъ въ управленіе ею только въ 1340 году. При этомъ В. Б. Антоновичъ совершенно отрицаетъ фактъ завоеванія Волыни и Кіева Гедиминомъ въ 1320 г. Присоединеніе Кіева авторъ относитъ къ 1362 году, когда Ольгердъ Гедиминовичъ, поразилъ на берегахъ

---

[1]) По мнѣнію г. Дашкевича Мендовгъ не пріобрѣталъ въ 1235 г. новгородскаго княженія; въ Черной Руси княжилъ тогда не Мендовгъ, а Изяславъ Свислочскій. Мендовгъ, по его словамъ, пытался подчинить себѣ не только Черную Русь, но также Черниговъ и Смоленскъ, и долженъ былъ поэтому терпѣть въ этихъ городахъ подручныхъ князей: Изяслава Свислочскаго, Глѣба въ Черной Руси и Романа Даниловича.

Синей Воды трехъ татарскихъ темниковъ, освободилъ отъ татаръ и Подоліе и Кіевщину; тогда только «Кіевъ подъ Федоромъ княземъ взятъ и посади въ немъ Володимера, сына своего». Изъ сыновей Гедимина наиболѣе потрудились для укрѣпленія и расширенія литовскаго государства Ольгердъ и Кейстутъ, нравственный обликъ которыхъ живо и ярко обрисованъ авторомъ. Въ то время, когда Кейстутъ велъ непрерывныя войны съ нѣмцами, Ольгердъ обратилъ все свое вниманіе на русскія земли. Въ стремленіи къ объединенію русскихъ земель подъ своей властью, Ольгердъ во всѣхъ указанныхъ ниже случаяхъ шелъ на встрѣчу такимъ же стремленіямъ великихъ князей московскихъ; столкновеніе между двумя великими княжествами было поэтому неизбѣжно, хотя обѣ стороны и не были долго расположены къ враждебнымъ другъ къ другу отношеніямъ и старались, не вступая въ открытую борьбу, ограничиться усиліями къ утвержденію своего авторитета въ спорныхъ русскихъ областяхъ. Усилія Ольгерда сосредоточивались на четырехъ важнѣйшихъ интересахъ: 1) онъ стремится пріобрѣсти и усилить свое вліяніе на Новгородъ, Псковъ и Смоленскъ; 2) онъ поддерживаетъ тверскихъ князей въ спорѣ ихъ съ великими князьями московскими и вступаетъ въ борьбу съ послѣдними; 3) онъ стремится присоединить къ великому княжеству Литовскому области, входившія нѣкогда въ составъ княженій Черниговскаго и Кіевскаго, а также Подольской земли и для достиженія этой цѣли ведетъ удачную борьбу съ монголами и наконецъ 4) поддерживаетъ продолжительную борьбу брата своего кн. Любарта съ Польшею за наслѣдіе Галицко-владимірскихъ князей. Особенно подробно В. Б. Антоновичъ разбираетъ извѣстіе лѣтописей о покореніи Подолія въ 1362 году послѣ Синеводской битвы, когда вмѣстѣ съ Подоліемъ было присоединено и Бѣлобережье (пространство вверхъ отъ Чернаго моря между низовьями Днѣпра и Днѣстра), и Кіевское княженіе. Борьба за Волынь окончилась въ 1377 году миромъ, по которому Владимірскій, Луцкій и Берестейскій повѣты остались за Литвой, а Холмская и Белзская земли отошли къ Польшѣ. Въ томъ же году скончался великій князь Ольгардъ, раздвинувшій предѣлы своего государства отъ Балтійскаго до Чернаго моря, съ одной стороны, и отъ Угры, Оки и истоковъ Сейма до западнаго Буга, съ другой. Смертію его и заканчиваетъ г. Антоновичъ свой интересный и высоко цѣнный очеркъ, замѣчая притомъ, что государство, продолжая называться литовскимъ, на самомъ дѣлѣ, съ конца XIV вѣка, стало во всѣхъ отношеніяхъ великимъ княжествомъ западно-русскимъ.

Второе мѣсто въ разсматриваемомъ выпускѣ сочиненій проф. Антоновича, по важности затрогиваемыхъ имъ вопросовъ, принадлежитъ «*изслѣ-*

дованію о городахъ юго-западнаго края». По мнѣнію В. Б. Антоновича, они имѣютъ троякое значеніе: 1) городъ представляетъ въ государствѣ отдѣльную юридическую единицу; община городская управляется особенными законами; жители города пользуются особенными правами, отличными отъ правъ, присвоенныхъ другимъ жителямъ края—они составляютъ отдѣльное сословіе; 2) городъ является центромъ торговой и промышленной дѣятельности и жители его отличаются отъ другихъ сословій не только правами, но и качествомъ занятій и сферой примѣненія труда и 3) города представляютъ мѣстности укрѣпленныя—замки и составляютъ центръ военной организаціи края. Въ виду такой тройственности значенія городскихъ поселеній, авторъ останавливается въ своемъ изслѣдованіи порознь на каждомъ изъ упомянутыхъ отличительныхъ признаковъ городской жизни.

Первоначально города имѣютъ значеніе вѣчевыхъ центровъ, служатъ представителями земель; они выставляютъ ополченія, рѣшаютъ общественныя дѣла и творятъ судъ. Значеніе городовъ измѣняется подъ вліяніемъ феодальнаго строя, образовавшагося въ Литвѣ и приведшаго наконецъ къ тому, что дѣленіе края на земли и волости замѣняется дѣленіемъ на княжества и повѣты; служилые люди выдѣляются изъ общины и стараются подчинить себѣ неслужилое сословіе; между общиной и военнымъ сословіемъ происходитъ борьба, продолжающаяся около 200 лѣтъ, но по недостатку источниковъ мы не можемъ судить о ходѣ этой борьбы; только съ XV вѣка появляются грамоты князей на магдебургское право, свидѣтельствующія о разложившемся уже общинномъ порядкѣ. Въ борьбѣ этого послѣдняго порядка съ военно-феодальнымъ строемъ литовскаго государства основной вопросъ состоялъ во взглядѣ на поземельную собственность. Общины считали на основаніи незапамятнаго обычая всю территорію, тянувшую къ данному вѣчевому центру, своей неотъемлемой собственностью. Князья, напротивъ, смотрѣли на землю какъ на собственность, принадлежавшую имъ въ силу верховной ихъ власти и полагали, что общины и отдѣльныя лица могутъ владѣть землей только въ силу княжескаго разрѣшенія, жалуемаго отдѣльными грамотами, взамѣнъ за обязательство исполнять военныя повинности. Въ этой борьбѣ общинъ съ феодализмомъ прежде другихъ подчинилось западное Подоліе, потомъ Волынь, Полѣсье и сѣверная Украйна, тогда какъ въ степной Украйнѣ общины владѣютъ еще всецѣло землями и власть, признавая за ними право землевладѣнія, пользуется со стороны общинъ военными услугами и повинностями и едва только начинаетъ разрывать общинную поземельную собственность раздачею ея по частямъ въ личную собственность служилымъ людямъ. Но такъ какъ община

привыкла смотрѣть на военное дѣло, какъ на защиту исключительно своей земли, поэтому и военныхъ повинностей жители несутъ больше тамъ, гдѣ сильнѣе сохранилось общинное начало; чѣмъ далѣе будемъ подвигаться къ сѣверо-западу отъ Украйны, тѣмъ менѣе размѣръ военныхъ повинностей, возложенныхъ на городскихъ обывателей, тѣмъ ранѣе послѣдніе отъ нихъ освобождаются; съ освобожденіемъ городовъ отъ военныхъ повинностей возрастаетъ обложеніе ихъ «мѣстными платами». По мѣрѣ того, какъ общинное начало все болѣе стѣснялось служилымъ сословіемъ, по мѣрѣ того какъ жители городовъ становились сословіемъ мѣщанскимъ (т. е. торгово-ремесленнымъ), видоизмѣнялось внутреннее самоуправленіе и самосудъ общины. Власти, начальствовавшія надъ ополченіями въ военное время, оставались правителями въ мирное; отсюда происходитъ столкновеніе общинъ съ представителями княжеской власти изъ-за самоуправленія и самосуда. Зависимость и беззащитность общинъ отъ произвола этихъ представителей должны были привести къ подчиненію первыхъ послѣднимъ и къ упадку городскихъ промысловъ. Короли стараются спасти города пожалованіемъ имъ самоуправленія по магдебургскому праву, но это «право, выработавшееся на чужой почвѣ, при другихъ условіяхъ быта и въ довольно отдаленное время не могло быть усвоено жителями южно-русскихъ городовъ, съ юридическими понятіями и историческими преданіями которыхъ оно не только не совпадало, но весьма часто расходилось въ противоположномъ направленіи. Даже въ главныхъ городахъ магдебургское право мало гарантировало независимость общины, а еще меньше въ городахъ мелкихъ или владѣльческихъ. Народонаселеніе смотритъ на это право не какъ на сводъ обязательныхъ для себя законовъ, а только какъ на хартію, гарантирующую ему ту долю самостоятельности, при которой возможно было до извѣстной степени примѣненіе собственныхъ народныхъ юридическихъ воззрѣній. Упадокъ торговли и промысловъ вызвалъ нѣкоторыя мѣры правительства къ поднятію ихъ: короли освобождаютъ города отъ платежа торговыхъ пошлинъ, предоставляютъ имъ право свободной торговли горячими напитками и право устройства торговыхъ складовъ, а равно утверждаютъ и учреждаютъ цеховыя братства въ южно-русскихъ городахъ; но и при всемъ этомъ города не поднимались; сильными конкуррентами ихъ въ промышленности и торговлѣ являются евреи, противъ которыхъ безуспѣшно принимаются различныя мѣры, ибо они при поддержкѣ правительства сплочиваются въ кагалы и прикагалки, члены которыхъ, связанные между собой религіозно-національными и экономическими интересами, дѣйствуютъ всегда въ выгодахъ своей общины. Въ послѣдніе годы Рѣчи Посполитой упадокъ городовъ дошелъ до крайнихъ возмож-

ныхъ предѣловъ. Конституція 1789—1792 гг. издала 18 апрѣля 1791 года законъ «о вольныхъ королевскихъ городахъ въ Рѣчи Посполитой», но онъ просуществовалъ недолго и былъ уничтоженъ постановленіемъ враждебной шляхетской конфедераціи 29 октября 1792 года. Прежнія права старостъ и владѣльцевъ были возстановлены и города въ такомъ положеніи вошли въ составъ Россіи.

Противъ мнѣнія В. Б. Антоновича о господствѣ обычнаго права въ городахъ высказался проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ; онъ признаетъ старой истиной господство чужеземныхъ источниковъ права въ городскихъ (магистратскихъ) судахъ; къ этому выводу онъ пришелъ, разобравъ историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ книгъ Витебскаго центральнаго архива, въ которыхъ не нашлось ни одного указанія на обычное право. Оба эти радикально противоположныя мнѣнія старался согласить покойный проф. А. Ѳ. Кистяковскій въ предисловіи къ изданнымъ имъ «Правамъ, по которымъ судится малороссійскій народъ». Онъ указалъ, что проф. Антоновичъ ошибочно сослался на изданіе Щербича, изложившаго магдебургское право, и что неправильныя на него ссылки оказываются совершенно согласными съ Porządkiem В. Гроицкаго и изложеннымъ въ немъ магдебургскимъ правомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. Ѳ. Кистяковскій считалъ преувеличеннымъ мнѣніе М. Ф. Буданова. Разбирая и то и другое, онъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) магдебургское право въ изложеніи польско-литовскихъ ученыхъ юристовъ Варѳоломея Гроицкаго, Щербича, Іоанна Кирштейна Церазина и другихъ было въ литовско-русскомъ государствѣ не номинальнымъ, но дѣйствующимъ правомъ; 2) что сочиненія названныхъ юристовъ были ручными книгами въ судахъ южной Россіи; но 3) магдебургское право терпѣло видоизмѣненіе какъ въ изложеніи отечественныхъ юристовъ, такъ и отъ мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ и воззрѣній, которые нерѣдко дѣйствовали на ряду съ нимъ и его замѣняли. Впрочемъ самъ г. Кистяковскій находилъ, что эти положенія требуютъ для своего подтвержденія тщательной разработки и новыхъ ученыхъ изслѣдованій (стр. 80—83). При второмъ изданіи своего сочиненія о городахъ г. Антоновичъ, согласно сдѣланному г. Кистяковскимъ замѣчанію, опустилъ ссылку на Щербича, оставаясь однако при своемъ прежнемъ мнѣніи относительно преобладанія обычнаго права. Сверхъ того имъ сдѣлано нѣсколько дополненій. Напримѣръ на 137 стр. прибавлено замѣчаніе о раздачѣ князьями участковъ земли служилымъ людямъ подъ условіемъ военной службы; на стр. 136 и 140 введено описаніе территоріи черкасскаго замка: на стр. 143—просьба кіевскихъ мѣщанъ, обращенная ими въ 1654 году къ московскому государю о присоединеніи

къ городу его древней территоріи, которая принадлежала имъ въ удѣльно-вѣчевой періодъ, но потомъ отнята была шляхтой.

Далѣе слѣдуютъ двѣ связанныя между собою по содержанію статьи: *«Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (1369—1569)»*, и какъ-бы продолженіе предыдущей: *«Кіевскіе войты Ходыки—эпизодъ изъ исторіи городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ»*. Первая изъ нихъ была напечатана въ январской, а вторая въ февральской книгѣ «Кіевской Старины» за 1882 годъ и извѣстны уже нашимъ постояннымъ читателямъ; поэтому, не сообщая ихъ содержанія, мы укажемъ лишь, что во второмъ изданіи каждая изъ названныхъ статей снабжена ссылками на источники, которыхъ (т. е. ссылокъ) не было въ нашемъ изданіи. Обѣ эти статьи въ высшей степени занимательны и важны особенно потому, что касаются періода, совершенно неразработаннаго въ нашей исторической наукѣ и о которомъ сложились ложныя представленія (напримѣръ о запустѣніи кіевской земли послѣ татарскаго погрома, о мнимомъ благодѣтельномъ вліяніи магдебургскаго права на самоуправленіе городовъ и проч.).

«Очеркъ отношеній польскаго государства къ православію и православной церкви» былъ изданъ въ 1866 году въ видѣ отдѣльной брошюры кіевской археографической коммисіей и затѣмъ въ 1867 году вышелъ вторымъ изданіемъ въ Вильнѣ также отдѣльной брошюрой. Въ настоящемъ изданіи онъ предлагается въ нѣсколько дополненномъ видѣ; авторъ притомъ выдѣлилъ изъ первоначальнаго изданія только ту часть труда, которая лично ему принадлежала. Вотъ краткое содержаніе «очерка», въ которомъ, какъ въ фокусѣ, собрана вся сущность религіозныхъ отношеній Польши и южной Руси.

Еще въ XIV вѣкѣ, когда русскія области, составлявшія галицкое княженіе, были захвачены Польшей, правительство послѣдней стремилось къ распространенію католичества и подавленію православія оффиціальными мѣропріятіями. Стремленіе это обнаружилось прежде всего въ учрежденіи для Руси католическихъ епископскихъ каѳедръ (во Львовѣ въ 1362 г. и въ Переяславѣ, Галичѣ, Луцкѣ и Каменцѣ въ 1375 г.), новымъ епископамъ короли жаловали щедрой рукой имѣнія, доходы и десятины, каѳедральные же соборы учредили въ русскихъ церквяхъ, которыя силой были отняты у православныхъ и переданы католикамъ. Законодательнымъ памятникомъ католическихъ пропагандическихъ стремленій короля Ягайла служитъ актъ такъ называемой городельской уніи, въ которомъ права и преимущества предоставляются только дворянамъ, исповѣдующимъ католичество. Хотя при Витовтѣ обезпечена была независимость церкви учрежденіемъ отдѣльной для Кіева митрополіи, а князь

Казиміръ Ягайловичъ въ 1447 г. уничтожилъ тѣ ограниченія правъ православнаго населенія, которыя вытекали изъ городельской уніи Ягайла, и положеніе этого населенія значительно облегчилось, но послѣ люблинской уніи (1569 г.) и водворенія въ Польшѣ іезуитовъ открылось широкое поле для польско-католической пропаганды, съ объявленіемъ же церковной уніи 1596 года началось систематическое преслѣдованіе православія. До половины XVII ст. оно имѣетъ правда болѣе видъ частныхъ насилій и правительственныхъ интригъ, чѣмъ гнета, возводимаго въ законную норму; но съ шестидесятыхъ годовъ того же столѣтія гнетъ начинаетъ принимать все болѣе и болѣе оффиціальный характеръ. Король Янъ-Казиміръ, бывшій іезуитскій монахъ, въ день коронаціи далъ обѣтъ не предоставлять ни одной должности, ни одного мѣста въ сенатѣ, ни одного староства некатолику. Въ 1668, 1675 и 1696 годахъ, Михаилъ Вишневецкій, Янъ III Собѣсскій и саксонскій курфирстъ Августъ II, вступавшіе преемственно на польскій престолъ обязывались къ повторенію этой же присяги. По сеймовому постановленію 1667 г., уніатское духовенство освободилось отъ постоя и военныхъ повинностей, которыя должны были тяготѣть на православномъ духовенствѣ. На сеймѣ 1676 г. былъ постановленъ законъ, по которому православнымъ всѣхъ сословій, подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи имущества, воспрещалось подъ какимъ бы то не было предлогомъ выѣзжать за границу или пріѣзжать оттуда. Запретъ этотъ подтверждался конституціями 1678 и 1699 годовъ. Послѣдней конституціей постановлено, что только уніаты допускаются къ исправленію выборныхъ магистратскихъ должностей, а въ Каменцѣ православнымъ совсѣмъ запрещалось жить, точно евреямъ; вслѣдствіе этого церкви ихъ были опечатаны, а духовенство изгнано. По конституціи 1712 года канцлерамъ запрещалось прикладывать государственныя печати ко всѣмъ актамъ, заключающимъ въ себѣ что-либо выгодное для лицъ некатолическаго исповѣданія. Послѣ смерти Августа II конфедераціею, устроенною во время междуцарствія въ 1732 году, постановленія которой получили силу закона, опредѣлено было, что церковь католическая не должна терпѣть рядомъ съ собою никакимъ образомъ другихъ исповѣданій; отсюда возникалъ для диссидентовъ цѣлый рядъ насилій и стѣсненій. На сеймѣ 1764 года опредѣлено карать смертью каждаго, переходящаго изъ католицизма въ православіе, а сыновей священниковъ записывать въ крестьяне, если они до 15-лѣтняго возраста не выберутъ себѣ рода занятій. Сеймъ 1766 года рѣшилъ объявлять врагомъ отечества всякаго, кто осмѣлится сказать слово въ защиту иновѣрцевъ. По договору съ Россіей въ 1768 году положеніе православныхъ было нѣсколько облегчено; но облегченіе было

непродолжительно, такъ какъ въ 1775 году Россія, возвратя себѣ Бѣлоруссію, сдѣлала въ новомъ трактатѣ уступку общественному мнѣнію Польши. Права неунитовъ были снова ограничены и съ ними они дожили до паденія Польши.

Вмѣстѣ съ ограниченіемъ правъ православной народной массы шло ограниченіе правъ и преслѣдованіе высшей и низшей духовной іерархіи, на которую опирался народъ. Послѣ брестъ-литовской уніи 1596 года, правительство рѣшилось утверждать новыхъ преемниковъ умершихъ епископовъ только въ такомъ случаѣ, если они признаютъ унію, послѣдствіемъ чего было совершенное прекращеніе православной высшей іерархіи, возстановленной лишь въ 1620 году по вліянію гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго, въ содѣйствіи котораго король нуждался для войны съ Москвою. Возстановленіе правъ православныхъ при Хмельницкомъ удерживало свою силу весьма недолго. Въ 1664 г. митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій былъ схваченъ и заточенъ въ крѣпость; православнымъ духовнымъ было запрещено выѣзжать за границу и тѣмъ затруднена возможность замѣщенія вакантныхъ епископскихъ каѳедръ. Когда умиралъ какой-либо православный владыка, правительство подчиняло его паству уніятскому епископу той-же епархіи; наконецъ оно стѣснило самый выборъ православныхъ епископовъ и всякія собранія съ этою цѣлью православныхъ были строго запрещены; еще рѣже король подтверждалъ выборы, если-же и случалось подтвержденіе, то въ такомъ только случаѣ, когда утверждаемый давалъ обязательство принять унію, какъ дали Иннокентій Винницкій, Кипріанъ Жоховскій, Іосифъ Шумлянскій, Аѳанасій Шумлянскій и Діонисій Жабокрицкій. Послѣ удаленія изъ края Жабокрицкаго въ 1709 году и до присоединенія въ 1796 г. южно-русскаго края къ Россіи ни въ одной епархіи не состоялось выбора православнаго епископа.

Польскимъ правительствомъ не было забыто также и низшее православное духовенство. Древній обычай, по которому міряне каждаго прихода выбирали себѣ священника, былъ ограниченъ сеймовымъ постановленіемъ 1647 года, требовавшимъ согласія шляхтича или старосты и вообще владѣльца имѣнія на занятіе священникомъ мѣста; согласіе выражалось въ подтвердительной грамотѣ, называвшейся презентой, и пріобрѣталось покупкой или другими какими-либо уступками въ пользу помѣщика; если выборъ падалъ на едва грамотнаго поселянина, то шляхтичъ удерживалъ надъ нимъ доминіальное право, гналъ его на барщину и проч.; оскорбленія и обиды сыпались градомъ на низшее духовенство, которымъ былъ положенъ конецъ Россіей въ послѣднихъ годахъ XVIII-го вѣка.

Мы подробно передали содержаніе этого небольшаго «Очерка» въ виду того, что онъ составляетъ основу другой обширной статьи: «*Очерка состоянія православной церкви въ юго-западной Россіи съ половины XVII до конца XVIII вѣка*», въ которой приведенные факты и положенія дополнены и развиты подробностями, ярко освѣщающими то печальное и угнетенное состояніе, въ какомъ находилось православное населеніе края и его низшее и высшее духовенство въ теченіи почти двухъ съ половиной столѣтій. Сравнительно съ 1 мъ изданіемъ, въ настоящей статьѣ прибавлены слѣдующіе разсказы: 1) о сопротивленіи, оказанномъ своему епископу Іосифу Шумлянскому львовскимъ братствомъ при распространеніи имъ уніи (стр. 311 и 312) и 2) объ оскорбленіяхъ и насмѣшкахъ надъ православными, причиненныхъ въ мѣстечкѣ Ходоровѣ каноникомъ Монастырскимъ и ксендзомъ Извейнарскимъ (стр. 340).

«Лѣтопись сатановскаго монастыря» была помѣщена въ отдѣлѣ «Извѣстій и Замѣтокъ» въ февральской книгѣ «Кіевской Старины» за 1882 годъ подъ заглавіемъ «Православный монастырь и его уніатская лѣтопись». Въ настоящемъ второмъ изданіи «лѣтописи», ей предпослана краткая исторія мѣстечка Сатанова и его монастыря.

Этой небольшой «лѣтописью» заканчивается 1-й томъ монографій уважаемаго историка. Покойный Н. И. Костомаровъ, разбирая «Очеркъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго», замѣтилъ, что «книга г. Антоновича не страдаетъ тою сухостью, которую мы привыкли встрѣчать во многихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ и которую нѣкоторые признаютъ даже достоинствомъ, и можетъ быть читаема легко». Этотъ лестный отзывъ можно еще усилить относительно такихъ живыхъ и художественныхъ очерковъ, какъ исторія кіевской земли, эпизодъ изъ исторіи самоуправленія города и очеркъ состоянія православной церкви; въ нихъ видны не только сильная, глубокая мысль, яркія картины народнаго быта или мѣткія характеристики историческихъ дѣятелей, но и теплое чувство, которое согрѣваетъ работу и увлекаетъ читателя производимымъ на него сильнымъ впечатлѣніемъ.

Внѣшность настоящаго изданія вполнѣ кажется удовлетворительна и не вызываетъ насъ ни какія замѣчанія, кромѣ развѣ того, что если въ примѣненіи къ В. Б. Антоновичу вполнѣ справедлива пословица: «aquila muscas non captat», то все таки большое количество опечатокъ въ первомъ томѣ рѣзко бросается въ глаза и вызываетъ желаніе, чтобы ихъ было поменьше въ остальныхъ.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

РАЗГАДКА „МАЛОРУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШАРАДЫ".

Помѣщенная въ мартовской книжкѣ «Кіевской Старины» за настоящій годъ историческая шарада 1733 г., взятая изъ записной книги рода Забѣлъ, не есть собственно произведеніе мѣстныхъ публицистовъ того времени и малорусской можетъ быть названа лишь въ томъ смыслѣ, что, попавъ въ резиденцію гетманскую, она привилась на малорусской почвѣ и циркулировала въ тогдашнемъ обществѣ въ переложеніи на его литературный языкъ. Въ сущности это переводъ французской шарады [1]), напечатанной въ *Mercure français*, и переводъ, нужно замѣтить, не всегда точный. Тотъ фактъ, что она попала въ книгу Забѣлъ, объясняется тѣмъ интересомъ, который въ то время возбуждали въ Малороссіи какъ европейскія дѣла вообще, такъ и въ частности болѣе близкія малороссамъ дѣла Польши. Чтеніе французскихъ газетъ было въ то время явленіемъ довольно не рѣдкимъ въ Малороссіи, и въ семейныхъ архивахъ, найдется вѣроятно не мало рукописныхъ сборниковъ, заключающихъ въ себѣ переводъ на тогдашній языкъ политическихъ извѣстій изъ французскихъ и иныхъ газетъ. У насъ подъ

[1]) Текстъ этой шарады перепечатанъ въ приложеніяхъ къ книгѣ, вышедшей въ Москвѣ въ 1862 году: «Борьба за польскій престолъ въ 1733 году», стр. 164—165.

руками имѣется одинъ изъ такихъ сборниковъ, принадлежащихъ роду гг. Велецкихъ, потомковъ бывшаго полковника Гадяцкаго. Сборникъ этотъ (въ 16-ю долю) прямо даже озаглавленъ: «переводъ съ французскихъ печатныхъ газетовъ на русскій іазикъ», и заключаетъ въ себѣ рядъ извѣстій, относящихся къ 1733 году и къ дѣламъ польскимъ, реляціи объ осадѣ Гданска и т. д.

Обращаясь къ самой шарадѣ, къ ея разъясненію, мы должны прежде всего выяснить нѣкоторыя выраженія, попадающіяся въ ней.

Вся шарада построена на игрѣ въ *ломберъ*. Съ понятія о ломберѣ мы и начнемъ нашу замѣтку. Въ одной старинной книгѣ, вышедшей въ 1752 г. и озаглавленной: «La plus nouvelle academie universelle des jeux» (2 тома. Amsterdam et Leipzig, т. I, стр. III и сл.), эта испанская игра, le jeu de l'Lombre, выяснена съ большой подробностью и, опираясь на ней, намъ не трудно объяснить термины ея. Въ игрѣ допускалось сорокъ картъ, раздѣлявшихся на два цвѣта: чорный и красный. Порядокъ счета картъ былъ слѣдующій: для чорныхъ (пикъ и трефъ)—король, дама, валетъ, семерка, шестерка, пятерка, четверка, тройка и двойка; для красныхъ—король, дама, валетъ, тузъ, двойка и т. д. до семерки. Тузы чорной масти, при всякой козырной масти, считались *triomphes*, т. е. самыми сильными. Тузъ пикъ признавался первою картою и первымъ triomphe и носилъ названіе *spadille*, неправильно переведенное въ малорусскомъ текстѣ шарады словомъ «*спадали*». Пикъ тузъ—первый triomphe, тузъ трефъ—третій, послѣдняя карта масти—второй, называемой manille. Ихъ совокупность, т. е. *spadille*, *manille* и *baste* (тузъ трефъ), означалось словомъ *matadors*. Лабетъ=la bête въ игрѣ служитъ терминомъ для опредѣленія факта проигрыша. Выигранною считается игра, въ которой главный играющій, l'ombre, беретъ пять взятокъ.

Эти немногія объясненія даютъ намъ ключъ къ разгадкѣ шарады.

Извѣстно, что въ 1733 году вслѣдствіе смерти польскаѓ короля Августа II, саксонскаго курфирста, польскій престолъ сталъ вакантнымъ, что вызвало рядъ притязаній со стороны разныхъ лицъ на его занятіе. Кандидатами явились: 1) Станиславъ Лещинскій, зять Людовика XV, уже однажды бывшій королемъ Польши и замѣненный Августомъ II, 2) сынъ Августа II, принявшій католицизмъ,

3) инфантъ португальскій, донъ Эммануэль, младшій братъ португальскаго короля Іоанна V, и многіе другіе. Кандидатуру перваго поддерживала Франція, кандидатуру третьяго,—инфанта, выдвинула еще при жизни Августа II, Австрія, второй очутился опаснымъ кандидатомъ позже всѣхъ и нашелъ поддержку главнымъ образомъ въ Россіи и затѣмъ уже въ Австріи. Къ кандидатурѣ перваго враждебно и категорически враждебно отнеслись Россія и Австрія. Отсюда затаенная, дипломатическая борьба между важнѣйшими государствами изъ-за кандидатовъ, главнымъ образомъ между Россіей и Австріей съ одной стороны, и Франціей съ другой. Шансы, какъ извѣстно, склонились вначалѣ въ пользу Франціи, и Станиславъ Лещинскій, явившійся тайкомъ въ Варшаву, во время засѣданій избирательнаго сейма былъ провозглашенъ королемъ польскимъ, 12 сентября 1733 г. Но успѣхъ его былъ непродолжителенъ. Русскія войска подъ командой Ласси, явились въ Польшу и Августъ саксонскій былъ провозглашенъ королемъ 6 октября того-же года. То былъ моментъ, вызвавшій крайне напряженное состояніе въ Европѣ и къ этому-то моменту относится и разсматриваемая шарада.

1) *Станиславъ* не желалъ отказаться отъ игры, не думалъ поставить la bête, какой онъ поставилъ въ первый разъ, когда его низвергли и замѣнили Августомъ II. Онъ разсчитывалъ на помощь Франціи и ея союзниковъ и началъ борьбу за корону. Этимъ объясняется выраженіе: «не хочу лабетъ дважды поставить».

2) Россія, крайне заинтересованная въ польскихъ дѣлахъ, еще при жизни Августа II начала дипломатическую компанію съ цѣлью составленія союза изъ Австріи и Пруссіи. Для нея не желателенъ былъ Станиславъ, какъ король Польши, а своего личнаго кандидата она не имѣла, предоставляя дать его Австріи. Позже она, во первыхъ, склонила Австрію къ признанію кандидатомъ саксонскаго курфирста, во вторыхъ заранѣе двинула войска къ Польшѣ, въ третьихъ, благодаря ловкости Левенвольда старшаго, посланнаго чрезвычайнымъ посломъ въ Польшу и не щадившаго денегъ, обезпечила не мало голосовъ въ свою пользу. Это была «ея нарочитая игра», какъ сказано въ шарадѣ, и такъ какъ ожидаемый французскій десантъ оказался менѣе значительнымъ (всего 1500 чел.) и кромѣ того застрялъ подлѣ Копенгагена, то для Ласси, выигравшаго время и уже стоявшаго подлѣ Варшавы, затрудненій не могло представиться и игра могла быть выиграна.

3) Австрійскій императоръ обезпеченъ былъ союзомъ съ Россіей «дамой», т. е. императрицей Анной Іоановной, его послы привели къ союзу Пруссію, и онъ имѣлъ основанія разсчитывать на поддержку Англіи и Голландіи. Правда, Остерманъ пытался было доказать Австріи, что обѣ послѣднія державы не примутъ участія въ войнѣ, но безуспѣшно. Выраженіе шарады: «я подожду, пока другій станетъ играть»[1]), намекъ на ту осторожность, съ какою дѣйствовала Австрія, сильно опасавшаяся Франціи, своего вѣчнаго врага. Она разсчитывала на силы Россіи и уклонялась отъ посылки войскъ въ Польшу, ссылаясь на необходимость выслать армію на Рейнъ, противъ Франціи, что молъ будетъ выгоднѣе и для Россіи, ибо если ея армія будетъ имѣть успѣхъ на Рейнѣ, то Россіи не зачѣмъ будетъ помогать ей тамъ.

4) Пруссія, на союзъ съ которой противъ Станислава Лещинскаго разсчитывали Австрія и Россія и которая даже было приступила къ нему, обнаружила въ рѣшительный моментъ крайнее равнодушіе. Для Фридриха Вильгельма воцареніе Станислава не представляло опасности, а между тѣмъ противодѣйствіе ему могло вовлечь его въ войну съ Франціей, считавшейся тогда очень сильной и опасной державой, и Швеціей. Съ другой стороны, король прусскій былъ раздраженъ тѣмъ, что Австрія и Россія не ратифицировали извѣстный трактатъ Левенвольда, касавшійся излюбленной цѣли Фридриха-Вильгельма, т. е. наслѣдства Юлихъ-Бергъ, и не разсчитывалъ получить выгодъ отъ двухъ своихъ союзниковъ: онъ боялся, слѣдовательно, что его игра будетъ «перебита». Я готовъ былъ-бы играть, говоритъ шарада, «si je ne craignaies d'être coupé», т. е. даже не получить ни Курляндіи, ни Юлихъ-Берга.

5) *Англія* склонна была къ союзу съ Австріей. Она при Георгѣ разорвала союзъ съ Франціей, но внутреннія отношенія, стремленія и заботы министерства удержаться и сохранить позиціи между королемъ и народомъ побуждали ее дѣйствовать уклончиво. Георгъ англійскій, обѣщавшій Австріи помощь, совѣтовалъ императору не давать повода Франціи обвинять Австрію въ нарушеніи европейскаго мира, заявляя ему, что онъ, Георгъ, обязанъ сообразоваться съ волею парламента и настойчиво требовалъ, чтобы императоръ не

[1]) Во франц. текстѣ: «J'attendrai qu'un joue».

вторгался въ Польшу и не давалъ повода Людовику XV открыто выступить въ защиту Станислава. Англія желала, чтобы Франція сама начала войну, и тогда она выступила-бы для уравновѣшенія силъ, постаралась-бы, «чтобы козыри раздѣлены были», «que les triomphes soyent partagés».

5) Голландія въ то время перестала быть могущественною державою, какою она была въ XVI и XVII в., опасалась рисковать и шла за Англіей. Она старалась не выйти изъ ряда другихъ и согласна была «пасовать», когда «пасовала» Англія.

6) Что касается Имперіи, т. е. Германіи, то фраза шарады «мнѣ не достаетъ трехъ картъ, и я опасаюсь, чтобы ремиза не заплатить»,—вполнѣ ясна. Австрія, Пруссія и Саксонія,—три недостающихъ карты германской имперіи,—считались членами имперіи только на бумагѣ, de facto они были независимы и въ то-же время и найболѣе сильны. Остальная Германія состоявшая изъ мелкихъ государствъ, еще со временъ Ришелье сдѣлалась игрушкою въ рукахъ могущественныхъ европейскихъ державъ. Вестфальскій миръ лишилъ ее всякаго значенія, и она сдѣлалась просто ареною борьбы Франціи и Австріи. Ей приходилось, обыкновенно, выносить на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія разоренія отъ войнъ, и теперь, въ виду соперничества Австріи и Франціи за польскую корону, ей грозила таже участь: заплатить кровью и разореніемъ за чужіе интересы, поставить крупный ремизъ.

7) Понятна и роль Португаліи въ шарадѣ. Ея инфантъ былъ кандидатомъ на польскій престолъ, и однимъ изъ первыхъ. Въ игрѣ въ ломберъ онъ долженъ былъ быть первымъ triomphe, т. е. тузомъ пикъ, *espadille*. Но португальскій король и его правительство не были особенно склонны поддерживать Австрію. Императору пришлось два раза посылать посольство въ Португалію, чтобы склонить ее къ союзу. Въ первый разъ данъ былъ уклончивый отвѣтъ, во второй разъ Іоаннъ V высказалъ желаніе видѣть кандидатомъ на польскій престолъ не донъ Эммануэля, а донъ Антоніо. Между тѣмъ, въ 1733 г., благодаря Россіи, Австрія отказалась отъ проэктируемой ею кандидатуры инфанта, и Португаліи можно было оставаться покойной, развѣ въ крайнемъ случаѣ принудили-бы ее къ тому, выдвинувши вновь кандидатуру инфанта.

7) Роль папы въ шарадѣ схвачена очень ясно и рельефно.

малыхъ усилій стоило папству и іезуитамъ дѣло обращенія сына Августа II, теперешняго кандидата на польскій престолъ, въ католицизмъ. Его мать была ревностная протестантка и только хитростью удалось освободиться отъ ея вліянія. Еще при ея жизни будущій Августъ III принялъ тайно католицизмъ, и только послѣ смерти ея послѣдовало открытое заявленіе о переходѣ его въ лоно католической церкви и заключеніе брака съ дочерью австрійскаго императора. Папы могли смѣло разсчитывать на своего обращеннаго сына. Но область римская была мала, о прежнемъ авторитетѣ и вліяніи папъ въ XVIII в. не могло быть и рѣчи. А между тѣмъ близкими сосѣдями оказывались и Франція, и Испанія, и Савойя, отъ которыхъ могло прійтись плохо и которыя, какъ хорошо было извѣстно римской куріи, были за одно, поддерживали кандидатуру Станислава. На Австрію разсчитывать было трудно, но и раздражать ее опасно. Папа находился между двухъ огней. Въ рукахъ были у него взаимно нейтрализующія карты, и онъ предписываетъ своему нунцію, Паулуччи, дѣйствовать въ пользу курфирста, но не противодѣйствовать въ тоже время Станиславу. А извѣстно, что французскій посолъ усердно слѣдилъ за нунціемъ, а нунцій зналъ, что отъ Франціи зависитъ полученіе имъ той кардинальской шапки, которую онъ видѣлъ на своей головѣ и во снѣ, и на яву.

Посмотримъ теперь, какова роль другой группы европейскихъ государствъ, какъ она обрисована въ шарадѣ.

Найболѣе темна и неопредѣленна характеристика Франціи. «Je jouerai, quand mon roi sera à couvert», говоритъ шарада. Между тѣмъ на дѣлѣ Франція играла видную роль въ вопросѣ объ избраніи польскаго короля. Она поддерживала кандидатуру Станислава, ея посолъ не щадилъ денегъ и ей удалось устроить выборъ ея кандидата. Очевидно здѣсь существуетъ противорѣчіе между дѣйствительностью и шарадою, и это противорѣчіе можетъ быть лишь отчасти объяснено тѣмъ, что во первыхъ Людовикъ XV лично долгое время колебался и не выступалъ рѣшительно въ польскомъ вопросѣ, что во вторыхъ въ моментъ женитьбы его на Маріи Лещинской, дочери ex-короля Станислава, дано было имъ какъ-бы обязательство не вмѣшиваться въ польскія дѣла изъ-за Станислава, обязательство, скоро нарушенное, наконецъ въ третьихъ тѣмъ, что уже въ моментъ избирательной агитаціи Франція вмѣсто того, чтобы

дѣйствовать военными силами, прибѣгла къ дипломатіи и пыталась, хотя тщетно, отвлечь Россію отъ союза съ Австріей, дѣлала ей различныя обѣщанія подъ условіемъ поддержки Станислава. Но послѣдняя попытка по отношенію къ Россіи и можетъ отчасти объяснить фразу шарады на счетъ прикрытія, потому что еще до выбора Станислава французскій король имѣлъ достаточно союзниковъ и въ лицѣ Испаніи, раздраженной поведеніемъ австрійскаго императора, не выдавшаго своей дочери за донъ-Карлоса, и Савойи, не переставшей мечтать о захватѣ Милана. Союзъ съ этими государствами уже тогда былъ заключенъ и, 15 дней спустя послѣ избранія Августа III, война уже началась между Франціей и Австріей.

2) Роль *Испаніи* въ шарадѣ объясняется ея союзомъ съ Франціей. Она играетъ въ черной масти, такъ какъ главный triomphe— король польскій Станиславъ, являющійся первымъ кандидатомъ, тузомъ пикъ или baste, тузомъ трефъ, если инфанту, согласно шарадѣ, принадлежитъ честь быть espadille. То, что Испанія считаетъ игру не важною, объясняется колебаніями Франціи, нерѣшительностью кардинала Флери, не прибѣгнувшаго сразу къ военной силѣ и тѣмъ давшему возможность Россіи выиграть время, наконецъ отдаленностью ея и ея союзниковъ отъ театра дѣйствій.

3) *Савойя* была прямо не заинтересована въ польскомъ вопросѣ, ея мысли и желанія были устремлены на Миланъ и, понятно, она согласилась принять участіе въ игрѣ только тогда, когда оказалась надежда на выигрышъ, благодаря вмѣшательству Франціи и Испаніи.

4) Относительно *Швеціи* фраза шарады объ уплатѣ «оноровъ» (honneurs) выясняется ея внутреннимъ состояніемъ въ то время. Смерть Карла XII была и гибелью монархической власти въ Швеціи. Аристократія захватила управленіе въ свои руки и управляла дѣлами почти безконтрольно. Но управлять оказалось трудно. Войны Карла XII довели страну до полнаго истощенія. Погибла масса людей, казна оказалась совершенно пустой, пустой до такой степени, что не на что было отправить въ Варшаву посла. Союзъ съ Швеціей считался однако не безполезнымъ и Франціи, и Россіи, и обѣ державы употребляли всѣ усилія, чтобы привлечь на свою сторону Швецію, заинтересованную въ вопросѣ о выборѣ короля лишь косвенно, благодаря личной симпатіи многихъ изъ шведской знати къ Станиславу. Денегъ не щадили, чтобы купить шведское правитель-

ство, не щадилъ русскій посолъ Бестужевъ, которому это было предписано, не щадило и французское притительство. Но шведское правительство, не смотря на это, не рѣшалось выступить открыто и давало уклончивые отвѣты: оно ограничивалось предъявленіемъ bona officina, т. е. посредничества и ничего болѣе. Оно выжидало, кто дастъ больше и въ союзѣ съ кѣмъ: Франціей или Россіей, можно будетъ возвратить потерянное на континентѣ. Франція предлагала свои услуги Швеціи, чтобы возстановить права ея на прибалтійскія провинціи. Россія обѣщала уплатить долгъ Швеціи съ города Риги, который Швеція требовала не разъ, но безуспѣшно, и не препятствовать упроченію шведской короны въ гессенскомъ домѣ. Въ виду всего этого Швеція и не думала о приготовленіяхъ и въ самую рѣшительную минуту оказалась безъ флота, хотя болѣе склонялась къ Франціи.

5) Что касается *Даніи*, то въ моментъ борьбы за польскій престолъ она оказалась совершенно безъ «матадоровъ». Ея король Христіанъ VI отвергъ предложеніе Россіи и Австріи, сдѣланное ему въ 1732 году, на счетъ Шлезвига, который обѣ державы обязывались признать его владѣніемъ, если онъ откажется отъ своихъ притязаній. Онъ разсчитывалъ на поддержку Франціи, въ которой горько ошибся, и остался безъ Шлезвига. Во время войны Данія въ одно и то-же время и открыла Зундъ для прохода французскаго флота, и послала 6 т. войска въ Германію на Рейнъ въ помощь Австріи.

Изъ всего выясненнаго выше становится понятною фраза курфирста саксонскаго. Въ виду такихъ союзниковъ, какъ Данія и Австрія, всѣ недоразумѣнія съ которой изъ-за прагматической санкціи были сглажены, онъ смѣло рѣшился начать игру. Правда, онъ опасался Франціи, которая считалась весьма сильнымъ и могущественнымъ государствомъ, опасался даже, благодаря ей, поставить la bête, т. е. проиграть, но его убаюкивала надежда не допустить, съ помощью союзниковъ, «проклятого хлопа» (во французскомъ текстѣ «d'un mandit valet»), т. е. Станислава до польской короны.

Роль, приписанная примасу и республикѣ польской, т. е. шляхетному представительству Польши, я думаю, не нуждается въ особыхъ объясненіяхъ. Положеніе того и другой было исключительное, безпримѣрное въ исторіи народовъ. Вся власть въ госу-

дарствѣ была въ ихъ рукахъ, король для нихъ ничего не значилъ и потому они равнодушно и пренебрежительно относились къ его избранію, увѣренные наперед, что каковъ-бы ни былъ исходъ выборовъ, они не потеряютъ ничего изъ своего положенія, съ которымъ связано существованіе всего государственнаго строя, напротивъ могутъ выторговать отъ электора новыя для себя льготы. Но это непомѣрно льготное положеніе польскаго шляхетства съ примасомъ во главѣ и было источникомъ тѣхъ неисчислимыхъ бѣдствій, которыя терзали общественный организмъ Польши и послужили причиною ея паденія. Такой взглядъ на внутренній неизлечимый недугъ Польши господствовалъ и въ то отдаленное время и онъ выраженъ въ полныхъ злой сатиры латинскихъ изреченіяхъ и польскихъ стихахъ, заканчивающихъ напечатанную шараду. Приводимъ тѣ и другіе въ возможно-близкомъ переводѣ и этимъ закончимъ объясненіе всей шарады.

Ахъ какъ я (т. е. Польша) страдаю отъ ранъ, наносимыхъ мнѣ
моими-же стрѣлами!
За отечество и въ отечествѣ пріятно умереть.
Мужъ честный, прямодушный, никому не тягостный, всѣмъ
пріятный (Станиславъ).
Главнѣйшая мудрость—памятовать о смерти (Польшѣ).

Иди смѣло замужъ, Польша, если сохранила дѣвство!
Ахъ, не пойду, французы, не пойду голландцы;
Я уже не дѣвица!
Обезчестили меня литовскіе паны,
Сняли съ меня вѣнокъ моей невинности
И добытой мною свободы
Негодные сыны (подкупленные французскимъ золотомъ).

Обездоленный въ Римѣ Сатурнъ, превозносившійся надъ другими, износитъ бѣдствіе изъ собственнаго безсилія и злосчастія и имъ гнететъ всю страну (Польша во образѣ планеты, приносящей съ собою несчастіе на землю, съ намекомъ на извращеніе ея римскимъ католичествомъ).

Читатель.

КЪ ДѢЛУ О НАЧАЛѢ ЕДИНОВѢРІЯ ВЪ КРЕМЕНЧУГѢ.

Значительную массу населенія г. Кременчуга составляютъ раскольники различныхъ сектъ; въ числѣ ихъ существуетъ въ Кременчугѣ и церковь *единовѣрческая*, получающая священство отъ нашего епископа и вообще признающая администрацію церкви православной. Дѣло обращенія нѣкоторой части кременчугскихъ старовѣровъ въ *единовѣріе* принадлежитъ преосвященному полтавскому Гедеону. Въ мірѣ Георгій Вишневскій, Гедеонъ родился въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1798 г., московской губерніи, верейскаго уѣзда, въ с. Котузовѣ отъ бѣдныхъ родителей причетническаго званія. По окончаніи курса въ петербургской академіи, Вишневскій былъ опредѣленъ инспекторомъ рязанской духовной семинаріи, затѣмъ ректоромъ каменецъ-подольской семинаріи, а въ 1834 г. назначенъ епископомъ полтавской епархіи, каѳедра которой находилась въ то время въ г. Переяславѣ, а при немъ перенесена (въ 1847 г.) въ Полтаву.

Гедеонъ—это одинъ изъ выдающихся іерарховъ полтавской паствы по своей дѣятельности, это одна изъ свѣтлыхъ и симпатичныхъ, невольно располагающихъ къ себѣ личностей—по своей душѣ и характеру. Высокообразованный, гуманный, проникнутый истинно пастырскими чувствами по отношенію къ своей паствѣ, отечески заботившійся о благѣ ввѣренной ему епархіи, чуждый честолюбія и своекорыстныхъ цѣлей, преосвященный Гедеонъ привлекъ къ себѣ сердца всѣхъ, оставивъ по себѣ добрую память въ средѣ и духовнаго и свѣтскаго общества, особенно въ средѣ духовенства низшаго, къ нуждамъ котораго онъ былъ весьма внимателенъ. Отказываясь отъ занятій высшей каѳедры, что ему не разъ предлагали, онъ говорилъ: «Я считаю самою первою наградою и повышеніемъ—оставаться тамъ, гдѣ я окруженъ любовію и преданностію; не желаю и никогда не желалъ-бы оставлять ввѣренной мнѣ паствы: люблю Малороссію и ея народъ, я не предполагалъ, чтобы люди этого края могли меня такъ сильно къ себѣ привязать. Я желалъ-бы, когда Богъ меня воззоветъ, оставить здѣсь и мой бренный прахъ; дорога мнѣ родина, но этотъ край для меня дороже». Отмѣченный правительствомъ, Гедеонъ, оставаясь епископомъ полтавскимъ, съ 1843 г. и до конца жизни (1849 г.) былъ членомъ святѣйшаго Си-

нода, почему и болѣе проживалъ уже въ Петербургѣ. Вотъ та задушевная и чисто отеческая рѣчь, съ которой достойный іерархъ обратился къ своей паствѣ, отправляясь въ дальній путь: «Богъ васъ благословитъ, Онъ не оставитъ васъ своею благостію, а меня сохранитъ для васъ; мое всегдашнее желаніе быть съ вами и никогда не оставлять васъ. Увѣренъ, что пребываніе въ С.-Петербургѣ, при неблагопріятномъ климатѣ, болѣе разстроитъ мое здоровье и приблизитъ ко гробу [1]), но я совершенно убѣжденъ, что пожертвованіемъ своего здоровья много сдѣлаю пользы для епархіи, достигну того, чему представляются теперь неодолимыя препятствія. Поэтому я отправляюсь въ страну далеку, съ надеждою и упованіемъ на Бога—достигнуть желаемаго. Впрочемъ, не смотря на мое отсутствіе, я буду съ вами» [2])...

Самымъ важнымъ памятникомъ дѣятельности преосвященнаго Гедеона было обращеніе кременчугскихъ раскольниковъ въ *единовѣріе;* за это, успѣшно исполненное, предпріятіе онъ награжденъ былъ саномъ архіепископа. Дѣло это было предметомъ особенной заботливости Гедеона; во все продолженіе пастырскаго служенія своего онъ неотступно и съ необыкновенною ревностію стремился къ осуществленію искренняго и сильнаго желанія: видѣть кременчугскихъ раскольниковъ обращенными въ единовѣріе. У насъ имѣется 32 собственноручныхъ письма, писанныя преосвященнымъ къ кременчугскому протоіерею Алексѣю Петрову исключительно по этому именно предмету. Письма эти и служатъ источникомъ для настоящей замѣтки по вопросу объ обращеніи кременчугскихъ раскольниковъ въ *единовѣріе.*

Ревностными сотрудниками Гедеона въ этомъ дѣлѣ, кромѣ Петрова, были: протоіерей Алексѣй Протопоповъ, первый священникъ новоучрежденной единовѣрческой церкви Кременчуга, Бабаринъ—богатый и почетный купецъ, собиравшій подписи раскольниковъ, желавшихъ перейти въ единовѣріе, Авдіевъ—священникъ изъ великороссіянъ, котораго преосвященный посылалъ съ нарочитою цѣлію въ Кременчугъ къ раскольникамъ-великоруссамъ,

---

[1]) Простудившись при выпускѣ изъ академіи, Гедеонъ до конца жизни страдалъ ревматизмомъ и особенно—головы, золотухой и чахоткой.

[2]) Рукописныя замѣтки современника.

раскольничій священникъ Хламовъ, склонявшійся къ единовѣрію и другіе. Изъ нихъ наибольшую роль игралъ Петровъ, который былъ въ этомъ случаѣ непосредственнымъ исполнителемъ воли преосвященнаго и посредникомъ между нимъ и раскольниками. «Ваше дѣйствованіе на пользу церкви было *похвально*»; «я благодаренъ вамъ за ваше *усердное дѣйствіе* въ обязанности на васъ возложенной»,—неоднократно въ томъ-же духѣ писалъ къ нему Гедеонъ.

Въ достиженіи своей цѣли преосвященный старался дѣйствовать мѣрами чисто нравственными. «Сношенія съ полиціей должны быть оставлены. Мнѣ желательно, чтобы вы болѣе *сблизились* съ ними, заслужили у нихъ *довѣріе*, болѣе уступая, нежели настаивая, дабы вышелъ результатъ: cedendo victor abibis. Надобно въ разговорахъ отдѣлять существенное отъ несущественнаго, корень вѣры и обряды вѣры, надобно обращать ихъ къ положеніямъ вселенскихъ соборовъ, а не къ помѣстнымъ. Надобно доказывать, что литургія у нихъ должна отправляться не скрытно, а явно, не бѣглымъ, а законнымъ священникомъ. Впрочемъ, что и какъ должно съ ними бесѣдовать, *благоразуміе*, руководимое изданными книгами, должно руководить и васъ. Часто бесѣдуя, можно узнать, на чемъ они преимущественно стоятъ»..., писалъ Гедеонъ Петрову. «Желаю, чтобы вы чаще у нихъ бывали и *духомъ кротости* старались преклонить ихъ». «Уговорите раскольниковъ, но безъ всякой *настойчивости, приличіе и кротость*—лучшіе проводники къ ихъ упорнымъ мыслямъ». «Правительству угодно, чтобы мѣрами *кротости*, мѣрами *убѣжденія* достичь предположенной цѣли»; «въ этомъ случаѣ потребно *благоразуміе*». Такого рода совѣты и наставленія даетъ преосвященный почти въ каждомъ письмѣ.

Извѣстенъ вообще религіозный фанатизмъ раскольниковъ и закоснѣлость ихъ въ старинѣ; при такихъ условіяхъ внѣшнія, принудительныя мѣры не только, разумѣется, не могли-бы привести къ цѣли, но скорѣе раздражали-бы раскольниковъ и испортили дѣло въ конецъ. Не преслѣдованія-ли старовѣровъ и довершили дѣйствительно то, чему положено начало исправленіемъ книгъ? Мѣры кроткія, гуманныя въ этомъ случаѣ единственныя и самыя дѣйствительныя; прибѣгая только къ нимъ, Гедеонъ старался быть послѣдовательнымъ и дѣйствовать осмотрительно и осторожно. И все-таки обращеніе кременчугскихъ раскольниковъ шло весьма туго, встрѣ-

чая съ ихъ стороны всевозможнаго рода преграды и противодѣйствія; извѣстная часть ихъ если и соглашалась на присоединеніе, то предъявляла слишкомъ непомѣрныя требованія и условія соглашенія, на которыя правительство и церковь согласиться не могли. Раскольники сверхъ того проявляли крайнее непостоянство и всегда поэтому внушали къ себѣ недовѣріе. Самое главное, на что раскольники долго не могли согласиться, это имѣть «священника въ зависимости отъ епархіальнаго начальства и воспоминать, гдѣ слѣдуетъ, святѣйшій синодъ». «Жаль, что правыя дѣла о кременчугскихъ раскольникахъ *остановились*. Надобно дать имъ направленіе благое». «Удивляюсь, что *нескоро* раскольники могутъ пристать къ пристани. Волнуются отъ своего невѣдѣнія, а еще болѣе отъ неблагонамѣренности нѣкоторыхъ лицъ». «Желательно, чтобы былъ положенъ конецъ заботамъ о раскольникахъ. Удивляюсь, какъ они приходятъ къ концу и отходятъ отъ него почти въ тоже время; видно, что путь въ царствіе Божіе труденъ, но намъ слѣдуетъ трудности преодолѣвать». «Удивительно, какъ плевелы не скоро искореняются»: писалъ владыка.—Въ виду крайняго упорства и непостоянства раскольниковъ, въ виду предъявленія съ теченіемъ времени со стороны раскольниковъ новыхъ и новыхъ требованій, Гедеонъ, чтобы только положить начало обращенію ихъ, изъявлялъ готовность на многія уступки и потому писалъ Петрову: «Обѣщайте раскольникамъ все, что имъ нужно, только чтобы они вошли въ союзъ съ церковію». Не успѣхъ и противодѣйствіе со стороны раскольниковъ побуждали Гедеона къ уступкамъ, но не ослабляли однако его энергіи и не приводили въ отчаяніе. «Не смотрите на противодѣйствія, писалъ онъ, дѣлайте, дондеже день есть. Насаждайте и и поливайте, а Богъ возраститъ». Непосредственно съ своей стороны Гедеонъ писалъ воззванія къ раскольникамъ, текстъ которыхъ, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ, какъ равно неизвѣстно, какое впечатлѣніе на раскольниковъ произвели эти воззванія.

Наконецъ, обращенію раскольниковъ было положено начало. Отъ 29 марта 1840 г. Гедеонъ писалъ Петрову: «Вы, я думаю, уже давно получили копію съ указа о кременчугскихъ раскольникахъ касательно обращенія часовни (раскольниковъ «часовенныхъ») въ церковь». А въ слѣдующемъ году (отъ 11 іюля) писалъ: «Дѣло о раскольникахъ кременчугскихъ рѣшалось; но вышло затрудненіе.

Устранить его будетъ зависѣть отъ благоразумнаго вашего дѣйствія вмѣстѣ съ о. Протопоповымъ. Рѣшено присоединить ихъ и дать имъ священникомъ о. Алексѣя». Отъ 28 августа 1842 г. владыка снова увѣдомляетъ: «Дѣло о кременчугскихъ раскольникахъ рѣшено и секретно дано мнѣ знать. Это дѣло теперь окончательно должно быть рѣшено генералъ-губернаторомъ».—Но всѣ эти успѣхи пока были только на бумагѣ, или, по крайней мѣрѣ, самая незначительная часть раскольниковъ съ твердою рѣшимостію вступила въ единовѣріе, масса-же продолжала упорствовать и колебаться. Не взирая на мѣры «благоразумія» и на «осторожность», съ какой велось дѣло, раскольники оказали даже насильственное сопротивленіе при исполненіи правительственнаго рѣшенія и не хотѣли «отдать ключей» отъ часовни, въ Крюковѣ также произведено было возмущеніе. Эти обстоятельства «заставили принять еще большую осторожность, дабы не вышло непріятныхъ послѣдствій». «Раскольники всѣ остаются по прежнему при своихъ непостоянныхъ мысляхъ, то рѣшаются, то отказываются, то желаютъ, то не желаютъ. Прискорбно, что они и доселѣ держутъ покрывало на своей душѣ и не хотятъ видѣть свѣта православной вѣры. Но все есть надежда имъ вразумиться. Господь многомилостивъ. Не ослабѣвайте въ своихъ дѣйствіяхъ, только съ осторожностію»,—писалъ преосвященный.

Какъ-бы то ни было, но преосвященный Гедеонъ достигъ своей цѣли: существующая нынѣ въ Кременчугѣ *единовѣрческая церковь* есть именно плодъ его дѣятельности. Послѣ всякаго рода невзгодъ по этому дѣлу, онъ въ 1845 г. съ особенною радостію писалъ: «Настало время по благословенію Божію, когда посѣянное должно было взойти и плодъ принести. Обращеніе часовенныхъ есть утѣшительное и радостное событіе для церкви и для насъ. Надѣюсь, что они всѣ войдутъ въ церковь»...

Вотъ тѣ условія, предложенныя Гедеономъ, потомъ измѣненныя и утвержденныя св. синодомъ, по которымъ состоялось обращеніе раскольниковъ:

1) «Часовню признать единовѣрческою, если освящена дѣйствительнымъ священникомъ и разрѣшить въ ней совершеніе божественной литургіи, по совершеніи освященія воды и по молитвѣ на обновленіе храма».

2) Антиминсъ, если не настоитъ сомнѣнія, что онъ есть патріаршаго освященія и если присоединяющіеся по совѣсти убѣждены, что онъ сохраненъ въ неприкосновенности освященія, оставить на своемъ мѣстѣ, а для служенія на престолѣ положить *илитонъ* (платъ или обвертка антиминса), съ изображеніемъ креста, который изображенъ въ старопечатныхъ книгахъ на антиминсѣ.

3) Если-же о сохраненіи святости антиминса окажется сомнѣніе: то, оставивъ его на своемъ мѣстѣ внутри престола, или обрѣсти другой патріаршаго-же освященія, или устроить новый по рисунку, находящемуся въ старопечатныхъ книгахъ и по старопечатной-же книгѣ освятить съ положеніемъ въ него св. мощей.

4) Священника единовѣрческому обществу избирать изъ великороссіянъ въ полтавской или въ другихъ епархіяхъ и объ избранномъ входить съ прошеніемъ къ преосвященному полтавскому, а ему, если выборъ сдѣланъ въ другой епархіи, сноситься съ епархіальнымъ архіереемъ и по сему сношенію, если избранный надеженъ, опредѣлять его къ единовѣрцамъ.

5) Въ случаѣ проступковъ единовѣрческаго священника единовѣрцы обращаются съ жалобою къ преосвященному полтавскому, который по личномъ разсмотрѣніи исправляетъ его приличною епитиміею; а если проступки важны и единовѣрцы не желаютъ болѣе имѣть его, отрѣшаетъ отъ ихъ церкви и препровождаетъ въ консисторію для дальнѣйшаго о немъ разсмотрѣнія.

6) При богослуженіи воспоминать благочестивѣйшаго Государя и Высочайшую фамилію, и святѣйшій Синодъ, и епархіальнаго преосвященнаго на ектеніяхъ, какъ положено въ старопечатныхъ книгахъ, а на великомъ входѣ поступать, какъ въ сихъ-же книгахъ положено.

7) Старосту церковнаго избираетъ общество и утверждаетъ преосвященный.

8) Строительныя и хозяйственныя исправленія по церкви производить по согласію общества, а въ важныхъ случаяхъ и по благословенію преосвященнаго.

9) Церковную сумму никуда не отбирать [1]).

«Видите, присовокупляетъ Гедеонъ, что старообрядцамъ еще въ нѣкоторыхъ условіяхъ сдѣлано снисхожденіе, а особенно относительно антиминса».

Иванъ Матченко.

---

[1]) Письмо Гедеона безъ обозначенія времени.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ О. М. ГЛАДКОМЪ И ВОЗВРАТИВШИХСЯ СЪ НИМЪ ЗАПОРОЖЦАХЪ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля сего года представился мнѣ случай объѣхать прилегающую къ границамъ харьковской и екатеринославской губерній часть константиноградскаго уѣзда губерніи полтавской, по рр. Берестовой и Орели. Территорія эта, по описанію Арандаренка [1]), составляла границу Украйны, съ непрерывнымъ валомъ и крѣпостями, построенными въ 1730 г., и входила въ составъ орельской паланки запорожской Сѣчи.

Изъ Петровки до Старовѣровки (около 30 вер.) возницей моимъ былъ содержатель обывательскихъ лошадей петровскаго сельскаго общества. За неисправностію моста на р. Берестовой, пришлось ѣхать по луговой сторонѣ, такъ что возвышенная степная равнина оставалась далеко отъ проселочной дороги. Замѣтивъ въ степи особеннаго рода земляныя насыпи, отличающіяся отъ обычныхъ могилъ, я спросилъ возницу, съ цѣлію вызвать его на разговоръ:

— Що то за могилы таки довги генъ у степу?

— Онъ-то? переспросилъ онъ, указывая рукой. То-жъ, бачите, колись була крипость Иванъ-городъ,—така якъ отъ у Костянтини [2]), та й у Парасковеи. Тутъ-же йшла украинська линія, чи кардонъ, скризь по Берестовій та по Орели ажъ до самого Днипра. А хиба-жъ вы не бачили тихъ валивъ, що потяглися степомъ кудысь далеко у харькивську губернію, та перескакують черезъ Орель и пишли геть на Катеринославщину? Багато вже валивъ та могилъ порозъорювали, та пороскопували, та й крипостямъ тожъ така шана, бо звисно якъ воно безъ догляду.

День выдался свѣтлый, теплый; молодая зелень озимыхъ посѣвовъ и сѣнокосовъ едва стала развиваться; проселокъ плохо былъ накатанъ, да и возница не обнаруживалъ склонности къ побужденію своихъ коней, двигавшихся «пидтюпцемъ». У меня явилось желаніе вызвать разсказы и воспоминанія возницы о запорожцахъ. Я завелъ разговоръ на эту тему—и мой возница замѣтно оживился, не безъ

---

[1]) Записки о полтавской губерніи, ч. III, стр. 258—362.

[2]) Такъ обыкновенно мѣстные крестьяне называютъ Константиноградъ.

достоинства упомянувъ, что ему приходилось видѣть «справжнихъ» запорожцевъ.

— Дуже цикаво знати: де-жъ то й коли доводилося вамъ бачити справжнихъ запорожцивъ?

— Э, воно вже давненько таки й дiялося: мабудь рокивъ зъ пивсотни буде. Та буде, буде... соображалъ возница вслухъ: у тридцять третьему... такъ-же... пьятдесятъ; та вже колы вамъ такъ любопытно, то треба розказати; тильки й позабувалося багато.

— Мого таки батька тесть—мiй дидъ значить по матери, зайшовъ ажъ видъ Мариополь (Маріуполь), та й оселився тамъ, а мiй батько жили тутечки у Петривцяхъ, на своему грунти. Якъ попидростали хлопци,—а насъ у батька було зъ чотыри,—то стало сутожно на землю. Отъ, тесть—чи черезъ людей переказувавъ, чи письмо засылавъ, того вже певно не докажу,—почавъ кликати мого батька до себе: прибувай лишень, сыну, до мене, бо хлопцивъ у тебе чимало, то тутъ швидче роскобижкаешся: тутъ таки й на землю довиляишъ, та й хлопцямъ буде кращый заробитокъ. А видъ той случай пидскочивъ голодный 33-й годъ. Отъ, батько бачитъ, що вже мовляивъ не перелевки, та ото зибралися, та й переихали зовсимъ туды, до тестя значить. А винъ оселився у Новомикильскiй слободи (за 18 вер. одъ Мариополя), та й проживъ тамъ либонь годъ зъ 15. Якъ переихали мы, то вже застали у слободи й тихъ запорожцивъ, що звернулися зъ Турецини видъ нашого царя. Було росказують батько та й слобожане стари, що запорожци надумалися покинути Сичу десь за Дунаемъ, та стали прохатися зновъ на Вкраину; такъ ото й прийшовъ приказъ видъ царя, щобъ значить запорожци оселялися у слободахъ Новомикильскiй та Новопокривськiй. Потимъ стали вертатися запорожци зъ Турецины, а зъ ними Ёсипъ Михайловичъ Гладкiй, що правивъ у Сичи за конового. Почали вони селитися на слободахъ, а Гладкому дано було кильксь сотъ десятинъ степу биля Новомикильскои слободы, и винъ оселився хуторомъ такъ—у вершини балки, а слобода потяглася дали внизъ. Пожили батько трохи у тестя, а потимъ Гладкiй таки покликавъ до себе на хутиръ. А я бувъ тогди не величкимъ пидросточкомъ—здаетця годивъ зъ десять було, та отдали мене батько за пастушка до слобидськои громадськои ватаги. Було якъ хожу зъ вивцями по степу, то частенько оце бижить Гладкiй

визкомъ, та якъ забачить мене, то заразъ зупинить коня, та й погутарить. Та такий бувъ моторний та любопытный: роспитуе про всячину, а часомъ пошуткуе, а найпаче було наказуе мени, щобъ гараздъ роздивлявся по степу та замичавъ, де яка могилка чи горбикъ, або-що, значить щобъ не заблудивъ. Винъ бувъ не дуже высокого зросту, але такий у соби огрядный, великий, а волосся ему совсимъ сиве стало, та вусы таки довги, наче оселедци высили, а бороду голивъ. Балакавъ винъ зовсимъ по простому й ходивъ по будняхъ у жупани, а пидъ свято прибирався въ мундерь съ палетами, якъ охвицеры. Спершу багатенько запорожцивъ було по слободахъ; ходили вони тежъ у синихъ жупанахъ, ще й на плечахъ маіорили попришивани други рукава кармазинови, та й телипалися, або инши було затыкають за поясъ. Тильки щось не довго маіорили тіи кармазинови рукава: якъ стали служити запорожци зъ москалями та воювати зъ черкесами, дакъ було одказано, щобъ значить не носили кармазиновыхъ рукавивъ черезъ те, що либонь ихъ далеко було видно, а черкесы набачять, та зъ очеретивъ або зъ-за скель стриляли здорово, та багато побивали.

Зъ тихъ запорожцивъ, що перебралися на слободы, де-яки поприходили зъ Турещины зъ посимействами; инши трохи обашморилися та поженилися й стали хазяинувати; отъ-же билше було такихъ, що повешталися на слободахъ, та й покрылися знову у дычу, а де-яки пишли служити по флотахъ. А тихъ, що зосталися по слободахъ, потимъ поростикали по троху по крипостяхъ, а иншихъ попровадили за Ковбаню. У Новомикильскій слободи, якъ прыйшли запорожци, була вже крипость, острогъ, та й горниць понастроювали; тамъ ото й жили де-яки запорожци. Згодомъ Гладкій переихавъ у Петривську крипость, та туди вже перебралося посимейство й родичи Гладкого, а потимъ тамъ зостався ёго старшій сынъ, а старый переихавъ либонь у катеринославську губерню, та тамъ и вмеръ. Чутно було, що царь наградивъ ёго генеральськимъ чиномъ, и винъ бувъ якимъ-сь генералъ-литинянтомъ. Якъ винъ переиздивъ у Петривську крипость, той мій старший братъ бувъ у ёго годовымъ наймитомъ; а якъ ёму треба було говити, то батько посылали мене на перемину. Доводилося бувати у Гладкого у господи,—тильки до горниць не ходивъ я, а було ночую звисно тамъ зъ наймитами та кучеромъ.

— Ну, а ще-жъ не чували: якъ-же то Гладкій съ запорожцями живъ у Турещини, та якъ вони вернулися на Вкраину?

— Ге, де-бъ то не чувъ: таки й батько, й инши було гомонять; про те мени не звисно, чи воно такъ, чи не такъ. Балакали бачите, що якъ зайшло страженіе у 29-му годи, дакъ салтанъ турецькій потребувавъ запорозське військо на пидмогу—руськихъ воювати. А Гладкій мабуть надумавъ зробити змину бусурманови. Отъ, позбиравъ запорозьцивъ, сказавъ що таке—й таке дило, й звеливъ выступати въ походъ у яке тамъ мисце. На дорогу попапувавъ ихъ добре та й вырядивъ, а самъ ще чогось дома зостався. Пишли вони, а Гладкій вже десь тамъ догнавъ, та давай смотръ робить; коли се якъ начинить репету, що, каже, вы пьяни выходили, та й я бувъ не тверезый—къ лихій матери забулися взяти бунчука (таке знамено давъ имъ салтанъ). Выбаткувавъ ото зъ серця, та звеливъ війську йти дали, а самъ побигъ назадъ за бунчукомъ бы то. Прибигъ отъ до Сичи, та счинивъ бунтъ, що буцимъ-бы запорожцямъ нема миста, бо Росія надходить и зруйнуе Сичъ та позабирае запорожцивъ у плинъ. А винъ вже попереду змовився зъ де-якими товаришами, щобъ вырядити військо, а тогди счинити веремію—значить, щобъ швидче передалися пидъ нашого царя. Пишла колотнеча та галасъ помежъ черню сичевою, а Гладкій смеркомъ пишовъ зъ товаришами до батюшки, щобъ одчинивъ церкву та выдавъ бунчука, та почавъ присоглашати й батюшку передатися у Россію. Пишъ на те не згожувався, але якъ вони до ёго пристали добре, то винъ давъ ключи одъ церкви й сказавъ: робите, що хочете, абы мене не займали. Вони забрали бунчука, а батюшци сказали, що коли винъ не пристае до гурту, то гиршъ ёму буде, та взяли та й заперли ёго у комирчини биля церкви, а сами позабирали що треба, та пишли у каюкъ й пишли на озеро, та поховалися по очеретахъ, щобъ бачити, куды буде черня двигатись: чи за своимъ військомъ, чи згодятця передатися у Россію. Якъ заляментувавъ батюшка у комирци биля церкви, то звисно люде заразъ позбигалися та отбили замка, а батюшка й розказавъ, яка приключка вчинилася. Отъ ще билишъ пилповъ бунтъ та галась; людей зійшлось багацько й почали миркувати та радитись. Побачили, що Гладкій зробивъ змину, бо запорожци пишли у походъ, а черню сичову й боронити никому, може й зосталося тамъ кильки

збройнихъ воякъ. Цилисиньку ничъ прокалатали на ради, той теен спива, а той иншои заводе: значить, де-яки згожувалися передатися пидъ нашого царя, а ниши казали зостатися тамъ, щобъ не вовтузатися съ мизеріею. Про те мовлявъ не знали, на яку й ступить. Сподивалися великого лиха видъ бесурменивъ, коли вони довидаютця, що Гладкій змиливъ, та й видъ москаливъ не безъ халепы буде, якъ набижять руйнувати сичовикивъ. Тимъ часомъ почали хапати збижжя та вкладатися. Отъ де-яки выряжалися слидкомъ за своимъ військомъ, а биливъ було такихъ, що зносили та звозили добро, та худобу гнали до Дунаю. Понагружали кильки можна на каюки, та поховалися по островахъ по Дунаю. Тогди Гладкій зъ товаришами, розслухавшись та роздивившись гарненько, выпливъ своимъ каюкомъ зъ озера на Дунай ричку, та й попровадилися вони, не докажу вже у яку крипость, до москаливъ. Ого тамъ Гладкій погуторивъ зъ начальниками, росказавъ по якихъ островахъ зибралася запорожська черня, та й послали московськи судна, щобъ позабирали людей зъ збижжямъ. Тогди вже поперевозили чи у Браиловъ, чи въ Очакивъ. Якъ подали звистку до війська, то й тамъ тежъ ниила колотнеча та клопитъ, що Гладкій зробивъ зминуу. При війську не було ни кошового, ни бунчука— то клопоталися, що безъ бунчука не можна й зъявитися до турецького начальника. Де-яки згожувалися вертатись та приставати до москаливъ, а ниши тягли руку за турка,—бачте, щобъ не ламати присягу. Казали, що запорожци не то поспорилися, а й побилися помежъ собою, та й роздилилися: одни ишли до Дунаю, та москали поперевозили зъ народомъ, а частина зосталася таки у Турещини. Тильки либонь вже имъ бесурмены виры не йняли и не пустили воювати зъ москалями, а посажали десь по крипостямъ; та вже якъ выйшло замиреніе, то ажъ тогди де-якихъ потребувавъ нашъ царь, бо й вони стали прохатися до гурту.

Частенько було росказують слобожане, що запорожьци були жвави козаки, та велики митци брати крипостя. Шось довго таки прожили вони у Турещини, та завжде ниишпорили по надъ Дунаемъ, то вже свисно знали добре та гаразд, де який перевизъ бувъ придобниший, та й плавнями, то-що, куди способнишъ пробратися. Якъ воювали ото зъ туркомъ, дакъ нашъ царь запитавъ Гладкого: можешъ ты взяти оттаку й таку крипость турецьку? а

винъ-бы то одказавъ: а чому-жъ накъ?—можу; я ін у три часа визьму.—Ну, смотри-жъ, приказавъ царь—бери військо та справляйся гараздъ. А тая крипость була на гори надъ Дунаемъ трохи въ степъ. Скризь по гори позаростав густый лисъ, а по низу плавни тяглися до Дунаю зъ кущами та гниловодами,—значить грузьке та непридобне мисце. Отъ, турецькій кардонъ ходивъ по гори та по-надъ лисомъ, а про плавни й байдуже, бо дуже грузько було. А Гладкій то добре розгледивъ та й назнавъ путненькій переіздъ; насажавъ москаливъ на судна та й попливъ Дунаемъ до того переізду, а потимъ потихеньку перебралися плавнями та й поховалися у лиси й започували тамъ. Тильки-жъ Гладкій у досвита ранепько звеливъ рушати та обійти лисомъ геть на степъ, та наближатися до крипости, а самъ зъ де-якими пищечкомъ выкрався зъ лиса та надибавши турецьку сторожу й порізавъ; потимъ наближився до крипости, а війська чимало ще зоставивъ у лиси, поки судъ та дило. Коли се ранкомъ одчинилася у крипости брама й почали люде вештатись сюды та туды, а Гладкій якъ гукнувъ на своихъ, та раптово якъ кинулися на штурму, дакъ не дали й брамы зачинити, а тутъ пидоспила и пидмога, та якъ заходилися гуртомъ, то побили туркивъ та й крипость забрали. Оце такъ гомонили слобожане, та й запорожци тежъ розсказували, що по-надъ Дунаемъ вони додивилися навить до кожного кущика, бо завжде тамъ то рыбу ловили, то звиря та птицю добували. Вони й межъ москалями мали велику повагу, бо проводили скризь, де придобнишн мисця. Поки воювали зъ туркомъ, та якъ треба було йти куди війську, то старшій начальникъ покличе запорожцивъ, та й приказуе тамъ полковникамъ то-що, щобъ вони слухали запорожцивъ—то ото вже они й радилися съ начальниками та порядкували: куди й коли йти.—Отъ-таки то були запорожци! заключилъ мой возница.

Разсказъ показался мнѣ довольно интереснымъ; хотѣлось воспроизвести его по возможности подлинными словами. Я сталъ припоминать болѣе оригинальныя слова и выраженія и просилъ повторить нѣкоторыя. Замѣтивъ особенное вниманіе къ разсказу, возница повидимому недоумѣвалъ: по чему меня такъ интересуетъ разсказъ его и отдѣльныя слова. Пришлось отчасти растолковать этотъ вопросъ, а между тѣмъ, пользуясь поднявшимся

вѣтеркомъ, мѣшавшимъ зажечь спичку, я сказалъ пріостановить лошадей, и, вставъ съ воза, приспособился закурить папиросу; съ тѣмъ вмѣстѣ досталъ карандашъ и записную книжку, а изъ связки съ подушкой импровизировалъ письменный столъ и принялся записывать. Возница смущенно и даже съ безпокойствомъ поглядывалъ на меня и очень нерѣшительно повторялъ нѣкоторыя интересовавшія меня выраженія. «И на що ото вы пишете?»— промолвилъ онъ. Отъ бачъ,—коли-бъ бувъ знавъ таке, то й не росказувавъ-бы, а то ще, чого доброго, потребуютъ до Петербурга, або-що». Съ трудомъ удалось мнѣ разувѣрить возницу въ неосновательности его тревогъ и безпокойства, такъ что онъ повторилъ почти весь разсказъ, а я наскоро записывалъ. Возница съ любопытствомъ слѣдилъ за процессомъ записыванія и замѣтивъ, что я исписалъ уже нѣсколько страничекъ, просилъ ѣхать скорѣе, чтобы засвѣтло добраться до Старовѣровки. Все таки мнѣ удалось воспроизвести цѣликомъ болѣе характерныя слова и выраженія, но чтобы не возбуждать сомнѣній, я не счелъ умѣстнымъ спросить имя и фамилію повѣствователя. Мы проѣхали еще верстъ съ десятокъ или больше, я все-таки отъ времени до времени возобновлялъ въ памяти то или другое выраженіе, и возница, добродушно ухмыляясь, иногда дѣлалъ поправки или утвердительно поддакивалъ. Вотъ тѣ бѣглыя замѣтки, которыя были набросаны мною при оригинальной обстановкѣ.

В. Василенко.

ЧЕРТИ ВЪ ПРОДАЖѢ.

Перестала съ нѣкотораго времени «Кіевская Старина» помѣщать что-либо о преосв. Анатоліѣ Мартиновскомъ, архіепископѣ могилевскомъ, что-либо изъ его любопытнѣйшихъ писемъ, записокъ, проэктовъ. Горячій былъ ревнитель своего пастырскаго долга, многолюбящій человѣкъ. Помню живо рисовавшія его «Архіерейскія печали» (Кіев. Стар. 1882 г., майск. кн.), помню теплую, сердечную статью о немъ доктора Пирожкова (Кіев. Стар. 1883 г., іюль, стр. 573—578). Многое она напомнила мнѣ объ этомъ достойнѣйшемъ пастырѣ церкви, уснувшемъ преждевременно въ бессарабскомъ гербовецкомъ

монастырѣ. Какъ землякъ и соученикъ пр. Анатолія, я помню многое изъ его жизни; но старость, живущая воспоминаніями, въ самой себѣ носитъ препону къ записыванію и передачѣ другимъ того, что живо иногда сохраняетъ ея память. Живя въ Кишиневѣ, я часто переписывался по дружески съ умершимъ архимастыремъ. Много жизни и отрады вливали въ душу его письма. Набралось ихъ у меня очень много; но однажды постигъ меня тяжкій недугъ, и я, опасаясь, чтобы они не попали подъ недостойную критику, всѣ сжегъ; одно только не подверглось этой участи, которое взято отъ меня г. Маціевичемъ и напечатано въ одной изъ книжекъ «Трудовъ кіевской духовной академіи».

Да, архіепископъ Анатолій былъ мужъ дѣла, другъ ближнихъ и паствы своей, человѣкъ очень популярный. Хочу почтить память его передачею одного изъ тѣхъ характерныхъ разсказовъ, которыхъ много приходилось мнѣ слышать отъ него.

Разсказывалъ онъ мнѣ однажды много и долго о томъ, какъ въ старое наше время всякое полицейство вело себя нестерпимо по разнымъ закоулкамъ въ уѣздахъ. Въ ближайшемъ отношеніи къ населенію стоялъ *становой* и онъ-то всюду давалъ чувствовать себя, придираясь безвинно ко всякому и вынуждая ублажать его на каждомъ шагу. О взяточничествѣ того времени трудно теперь и понятіе себѣ составить; но чинами уѣздной полиціи, которые всегда почти были изъ поляковъ и были на откупѣ у помѣщиковъ, руководило не одно корыстолюбіе въ дѣйствіяхъ ихъ относительно православнаго населенія, особенно-же его пастырей—православныхъ священниковъ. Вступись священникъ за угнетаемыхъ крестьянъ, помоги имъ совѣтомъ или разъясненіемъ, тутъ уже не отстанетъ отъ него становой и дойметъ его доносами и придирками по всякимъ дѣламъ—о вымогательствѣ за требы, о нерадержательствѣ безпаспортныхъ, о сыченіи меду въ праздники, о погребеніяхъ раньше узаконеннаго 3-хъ дневнаго срока, пропускѣ молебна въ табельный день и проч. и проч. Одному изъ священниковъ такъ надоѣлъ становой, что онъ обратился къ преосвященному Анатолію съ просьбою защитить его отъ несносныхъ поступковъ этого полицейскаго чиновника. Преосвященный поѣхалъ къ губернатору, разсказалъ ему жалобу священника и просилъ поступить съ становымъ по строгости законовъ. Губернаторъ согласился удовлетворить это ходатайство и отвѣтилъ,

что онъ переведетъ виновнаго въ другой станъ и на мѣсто его опредѣлитъ изъ другаго уѣзда. Тогда, разсказывалъ преосвященный, я попросилъ губернатора выслушать такой анекдотъ на подобный случай.

Въ одно мѣстечко въ базарный день пріѣхалъ изъ сосѣдней деревни какой-то шляхтичъ. Бродитъ онъ по базару, ища нужное для себя; идетъ между прочимъ туда, гдѣ рядами расположились такъ называемые «перекупки». Видитъ, сидитъ женщина въ ряду безъ всякаго товара, но сидитъ также въ ожиданіи покупщиковъ, какъ и другія. Любопытство взяло шляхтича и онъ спросилъ ее:

— А что-же ты здѣсь сидишъ, когда у тебя ничего нѣтъ для продажи?

— Якъ ничого, пане?

— А гдѣ-же твой товаръ? тутъ ничего не видно.

— Есть, пане, тутъ у мишку, видо мною.

— А что-же тамъ у тебя въ мишку?

— Чортяки! чортякъ продаю.

— Гм! а по чемъ продаешь?

— По три шаги, по шисть копійокъ, пане.

— Ну, выбери-жъ мнѣ, да самаго лучшаго.

— Э, пане, не безпокойтесь, все одно: якого чортяку не визьмете, все буде чортяка, якъ и други!

Губернаторъ, добавилъ преосвященный, многозначительно взглянулъ на меня, дружелюбно улыбнулся и тотъ часъ позвавъ своего правителя канцеляріи, распорядился произвести разслѣдованіе о поступкахъ становаго и вообще съ тѣхъ поръ зорко сталъ слѣдить за дѣйствіями чиновъ уѣздной полиціи и принимать рѣшительныя мѣры къ ограниченію ихъ произвола и насилія, не ограничиваясь одними перемѣщеніями.

Коллеж. Совѣт. **Прибыльскій.**

СЛУЧАЙ ИЗЪ ЖИЗНИ Н. И. КОСТОМАРОВА.

Въ 1-й майской книгѣ «Нови» помѣщены воспоминанія о Костомаровѣ П. Кулиша за долгій промежутокъ времени отъ 40 годовъ и до конца 70-хъ. Если отбросить нѣсколько странный жаргонъ, который почему-то избралъ для этого случая «отецъ Пантелей-

моній», и тотъ субъективный тонъ, съ которымъ этотъ, по признанію якобы скончавшагося историка, «великій человѣкъ», разсказываетъ о «козаковавшемъ Николашѣ», то эти воспоминанія лица близкаго къ Костомарову даютъ все-таки цѣнный матеріалъ для біографіи нашего выдающагося писателя.

Желая и съ своей стороны принести хоть маленькую ленту на дѣло выясненія разныхъ случаевъ изъ жизни Костомарова, передаемъ для будущаго его біографа воспроизведенный и г. Кулишемъ разсказъ, но по варіанту, слышанному нами отъ самого Н. И. Костомарова.

Было это въ 1874 г., когда, по словамъ г. Кулиша, старые знакомые «по разнымъ причинамъ видались рѣже прежняго». Главною причиною было конечно то, что г. Кулишъ хотѣлъ «переломать ребра Николаю Ивановичу» и былъ занятъ изданіемъ 1-го тома «Возсоединенія Руси»—не то историческаго сочиненія, не то памфлета, въ которомъ, гдѣ только была возможность, бранилъ Шевченка и Костомарова, называя послѣдняго то диллетантомъ и неумѣлымъ популяризаторомъ исторіи, то иноплеменникомъ, чуждымъ пониманія духа народной малорусской жизни. Книга была наконецъ изготовлена и вышла изъ типографіи. Костомаровъ успѣлъ уже ее прочесть, о чемъ кажется не зналъ Кулишъ. Встрѣтились прежніе друзья, какъ разсказываетъ и г. Кулишъ, въ императорской публичной библіотекѣ, обнялись и разцѣловались,—«по чину книжнаго иночества».

— Лобзаніемъ-ли, отче Пантелеймоніе, предаешь сына человѣческаго? спросилъ у г. Кулиша Костомаровъ послѣ этого и тѣмъ далъ знать ему, что уже прочелъ и самый томъ «Возсоединенія Руси», и рецензіи, которыя появились по его поводу въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и «Недѣлѣ».

Кулишъ, по разсказу Костомарова, постарался тотчасъ-же стушеваться.

Незабвенный нашъ историкъ передавалъ мнѣ этотъ маленькій эпизодъ изъ своей жизни съ игривымъ описаніемъ подробностей обстановки и передавая его, обыкновенно хохоталъ до упаду.

N.

КАКЪ САЖАЛИ ВЪ СТАРИНУ ЛЮДЕЙ СТАРЫХЪ НА ЛУБОКЪ.

Труднѣе представить, чѣмъ объяснить существованіе обычая, о которомъ хочу разсказать. Повѣрить-ли кто нибудь, чтобы людей живыхъ лица близкія къ нимъ, даже родныя дѣти или внуки обрекали на неминуемую голодную смерть? И не за какую либо вину, а единственно потому, что они состарѣлись,—не по чувству вражды, или минутнаго раздраженія, но въ силу обычая, унаслѣдованнаго съ незапамятныхъ временъ и поддерживаемаго нерѣдко всею сельскою общиною. А между тѣмъ такой обычай существовалъ въ мѣстахъ намъ родныхъ, и еще такъ недавно, едва не на нашей памяти. Людей старыхъ, не подававшихъ надежды на жизнь, бывшихъ въ тягость себѣ и другимъ вывозили въ зимнюю пору въ глухое мѣсто и опускали въ глубокій оврагъ, а чтобы при опусканіи они не могли разбиться, или-же задержаться на скатѣ, ихъ сажали на лубъ, на которомъ, какъ на саняхъ, они доходили до дна оврага. Отсюда и выраженія: «сажать на лубокъ», или «пора его на лубокъ». Практиковались и другіе болѣе какъ-бы гуманные способы примѣненія названнаго обычая—засаживаніе въ пусткѣ на печь, опусканіе въ пустую яму и проч.

На существованіе такого обычая въ недавнее сравнительно время я наткнулась, собирая, по предложенію покойнаго Александра Ѳедоровича Кистяковскаго, свѣдѣнія по его программѣ о «юридическихъ обычаяхъ и народныхъ воззрѣніяхъ по уголовному праву», по отдѣлу «вѣдовства и колдовства». Въ черниговской губерніи, въ глуховскомъ уѣздѣ, въ селѣ Землянкѣ отъ столѣтней почти женщины и 65 лѣтняго мущины пришлось мнѣ услышать слѣдующіе два разсказа, объясняющіе выраженіе: *сажать людей на лубокъ*.

Крестьянка Марфа Гутариха, родившаяся въ с. Землянкѣ 1787 г., † 1884 г. 23 декабря, разсказала мнѣ слѣдующее:

«Слыхала я въ молодости, что тогда сажали людей старыхъ на лубокъ, вывозили въ поле и оставляли ихъ тамъ умирать, но сама лично этого не видѣла. А когда это запретили, то такихъ за старостію уже неспособныхъ къ работѣ людей оставляли въ пустой хатѣ зимой, гдѣ они отъ голода и холода и умирали. Послѣдній такой случай на моихъ глазахъ былъ у насъ въ с. Землянкѣ

еще при *старомъ* Бартошѣ (помѣщикъ, † въ 1824 г.) Жила у насъ на Шульговкѣ (такъ называлась улица) старуха, вдова Тетяна Кобежка, безъ роду и племени. Пани Писарева, Екатерина Михайловна, уговорила Тетяну, чтобы она перешла жить къ ней во дворъ. Тетяна перешла, а ея хатка стала пусткою. Продержала ее пани не долго и какъ пришла зима, видитъ, что Тетяна не въ состояніи работать, то и велѣла одному изъ своихъ людей отвезти Тетяну въ ея хатку и посадить на печь, а тотъ такъ и сдѣлалъ. Гуляла я какъ-то съ дивчатами ночью на улицѣ, только слышимъ, кто-то у Кобежки въ хатѣ стонетъ и плачетъ; подошли мы послушать,— а то сама Тетяна на холодной печи безъ теплой одежи. Дождались мы утра и доложили пану. «Безсовѣстная Олексовна (Писарева, урожденная Алексенко)», сказалъ старый Бартошъ, и велѣлъ намъ пойти къ Тетянѣ и взять ее оттуда. Мы пошли, а она уже и Богу душу отдала. Бартошъ далъ *доску*, на которой и похоронили Тетяну. Тогда доски были дороже: лѣса было много, но не умѣли распиливать дерево на доски; потому «домовины» дѣлались только для богатыхъ людей, а бѣдныхъ хоронили, положивъ на одну доску, къ которой привязывали трупъ веревками».

Другой разсказъ передалъ мнѣ Наумъ Савченко, крестьянинъ той-же деревни (род. 1813 г., † 1881 г.).

«Слыхалъ и я, говорилъ онъ мнѣ, отвѣчая на распросы, что не такъ давно *сажали людей на лубокъ*, но не видалъ этого и Тетяны Кобежки не помню. А слышалъ только, отъ чего перестали людей на лубокъ сажать. Громада, какъ сами знаете, за всѣмъ у насъ смотритъ; такъ и въ этомъ дѣлѣ. А тутъ вышла такая оказія. Въ какомъ-то тамъ селѣ жила большая семья, а въ ней былъ отецъ такой старый да немощный, что самъ уже себѣ у Бога смерти просилъ. Сыновья никакъ не хотѣли сажать его на лубокъ, а громада все требовала. Вотъ они посадили «свого тата» въ пустую яму, гдѣ хлѣбъ ссыпали, а громадѣ сказали, что вывезли его въ поле и посадили на лубокъ. Прошло такъ довольно времени. Дѣти, извѣстно, жалѣли отца и кормили его. Наступилъ неурожайный годъ. Сыновья пошли къ ямѣ спросить у отца, что имъ дѣлать, чтобы родился хлѣбъ. Отецъ велѣлъ имъ весь озимый посѣвъ прикрыть на зиму слегка старой соломой. Дѣти такъ и сдѣлали, и у нихъ вышелъ богатый урожай, когда у другихъ снова былъ недо-

родъ. Громада дивувалась, почему сыновья такъ поступили, и пристала къ нимъ съ распросами. Нечего было дѣлать, пришлось признаться, что отецъ ихъ живъ и что онъ ихъ научилъ такъ поступить съ посѣвомъ. Тогда громада съ почетомъ вынула старика изъ ямы и съ той поры запретила сажать стариковъ на лубокъ».

Чѣмъ объяснить существованіе такого, повидимому, варварскаго обычая въ нашемъ малорусскомъ народѣ, извѣстномъ своею добросердечностію и человѣколюбіемъ, а также особою почтительностію и привязанностію дѣтей къ родителямъ? Ничѣмъ, мнѣ кажется, инымъ, какъ только именно этими-же самыми чувствами. Жизнь крестьянина много отлична отъ нашей, иные у него и взгляды на нее. Въ старину эта разница была гораздо значительнѣе. Въ исторіи нашего козачества и гайдамачества насъ поражаетъ это безстрашіе въ опасностяхъ и равнодушіе къ жизни. Эти качества вырабатывались вѣками подъ вліяніемъ самыхъ тяжелыхъ условій жизни и присущи были всему народу. Когда жизнь ничѣмъ не привязываетъ къ себѣ, не даетъ ничего, кромѣ нужды, горя и голода, какъ ею дорожить? Когда законъ жизни исполненъ, дѣти выращены и пристроены, а притупленные органы не даютъ возможности чувствовать жизнь, недуги-жъ старости, въ соединеніи съ нуждою и лишеніями, дѣлаютъ ее невыносимо тягостною, смерть является чѣмъ-то желаннымъ, упокоеніемъ, отрадою, которыхъ какъ милости вѣрующій человѣкъ проситъ у Бога. При такихъ условіяхъ ускореніе развязки съ жизнью, на взглядъ народа, на извѣстной ступени его развитія, является дѣломъ человѣколюбія, долгомъ естественной любви дѣтей и лицъ близкихъ. Иначе я не могу понять этого обычая, разъ онъ существовалъ, какъ удостовѣряютъ народные разсказы и преданія. На это наводитъ меня и самый способъ, которымъ помогали ускорить развязку съ жизнью, т. е. «сажаніе на лубокъ». Замерзаніе, какъ извѣстно, одна изъ самыхъ легкихъ и даже пріятныхъ смертей, а когда тѣло истощено и ничѣмъ не подкрѣпляется, самая смерть наступаетъ быстро. Если такимъ образомъ сажаемые на лубокъ считали это въ отношеніи къ себѣ дѣломъ благодѣянія, то сажавшіе безъ сомнѣнія были увѣрены, что исполняютъ долгъ человѣколюбія.

П. Литвинова.

ПАМЯТИ ОДНОГО КІЕВСКАГО ПЕДАГОГА.

2-го февраля сего года скончался въ Кіевѣ послѣ тяжкой, хотя непродолжительной болѣзни учитель кіевской 4-ой гимназіи *Николай Ѳеодосіевичъ Левицкій*. Объ учителяхъ у насъ не принято говорить, некрологовъ ихъ не пишутъ. Мы хотимъ нарушить этотъ неблагодарный обычай и почтить память Николая Ѳеодосіевича нѣсколькими словами, главнымъ образомъ, какъ учителя народнаго училища, какимъ онъ долго былъ, а онъ былъ здѣсь отраднымъ и рѣдкимъ исключеніемъ. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ странно какъ-то говорить о значеніи учителя для общества; но объ этомъ значеніи рѣшительно необходимо напоминать въ виду того очень и очень скромнаго положенія, какое занимаютъ наши учителя вообще и народные въ особенности. «Каковъ попъ, таковъ и приходъ», каковъ учитель, таково будетъ и то общество, въ которомъ онъ учитъ дѣтей. Недавно нѣмцы громко говорили, что побѣдой надъ французами они обязаны своему народному учителю. Умершій Н. Ѳ. Левицкій принадлежалъ именно къ такимъ народнымъ учителямъ, которые въ состояніи дѣлать завоеванія культурнымъ путемъ, если ихъ имя легіонъ. Онъ былъ рѣдкимъ, счастливымъ исключеніемъ изъ огромной сѣрой массы народныхъ учителей, учителемъ въ полномъ и святомъ значеніи этого слова, ученымъ спеціалистомъ-педагогомъ, какихъ у насъ, къ сожалѣнію, мало. Онъ ставилъ своей задачей не то, чтобы сообщить ученикамъ какъ можно больше всякихъ свѣдѣній и фактовъ, но чтобы сообщенное было усвоено ими, какъ существенно необходимое, легко, скоро и на долго. Этимъ-же духомъ проникнуты и всѣ его статьи по педагогикѣ и методикѣ преподаванія.

Родился Николай Ѳеодосіевичъ 27 мая 1819 года въ черниговской губерніи. Отецъ его, сынъ священника, по какимъ-то обстоятельствамъ воспитывался въ кіевской духовной семинаріи и, по окончаніи въ ней курса, послѣ неудавшейся попытки поступить въ медицинскую академію, дослужился скромной должности столоначальника кіевской духовной дикастеріи. Здѣсь онъ вскорѣ и умеръ, оставивъ двѣнадцатилѣтняго сына и не многимъ старшую дочь. Сострадательные люди пристроили мальчика сначала въ кіево-подольское духовное училище, а потомъ въ кіевскую семинарію на казен-

ный счетъ. Такимъ образомъ сиротство, нужды и лишенія окружали дѣтство и юность Николая Ѳеодосіевича, но они несомнѣнно развили въ немъ съ дѣтства любовь къ труду и наукѣ и настойчивость въ занятіяхъ. Вслѣдствіе крайней бѣдности матери и скудости казеннаго содержанія, Николай Ѳеодосіевичъ еще въ школѣ много времени отдѣлялъ на переписку, чтобы выработать что-нибудь на свои нужды и для пособія матери. Окончивъ на 23-мъ году семинарію и не чувствуя призванія къ обязанностямъ священнослужителя, онъ поступилъ въ кіевскій университетъ сначала на медицинскій, а потомъ на юридическій факультетъ. Но скоро крайняя нужда и безвыходное положеніе матери и сестры вынудили его отказаться отъ высшаго образованія и опредѣлиться на службу въ какую-то канцелярію. Въ чиновничьемъ мірѣ царили тогда взятки, водка и глубокое невѣжество, и Николай Ѳеодосіевичъ вскорѣ промѣнялъ канцелярскую службу на мѣсто школьнаго учителя въ г. Городнѣ черниговской губерніи, въ одномъ изъ тамошнихъ приходскихъ училищъ. Новымъ занятіямъ своимъ Николай Ѳеодосіевичъ отдался всей душей, посвящая свободные отъ занятій часы на удовлетвореніе томившей его жажды знанія. Мы не знаемъ, какой родъ книгъ избиралъ онъ для чтенія въ это время; но судя по первымъ его работамъ, предназначавшимся для печати, должны заключить, что мысль его была занята предметами религіозными. Это было не только послѣдствіемъ полученнаго имъ въ духовной школѣ направленія, но и потребностію искренно и глубоко-вѣрующаго христіанина, какимъ мы его знали во всю остальную жизнь. Съ другой стороны велико должно было быть въ немъ стремленіе къ просвѣщенію, если, сидя въ глухомъ уѣздномъ городкѣ, весь поглощенный службою и матеріальнымъ недостаткомъ, онъ успѣлъ написать три довольно обширныя статьи:

1) Жизнь и перенесеніе мощей святителя Филиппа, митрополита московскаго и всея Россіи.

2) Мысли о христіанствѣ и доказательство его истинности, соч. Дроза. Переводъ съ французскаго.

и 3) Краткое изъясненіе Христовой заповѣди о блаженствѣ.

Труды эти, бывъ представлены по начальству для препровожденія въ цензурный комитетъ, не получили одобренія и разрѣшенія со стороны этого послѣдняго, но просмотрѣнные предварительно ди-

ректоромъ народныхъ училищъ, невольно расположили его въ пользу автора. Литературныя занятія приходскаго учителя въ 1848 г., были конечно фактомъ исключительнымъ, и директоръ Невѣровскій письменно просилъ смотрителя изъявить учителю Левицкому «полную и совершенную его признательность за столь полезное и благородное употребленіе своего досуга».

Неодобреніе тогдашнею цензурою первыхъ литературныхъ опытовъ И. Ѳ. Левицкаго не умаляло относительнаго ихъ достоинства, но свидѣтельствовало лишь о строгости и нѣкоторой исключительности тогдашнихъ цензурныхъ правилъ. Такъ первая рукопись потому не разрѣшена къ печати, что «христіанскіе читатели довольствуются извѣстнымъ на славянскомъ языкѣ житіемъ святителя Филиппа»; во второй рукописи, заключающей въ себѣ опроверженіе возраженій противъ христіанства, дѣлаемыхъ французскими деистами, возраженія признаны слишкомъ дерзкими, а опроверженія очень слабыми; третья-же рукопись, подвергшаяся наиболѣе подробному разбору цензурнаго комитета, хотя найдена «душеполезною вообще по многимъ назидательнымъ мыслямъ», но не одобрена къ печати потому, что «содержала не мало погрѣшностей, противныхъ или требованіямъ вѣроученія, или законамъ твердаго мышленія, или чистотѣ языка».

Эта первая неудача не убила однако въ молодомъ труженикѣ охоты къ дальнѣйшимъ литературнымъ занятіямъ, хотя въ другомъ родѣ. Въ бумагахъ покойнаго, среди огромнаго множества выписокъ изъ читанныхъ имъ книгъ, найденъ нами переводъ повѣсти, сдѣланный Николаемъ Ѳеодосіевичемъ, въ концѣ 40 или началѣ 50-хъ годовъ, съ французскаго, подъ заглавіемъ: «Талисманъ». Рукопись разрѣшена была къ печати бывшимъ кіевскимъ цензоромъ и профессоромъ университета А. А. Федотовымъ-Чеховскимъ; осталась-же не печатанной за невозможностью найти издателя.

Неудача имѣла и другую выгоду: она еще болѣе сосредоточила заботы и трудъ Николая Ѳеодосіевича на школѣ и указала ему его истинное призваніе въ педагогикѣ, которой онъ отдался со всею, можно сказать, страстію. Школа его была образцовою и такою признана была его ближайшимъ начальствомъ. Упомянутый уже нами директоръ Невѣровскій, посѣтивъ Городню въ 1848 г., остался въ высшей степени доволенъ дѣятельностію Николая Ѳеодосіевича

и «его заботливостью объ истинномъ образованіи ввѣряемыхъ ему дѣтей и о нравственномъ ихъ развитіи». Помимо объявленной Николаю Ѳеодосіевичу за его труды и знаніе письменной благодарности директора и признательности министерства, онъ былъ вскорѣ перемѣщенъ на должность смотрителя еврейскаго училища въ мѣстечко Бѣлую-Церковь. Но это повышеніе мало удовлетворяло его; Николай Ѳеодосіевичъ стремился къ знанію, къ работѣ мысли, а слѣдовательно и къ чтенію и къ общенію съ умными и опытными людьми своей профессіи. Глухія мѣстечка, въ которыхъ онъ жилъ до сихъ поръ, само собою разумѣется отдаляли его отъ всего этого. Отсюда горячія желанія его перейти на службу въ Кіевъ, въ центръ умственной жизни, ближе къ университету, который представлялся для него всегда, какъ «святая святыхъ». Желаніе Николая Ѳеодосіевича вскорѣ исполнилось, хотя и съ нѣкоторымъ матеріальнымъ ущербомъ: по собственной просьбѣ онъ былъ перемѣщенъ на должность учителя въ дыбедское приходское училище г. Кіева, основанное въ 1840 году и бывшее весьма долго единственнымъ для этой части города. По переѣздѣ въ Кіевъ у Николая Ѳеодосіевича явилась мысль докончить свое образованіе въ университетѣ, и хотя рѣшительное къ этому препятствіе представляли ежедневныя занятія въ школѣ, тѣмъ не менѣе онъ сталъ посѣщать университетскія лекціи, какъ только являлось у него свободное время, ища конечно не правъ и преимуществъ высшаго образованія, но самаго образованія. Пріобрѣтая этимъ широкимъ путемъ новыя знанія, работая при этомъ надъ собственнымъ умственнымъ развитіемъ, знакомясь годъ за годомъ съ лучшими произведеніями европейскихъ и русскихъ педагоговъ и вообще сосредоточивая свои занятія на педагогикѣ, какъ теоретической, такъ и практической, онъ мало по малу достигъ того, что обнаружившійся подъемъ народнаго образованія послѣ крестьянской реформы, при открытіи новыхъ школъ, болѣе широкія программы преподаванія школьныхъ предметовъ, болѣе раціональная и болѣе сообразная съ требованіями новой жизни методика преподаванія, спросъ на большую самодѣятельность учителей,—всѣ эти и подобныя имъ требованія не застали Николая Ѳеодосіевича въ расплохъ. Для удовлетворенія ихъ онъ обладалъ достаточной подготовкой, которой былъ обязанъ исключительно самому себѣ. Съ этихъ поръ условія школьной дѣятельности гармонировали вполнѣ

съ его цѣлями и стремленіями; значеніе его труда, бывшаго теперь на виду у всѣхъ, поднялось. Онъ рѣшился выступить уже и съ чисто-научными статьями педагогическаго содержанія, которыя обращаютъ на него вниманіе не только начальства, но и вообще лицъ, считавшихъ близкими себѣ интересы школы; статьи свои Николай Ѳеодосіевичъ помѣщалъ въ «Циркулярѣ по управленію округомъ», и по времени они слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ:

1) Протоколы и статьи, касавшіеся собственно педагогическихъ совѣщаній (1867 г., № 3).

2) Замѣтки и соображенія по вопросу объ общеобразовательномъ характерѣ приходскаго училища (1867 г., №№ 8 и 9).

3) Планъ обученія русскому языку въ городскомъ приходскомъ училищѣ, съ объяснительной запиской къ нему (1867 г., № 12).

4) О «родномъ словѣ» г. Ушинскаго, какъ лучшемъ учебникѣ для приходскаго училища (ibid.).

5) О методическомъ развитіи дѣтей въ дѣлѣ обученія ихъ (ibid.).

6) О преподаваніи географіи въ приходскомъ училищѣ (1868 г., № 1).

7) О наглядномъ обученіи (1868 г., №№ 8 и 9).

8) Программа по русскому языку съ церковно-славянскимъ и ариѳметикѣ для сельскихъ школъ (1869 г., № 8).

и 9) наконецъ, болѣе капитальная работа Н. Ѳ. «Очеркъ курса грамотности», появившійся въ 1874 году, былъ изготовленъ уже въ 1869 году подъ заглавіемъ: «Курсъ грамотности, обусловливаемый въ обученіи требованіями раціональности и жизни».

Не считая себя компетентными въ дѣлѣ педагогики, мы не рѣшаемся дѣлать оцѣнку работъ покойнаго и потому ограничимся лишь указаніемъ на мнѣнія лицъ болѣе насъ въ томъ свѣдущихъ; Такъ напримѣръ, на статью Н. Ѳ.: «Замѣтки и соображенія по предмету обученія грамотности въ приходскомъ училищѣ, какъ канва для дальнѣйшей разработки этого вопроса», бывшій тогда помощникомъ попечителя М. А. Туловъ написалъ такой отзывъ: «Читалъ съ большимъ удовольствіемъ. Пріятно было встрѣтить въ г. Левицкомъ опытнаго учителя, сознательно и съ успѣхомъ ведущаго обученіе во ввѣренной ему лыбедской школѣ по новѣйшимъ способамъ; равно пріятно встрѣтить въ немъ образованнаго человѣка, способнаго удовлетворительно въ литературномъ отношеніи

изложить свои мысли о способѣ раціональнаго обученія въ элементарной школѣ. Статьѣ этой (она почему-то не была напечатана) слѣдуетъ дать почетное мѣсто въ «Циркулярѣ», измѣнивъ въ ней только начало, гдѣ авторъ, понявъ обученіе на мѣстномъ нарѣчіи въ смыслѣ обученія мѣстному нарѣчію, вдается въ рѣшеніе вопроса непедагогическаго свойства. Вмѣсто этого можно сказать нѣсколько словъ объ употребленіи мѣстнаго нарѣчія, какъ пріема педагогическаго, для объясненій неизвѣстныхъ дѣтямъ выраженій языка литературнаго». Когда рукопись сочиненія: «Очеркъ курса грамотности» была представлена къ напечатанію и Н. Ѳ. въ особомъ письмѣ просилъ М. А. Тулова позволенія посвятить ему этотъ трудъ, послѣдній отвѣчалъ: «желаніе ваше посвятить вашу книгу мнѣ я могу принять не иначе, какъ съ глубокою благодарностью и буду считать это посвященіе одною изъ лучшихъ наградъ въ своемъ родѣ (если не единственною), какихъ я удостоился въ теченіи всей моей служебной практики». По поводу этой-же книги одинъ изъ членовъ комитета грамотности далъ самый лестный отзывъ о ней въ особомъ письмѣ къ ея автору, а бывшій редакторъ-издатель журнала «Народная школа», С. Мѣдниковъ, по поводу той-же книги обратился къ нему съ просьбою принять участіе въ издаваемомъ имъ журналѣ, заявляя, что труды Н. Ѳ. могли-бы принести несомнѣнную пользу дѣятелямъ по народному образованію и сдѣлать честь его журналу. Наконецъ проэктированныя Н. Ѳ. программы обученія грамотности были приняты во всѣхъ кіевскихъ училищахъ, а потомъ предложены окружнымъ начальствомъ къ руководству и въ сельскихъ школахъ въ нѣсколько измѣненномъ для нихъ видѣ. Въ то-же время въ школѣ Н. Ѳ., какъ образцоваго учителя, пріобрѣтали навыкъ и знакомство съ лучшими современными методами преподаванія многіе изъ сельскихъ учителей и учительницъ. Въ заключеніе перечня трудовъ Н. Ѳ. намъ остается сказать, что отъ времени до времени онъ помѣщалъ статьи и въ мѣстной газетѣ «Кіевлянинъ», но только до 1872 года, когда онъ былъ переведенъ учителемъ приготовительнаго класса въ кіевскую прогимназію, преобразованную недавно въ 4-ю гимназію. Съ этихъ поръ прекращается вообще учено-педагогическая дѣятельность покойнаго, такъ какъ заботы о воспитаніи собственныхъ дѣтей вмѣстѣ съ суровыми заботами о матеріальномъ обезпеченіи семьи, при скудномъ жалованьи

учителя, отвлекали его отъ любимаго дѣла. Но на этомъ тернистомъ поприщѣ ему не было удачи: никогда не искавшій прибыльныхъ занятій, онъ такъ и оставилъ вдову и шестерыхъ дѣтей безъ всякихъ средствъ. Таковъ горькій конецъ этого безкорыстнаго труженика на полѣ науки и просвѣщенія!

Помянемъ его этими немногими словами похвалы и благодарности за то святое дѣло народнаго просвѣщенія, которому служилъ онъ всю свою долгую жизнь и которому преданъ былъ всею душей. Какъ народный учитель, онъ сѣялъ на доброй почвѣ дѣтскихъ сердецъ сѣмена правды и добра, былъ для нихъ первымъ и послѣднимъ учителемъ, замѣняя имъ высшую школу и давая тѣ знанія, съ которыми они прямо вступали въ жизнь. Краткость времени, назначеннаго для курса народной школы, заставляла его дѣлать «non multum, sed multa», и эти мудрыя слова были девизомъ его трудовъ. Строго относясь къ святой обязанности учителя, онъ всегда помнилъ, что для исполненія своего призванія надо не только учить, но и учиться самому, и потому все свободное время онъ проводилъ надъ самоусовершенствованіемъ и движеніемъ своего дѣла впередъ. Любовь къ дѣтямъ была стимуломъ всей его жизни и дѣятельности, любовью ихъ онъ пользовался всегда и въ этомъ полагалъ высшую для себя награду. И долго, долго свѣтлый его образъ будетъ храниться въ памяти какъ тѣхъ его учениковъ, для которыхъ онъ былъ единственнымъ просвѣтителемъ, такъ и тѣхъ, коихъ приготовлялъ къ дальнѣйшему слѣдованію по пути образованія!

И. Каманинъ.

ПѢСНЯ НА ИСХОДЪ ЗАПОРОЖЦЕВЪ ЗА ДУНАЙ.

Извѣстно, что по уничтоженіи Сѣчи въ 1775 году половина запорожцевъ не пожелала оставаться на родинѣ, гдѣ ей предстояло крѣпостное положеніе, и предпочла удалиться въ Турцію, чтобы сохранить прежнюю свободу. Когда они вышли на своихъ лодкахъ въ море, поднялась буря, лодки стали погружаться въ воду. Запорожцы пришли въ отчаяніе. Тогда послѣдній настырь ихъ, іеромонахъ Владиміръ, поднявъ высоко предъ ними крестъ, призвалъ ихъ

къ молитвѣ, атаманъ-же Свердило сильными словами пробудилъ упавшій ихъ духъ. Запорожцы горячо молились и, по молитвѣ ихъ, море утихло и ихъ *чайки* тихо понеслись къ Дунаю. Этотъ моментъ, достойный кисти художника, передаетъ намъ прилагаемая пѣсня.

Ой на Лиманъ-мори зашумила филя,
Та стали чайки поринати.
А отець Владиміръ, пиднявши хрестъ у гору,
Ставъ Господа Бога благати:
Ой, пошли ты Боже, запорозьцимъ сгоду
Видъ москалевои неволи втикати!
Якъ не твоя-жъ воля, пидемъ вси у воду
Спасенія за грихи шукати.
Ажъ ось гукнувъ батько отаманъ Свердило:
Чого-жъ намъ, дитки, журиця?
Бились мы зъ татарвою, бились и зъ ляхами,
То й фили не будемъ корица.
Пиднимайте-жъ стерна,
Нехай вона грае, стогне-завивае,
Козачу недолю зъ моря выкликае,
А мы будемъ Богу молиця.
И, схиливши чубы до чесного кресту,
Козаченьки щиро молились.
Заяснилось море, крячки налетили
И фили до разу не стало.
Полетили човны, мовъ птахи по витру,
Шукати козачои воли.

Сообщ. **П. И. Зуйченко.**

ПРИЛОЖЕНИЯ

сійскими у полковника Андрія Тимофіевича Тютчева, ради тезоименитства его, и весь день пробавили.

5. Жена, зъ панею судіиною Лисенковою, ездила къ полковницы Тютчевой.

6. Обѣдали у сотника глуховского Турянского и долго тамъ пробавили; а потомъ были у писаря суда енералного Пиковця, котораго дочь новорожденная крещена сего-жъ числа, а воспріемниками были асаулъ енералный и. Валкевичъ и вдова Лисевичова, теща сотника золотоношского Костантія Леонтовича.

7. Сторговалъ у насъ футоръ, на Артополотѣ будучій, Матвѣй Чижевскій, зять Неижсалникъ, за 230 р. и далъ въ задатокъ 110 рублей. Сего-жъ числа прибылъ въ Глуховъ сотникъ золотоношскій Леонтовичъ.

8. Трактовалъ у себе генерала зъ протчіими гг. великороссійскими и малороссійскими писарь суда енералного Пиковець, ради крестинъ дочери своей, и доволно гуляли; потомъ ездилъ генералъ за городъ, где нововылитымъ пушкамъ дѣлалась проба чрезъ капитана артилерійского Бреклинга.

9. Весь день въ домѣ пробавилъ ради вчорашного шумства и ради отправленя жены въ домъ. Присланъ указъ въ коммиссію нашу на подаванное доношеніе наше, чтобъ не разездиться на каникулярные дни и сидѣть за дѣлами той коммиссіи поутру и по обѣдѣ.

10. Рано жена отехала въ домъ и я потомъ былъ въ коммиссіи и обѣдалъ зъ домашними у себе.

11. Подписаны указы въ полки и ко всѣмъ бунчуковымъ и войсковымъ товарищамъ о бытіи къ походу нечаянному въ такой готовности, чтобъ за полученіемъ повторного указу мощно было выступить въ 24 часа. Рано и по службѣ были у генерала, а обѣдалъ я въ домѣ.

12. Сотникъ березанскій Василій Думитрашко Райча кудась нечаянно отправленъ и отехалъ зъ Глухова. Повторное доношеніе зъ коммиссіи въ енералную канцелярію объ отпускѣ на каникулярные дни подписали. За шапку зеленую аксамитную, что здѣлана зъ сивымъ баранкомъ, дано 2 р.

13. Обѣдалъ со мною Стефанъ Савицкій, а надвечери былъ я у г. Скоропадскаго и у Валкевича, съ которымъ и о дѣлѣ нашем ъ стороны Рубановщини, розговаровалъ.

14. Привезено зъ Товкачовки 19 овчинъ чиненыхъ и шкуру дриданта вороного, да и Леска служителя утекшого; и сего-жъ числа отпущенъ туда подводчикъ, чрезъ которого къ старостѣ писано о разныхъ дѣлахъ.

15. Рано отехалъ зъ Глухова сотникъ золотоношскій Леонтовичъ и оставилъ мнѣ двоихъ коней, одного гнѣдого, другого буланого. Зрана-жъ слушали зъ енераломъ дѣла попа Лецковского Григорія, потомъ обѣдали у енерала-жъ; а послѣ обѣда и вчора по обѣдѣ слушали дѣла по челобитю матки Оболонского зъ Іваномъ Пѣродкимъ о добрахъ Ялонского [199]).

Іосифа Ханенка, племѣнника, рекомендовалъ въ войсковую енеральную канцелярію, при поданной отъ него челобитной, который и врученъ въ повитье канцеляристу войсковому Василю Туманскому.

17. По присланному указу въ коммиссію пашу позволительному розехаться оной коммиссіи членамъ до 15 августа, послѣдняя была сессія, потомъ члены духовные и мірскіе были у мене на водки, мірскіе-же и обѣдали.

18. По службѣ Божой были у генерала, а по обѣдѣ домашнемъ отехалъ я въ Кочерги, где осмотрѣвъ каменя Рубановского и грунту и приказавъ дѣлать ступникъ, ночовалъ у б. т. Филиповского. Изъ Перегону присланные косари вчора заведены на сѣножати Виндины, где при моей бытности почали оные и косить.

19. Рано зъ Кочергъ отехавъ, переѣздомъ былъ въ Зазѣркахъ, потомъ прибылъ въ Рубановку, где и обѣдалъ, а послѣ оттоль поехавъ, заездилъ до Дунайця, а оттоль прибылъ на сумерку въ Глуховъ.

20. Пришли разные указы изъ Сената, въ томъ числѣ и о благополучныхъ прогрессахъ россійской арміи въ Финляндіи, где шведы, подорвавъ свою крѣпость Фридриксъ-Гемъ, ретировались къ своимъ войскамъ, стоящимъ въ Сумахъ, подъ командою генерала Левенгоупта, о чемъ при публикаціи реляцій во время благодарственного молебствія была палба трикратная зъ 31 мартира всякой разъ; потомъ обѣдали у генерала и до вечерень гораздо веселились, а притомъ просилъ я генерала о позволеніи отехать въ домъ, что и получилъ. Сего-жъ числа рано былъ я зъ протчими у генерала

[199]) См. примѣч. о Мануйловичѣ, стр. 155.

маіора Петра Ивановича Стрешнева, 18 числа въ Глуховъ съ женою прибывшого, а сего дня отселя въ Кіевъ отезжаючого, который зъ нами-жъ былъ у гг. генеральныхъ писаря и бунчучного; а какъ проводили его паки въ квартеру, то онъ, простясь съ нами, и генералша отехали зъ Глухова передъ обѣдомъ. Я вечеромъ былъ еще и у г. Скоропадского и зъ Валкевичемъ видѣлься.

21. Подрядилъ дѣлать себѣ наметъ (палатку) зъ парусного полотна за 3 р. 50 к. и далъ майстеру задатку 1 р., а Іосифу на разные росходы 1 р. 50 к. Максиму кравцю далъ въ заплату за синее сукно 4 р. 50 к., а за пошите картуза 1 р. 50 к. На вечерѣ былъ у бригадира Івана Кондратовича Ілина, потомъ у Скоропадского и Валкевича, и съ оными простилься.

22. Въ 8 часу отехавъ зъ Глухова, коней кормилъ подъ монастыремъ Гамалѣевскимъ, а оттоль поехавъ и перевезшись чрезъ Десну, ночовалъ подъ Обичаевымъ футоромъ.

23. Рано прибылъ въ Новгородокъ, а оттоль въ Смячъ, где въ сотника шептаковского домѣ и обѣдалъ; съ полдня оттуду поехавши, прибылъ вечеромъ въ Городище, где засталъ и Александра Корецкого зъ женою, зъ которыми и вечеряли.

24. По службѣ Божой съ ними-жъ обѣдали, а потомъ онъ Корецкій зъ женою и отехалъ.

25. Во время службы Божой пріехалъ зъ женою своею Федоръ Корецкій, а передъ службою отехалъ зъ Павликомъ отецъ Алексій Хелкидоцкій, чрезъ которого послано предложеніе зъ коммиссіи нашей до сотника мглинского Лисаневича въ Стародубъ для отправленія оного одтоль. Я писалъ до писаря судового Косача о дѣлахъ суворовскомъ и городецкомъ, такожъ стороны доношенія старости нашего о подданныхъ нашихъ, граблеными въ Погарѣ и посланныхъ за овсомъ въ Новгородокъ и о Івану кравцю.

26. По обѣдѣ Федоръ Корецкій зъ женою своею отехали въ домъ свой. Сего-жъ числа отправленъ Каврайскій зъ Троеносенкомъ въ Лотоки, которому и приказъ написанный въ 8 пунктахъ данъ, что тамъ справовати надлежитъ.

27. Зранку былъ у мене откупщикъ сотни погарской Савва Нѣжинцевъ зъ претензіею о платежѣ за казаны васплевскіе, городецкіе и за нѣкоторые шинки и о протчемъ, и обѣдалъ у мене; а

послѣ обѣда пріездилъ атаманъ погарскій Бѣляй зъ женою и вечерялъ у насъ.

28. Я по обѣдѣ зъ синомъ Василемъ ездилъ на Василювку, где при нашей бытности господарь тамошный поймалъ рой пчолъ, а сказовалъ, что два рои-жъ новые сѣли въ бортныхъ деревяхъ нашихъ, коло того-жъ футора найдуючихся. Мамцѣ Куксѣ, которая кормила дочь Ефросинію, даны 3 р. и другое де-що. Жена ей-же дала за ея службу бывшую коло оной дитины.

29. Послѣ обѣда отехали до Левенки къ шваграмъ (Корецкимъ), а едучи встрѣтились зъ діакономъ Іваномъ Духовскимъ, которій зъ женою своею ехалъ въ домъ папъ, куда они и отехали, а мы перве въ Случокъ заездили, потомъ прибыли въ Левенку уже поздно и тамъ, отужинавши у п. Федора Корецкого, ночовали.

30. Рано посилали по попа Алексія и по Булавкина, хоружого полку чернѣговского, но оные не пріехали, о чемъ противъ писма того хоружого и отъ мене къ нему отписано. Тамъ-же писалъ я къ Косачу, писару судовому, поручаючи ему присутствовать отъ моей стороны при расположеніи порцій, на весь полкъ опредѣленныхъ, въ томъ числѣ что доведеться и на мое владѣніе. Да написана явочная челобитная отъ старости нашего перегонского на Василя Романовича, что онъ въ огородѣ нашемъ ягоды порвалъ и мене поносно ругалъ при томъ. На полученный зъ войсковой енералной канцеляріи указъ сочиненъ репортъ о взятыхъ у грековъ въ Нѣжинѣ подъ турецкое посолство колескахъ. Обѣдали у Федора, а вечеряли у Александра Корецкихъ и у него-жъ ночовали. Передъ вечеромъ тамъ-же въ Левенцѣ пріездилъ ко мнѣ зъ візитою войтъ стародубовскій Коменокъ, зъ своими мѣщанами.

31. Оные: писмо до Косача, явочная челобитная и репортъ въ войсковую енералную канцелярію противъ указу вручены Кочержинскому для подачи въ Стародубѣ въ полковую канцелярію. За личакъ Василку на колдру дано 2 р. Обѣдали у Александра Корецкого, а потомъ оттоль отехавши заездили въ Гриневъ, до Федора Ширая, и тамъ мало посидя отехали въ домъ и заледво уже коло полуночи прибыли въ Городище.

Августъ.

1. По службѣ Божой и по водосвятіи были у мене оба священники городецкіе зъ парохіянами и умовили нового дяка до здешней городецкой церкви, на такой-же кондиціи, якъ и прежные дяки служили. Никита скляръ отпущенъ до Івана Бороздны медведовского и на дорогу ему дано 50 к., сверхъ тѣхъ, что прежде ему дано въ заработокъ 1 р. 50 к. Діакону Духовскому Івану, Марьѣ Украинки мужу, дано сукно на рясу, тое что было для Ефимихи куплено.

2. Прибылъ зъ Товкачовки Степанъ Клесуновъ и зъ нимъ одинъ тамошній человѣкъ, чрезъ которыхъ прислалъ староста товкачовскій 120 р. денегъ, за футоръ нашъ Артополотскій, проданный Чижевскому, взятые, такожъ прислалъ килими и плахты.

3. Пріездилъ ко мнѣ въ Городище Федоръ Ширай, который у насъ и обѣдалъ, и уже съ полдня, послѣ бывшихъ съ городчанами разговоровъ о спорномъ грунтѣ, отехалъ. Писалъ я чрезъ суворовцевъ въ Глуховъ до г. Скоропадского и до племѣнника Іосифа.

4. Отправлены подводы до Новгородка для забранія печи одной и гончарей для ставленя печей, и писалъ о томъ, такожъ о присилки муровщика до Демяна Несторовича. Да писалъ до Івана Шепелича, завѣдуючого въ Новгородку, пакетъ почтою и до Іосифа племѣнника въ Глуховъ, стороны присланныхъ отъ него копій реляціи, тамо полученныхъ печатныхъ. Іванъ Григоровичъ посланъ въ Стародубъ и Левенку зъ писмомъ до Федора Корецкого и зъ дзигаркомъ его.

5. Посилалъ Кочержинского въ Борщовъ звать къ намъ въ Городище Григорiину Гамалiину на утро, да оттоль-же зъ Борщова пріездилъ къ намъ Осипъ Ятченко, стороны дѣла зъ Ломаками.

6. По исповѣди, передъ отцемъ Михаиломъ Пулчевскимъ отправленной, удостоились благостію Божіею причастія святыхъ таинъ, а обѣдали у насъ попы оба городецкіе, атаманъ погарскій Бѣляй, Кочержинскій зъ женою. Послѣ обѣда пріездила къ намъ-же зъ Борщова Григоріева Гамалiина, и повечерявши, паки отехала въ домъ свой.

7. Зъ панікадѣлщикомъ Никитою Ивановымъ, который дѣлалъ бляхи мѣдные до шоръ шестерныхъ, чиненъ рощотъ, и по щоту

явилось, что здѣлалъ онъ всѣхъ штукъ болшыхъ и малыхъ 231, вѣсу въ нихъ было 25½ фунтовъ, въ томъ числѣ нашей мѣди 10, у Карпа людвісара взято 4, а его панікадилщиковой было 11½ фунтовъ; забралъ же онъ передъ симь, трома рази, денегъ 6 р., а теперь еще ему доплачено 1 р. 40 к.; и тако уже со всѣмъ росплатка съ нимъ учинена.

8. Писалъ до Петра Багинскаго о присилки еще 50 шибъ аркушовыхъ (листоваго стекла) и на оные послано 2 р., такожъ и стекло битое послано для передѣлки. Послѣ полдня отехалъ зъ Городища къ Курковичамъ и ночовалъ въ Демянкахъ.

9. Рано ездилъ къ заводу своему винпычному и обездилъ сѣножати, а послѣ полдня писалъ писмо къ Багинскому за курковцями о показаніи имъ способу до купленя на церковную потребу гонты, да и о подрядѣ на нашу дворовую потребу дранѣ 50 копъ, пополамъ двосаженной и полуторной.

10. Былъ у мене рано Слоуцкій зъ хлѣбомъ, рибою и питьемъ и у мене-жъ обѣдалъ; а послѣ обѣда заездилъ ко мнѣ Демянъ Рубецъ и розговоровалъ на лице зъ Іваномъ Лавриновымъ Ломакою о дѣлѣ ихъ съ нимъ, а мене просилъ, чтобъ я не давалъ имъ Ломакамъ въ позику денегъ и хлѣба. Былъ тутъ-же у мене и Василь Тимоновичъ, заставилъ облѣгъ и реестръ о должномъ хлѣбѣ Шейнѣ отъ курковцювъ у тамошнего священника Симеона Тимоновича.

11. Припроваженъ римаръ Ярема зъ Озаровки отъ Пилатовича, потомъ отдавъ я приказъ на писмѣ и на словахъ о разныхъ дѣлахъ тамошныхъ нашихъ, отехалъ зъ Курковичъ и проехавъ Демянки, какъ вездилъ въ Андрійковичи, то кухаръ Варшаковскій, будучи жестоко пянъ, скрился былъ, чего для припужденъ я былъ заночовать въ Андрійковичахъ; и какъ сысканъ и приведенъ онъ, кухаръ, то жестоко за пянство и за утечку наказанъ плетми.

11. Рано зъ Андрійковичъ поехавъ, заездилъ въ Борщевъ къ Григоріевой Гамаліиной, которой и денги у ней позиченные, 296 руб., отдалъ, а свои закладные червонные и таляри битые отобравъ, прибылъ въ Городище. Писалъ до Івана Гамалія въ Юдиновъ о прибытіи его ко мнѣ въ Городище зъ Григоріемъ хлопецкимъ.

12. Отправлены 4 подводы въ Новгородъ для забранія печи и гончарей и муровщика, о чемъ писано отъ мене и до атамана тамошняго Помаранского. Писалъ до Александра Корецкого о показаніи, где брать вапну и фарбу, о кухнѣ, рогожахъ и пташинѣ, въ заводѣ его оставленной, и о присилки шпалерника, съ которымъ писмомъ отправлены подводы за желѣзомъ въ рудню Василя Гудовича, за Лищичи, называнную Кулажную, и за вапномъ и фарбою. Привезены отъ Багинского фляши къ пуздеркамъ приробливанные. — Получилъ писма зъ Козелца отъ Шума, асаула полкового кіевского, зъ пріобщеніемъ писемъ изъ Москви отъ сотника старого козелецкого Алексія Подвисоцкого, на которые писма какъ отвѣтъ къ Шуму, такъ и къ оному сотнику Алексію писалъ и пакетъ Шумовъ къ нему-жъ послалъ, включивши все оное въ пакетъ до племѣнника Іосифа въ Глуховъ, для отправи оттоль въ Москву. О пересылки чего до Глухова писалъ и къ сотнику новгородскому, да писалъ-же и до отца брата въ Козелецъ о сину его Іосифу.

13. Отправленъ козакъ кіевского полку Топалювскій, которій присланъ былъ зъ писмами отъ асаула Шума зъ Козелця, чрезъ которого писано и въ Нѣжинъ, къ протопопу тамошнему отцу Волховскому о шафѣ, тамъ для насъ дѣлаючойся. Оному козаку на дорогу дано 20 к.

14. Послана подвода при писмѣ до п. Александра Корецкого о присилки теслѣ Тригуба и мелника на время и о шпалернику.

15. Была у насъ панѣ Григоріева Гамаліина и обѣдала зъ нами, а по обѣдѣ она въ домъ, а мы отехали на ярмарокъ въ Погаръ, где де которые малые справляли покупки. Бабѣ глуховской Уліанѣ за ей службу годовую, тецерь оканчивщуюся, заплатили два рубли денегъ.

16. Прибылъ къ намъ на обѣдъ Іванъ Гамалѣя зъ женою и дѣтми, тако-жъ Антонъ Ботарскій зъ женою, а надвечери и Григорій Гамалѣя холопецкій и тутъ у насъ же почовали.

17. Тѣ-же гостѣ, отъобѣдавъ, отехали въ домы свои. Антону ботарскому, ради рожденія ему дочери, дано 2 р. Муровщикъ новгородскій Стефанъ Жолдакъ началъ въ верхъ виводить комены (трубы).

18. Отправлены письма въ Глуховъ къ отсилки зъ Новгородка до г. Скоропадского и до племѣнника Іосифа о болѣзни жены, о чемъ и къ сотнику новгородскому писано.—Росплатка учинена зъ откупщиномъ сборовъ Савою Нѣжинцемъ за 1739, 40 и 41 года за казаны василювскіе и городискіе 8 р., да за шинкъ перегонскій тѣхъ-же годовъ 72 к. и отъ него взята квитанція. Писалъ къ полковнику стародубовскому г. Максимовичу о дѣлѣ суворовцевъ и цедулою о своихъ дѣлахъ, да до п. Алексія о присилки цефалики, камфори и протч.; того-жъ числа надвечери отехалъ на Василювку и тамъ ночовалъ.

19. Рано зъ Василювки отехавъ, прибылъ къ перевозу городискому и оттоль въ Чаусы, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ чрезъ Марковско проехавъ, прибылъ завременно въ Городище, где засталъ письма, принесенные зъ Глухова и зъ Стародуба. Вечеромъ привезено зъ Стародуба-жъ цефалики 3 слоики и камфори 3 лоты.

20. Господару василювскому Дмитру Никитину Шабалдану въ зачотъ заслуги его годовой дано 50 к. Виннику Гришану за горѣлки становъ 22 на Василювцѣ, самимъ имъ выробленные, дано платы 1 р. 32 к. и вручены дочцѣ его, мамцѣ. Вчорашного числа отойшолъ отъ насъ Тихонъ Павловъ, служивший годъ за возницю. Взяты зъ Василювки до двора городиского 2 станы горѣлки. Тесля Тригубъ Тимохъ прибылъ зъ Левенки и началъ робить коло пекарнѣ и другого заложенного строенія.

21. Повернулься козакъ зъ Новгородка посланный зъ письмами, до Глухова писанными, и привезъ росписку, что тѣ письма отправлены.

22. Чрезъ Самойла, поповича суворовского, посланы въ Стародубъ для направы 2 мѣдные казаны и 6 трубъ до котляра Карпа, которому велѣно и еще новыхъ 4 трубы придѣлать; да чрезъ него-жъ послано на росплатку за разные вещы попу Алексію 85 к. и ремесникамъ 81 к., итого 1 р. 71 к. Посланъ-же мелникъ городискій туда-жъ въ Стародубъ для куплени каменя вершняка, при писмѣ до Гуриновского, а лукинскій Юденокъ въ Медведовъ до Івана Бороздны за шкляремъ Никитою зъ писмомъ-же.

23. Зъ теслею Тихономъ Тригубомъ учиненъ договоръ: платить ему за роботу на недѣлю по 30 к., а на мѣсяцъ по 1 р.

20 к. Гришко Литвакъ привезъ зъ Стародуба двѣ медвежые шкурки и одну овчую, за которыхъ чинбу дано 45 к.

24. Писалъ къ сотнику новомѣскому Силевичу о доправки должныхъ мнѣ денегъ на Федору Пригарѣ въ Лотокахъ и о присилки Івана Дащенка, до Ісака Ляшонка о покупки китайки блакитной штучки, до шваграа Александра Корецкого о Тригубу и о показаніи, где фарбу брать. Теслѣ Тригубу дана чвертка жита не въ зачотъ заплаты.

25. Писалъ къ сотнику мглинскому зъ урядомъ, чтобъ подрядили виточить липовыхъ балясъ 150 до будинку нашого городиского, и отправлено тое писмо чрезъ Погаръ.

26. Былъ у насъ въ Городищѣ судия полковый стародубовскій Андрей Рубецъ и отобѣдавъ взялъ свою дочь Варварку и отехалъ въ Стародубъ, которому дано отъ мене и меморіалъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ и о покупкахъ до Тищенка. Принесены денги зъ Лотоковъ отъ Федора Пригары 48 р., намъ должные, да отъ него-жъ взяли 31 тинфъ и 2 шостаки битіе, вмѣсто пяти таляревъ битихъ, впредь до щоту, а къ нему обратно посланы 33 тинфи и шостаками 125 тинфовъ. Получены писма зъ Глухова и лекарства отъ доктора Бока, для жены присланные.

27. Писаны писма 1) до сотника мглинского о виточеню балясъ 300, на которые и мѣрка послана, и чтобъ оное писмо отправлено зъ Стародуба зъ полковой канцеляріи; 2) до Самойла, поповича суворовского; 3) до Федора Пригары, дяка лотоковского, зъ отсылкою вышеобявленыхъ осталыхъ денегъ и о пріемѣ другихъ, 4) до Афанаса Сковпня и до Димида о медовой данѣ роковой, о доправки должного намъ хлѣба и о протчемъ, чрезъ Макара Іванова, жителя лотоковского. Гончаръ новгородскій началъ строити печи. Послѣ обѣда отехали зъ женою на Василювку и тамъ ночовали.

28. Зъ Василювки прибывши, засталъ писмо отъ Федора Ширая, чтобъ съехатся въ Стародубѣ для розговору зъ Валкевичемъ и Ланчихою (женою Ланка) о рубановскихъ добрахъ, о чемъ къ нему и отписано.

29. Рано отехалъ зъ Городища и выслушавъ обѣдни въ Лобкахъ, прибылъ въ Гринювъ, где отобѣдавши, поехали вкупѣ зъ Федоромъ Шираемъ до Стародуба и тамъ прибывши, заехали до Григоріевой Скорупиной, куда пріездила къ намъ и капитанша

Ланкова для помянутого розговору и постановили писать къ Валкевичу о прибытіи и его въ Стародубъ.

30. Съ тимъ писмомъ нашимъ ездилъ къ Валкевичу Михайло Ширай и привезъ отъ него отвѣтъ. Рано были у мене судія и писарь полковые зъ другими, а отобѣдавъ у Скорупиной, какъ пришолъ въ свой домъ, то у мене-жъ была Іванова Миклашевская сторони долгу отъ ней намъ належного и войтъ зъ майстратовыми, а рано былъ Артемъ Тищенко. Потомъ заездилъ я до капитана Ланка и въ дворъ свой шинковный противъ важницы, а послѣ къ лѣкару Консу, которій сину моему и книжки одной нѣмецкой позичилъ и де которые далъ ему-жъ на болячку, а мнѣ на цингу лѣкарства. Таже отехавши зъ Стародуба, прибылъ въ Левенку позно и тамъ у Александра Корецкого заночовалъ.

31. Тамъ въ Левенцѣ обѣдалъ, что за дозчемъ ехать было нельзя, а по обѣдѣ пожегнавшись зъ обома Корецкими и взявши у нихъ два дзигарки до направы, отехалъ и прибылъ завременно въ Городище.

Септеврій.

1. Посланы книжки до Александра Корецкого: 1) Гербаръ [200]), 2) о перегринаціи князя Радзівѣла до Іерусалиму [201]), 3) Демокритъ, вѣршами полскими, и писмо къ нему-жъ писано.

2. По доношеніямъ отъ Афанаса Сковпня на Василя Глушачонка писалъ къ дядѣ его Озерскому о учиненіи справедливости, а на Стефана Пригаровского до сотника новомѣстского о изслѣдованіи, тако-жъ и по доношенію на Сковпня отъ жителей лотоковскихъ, и оные писма отправлены чрезъ Івана Дащенка и чрезъ Сковпня при писмѣ до Кудрицкого.

3. Писмо до капитана Козлова и хоружого полкового чернѣговского Івана Булавкина, писанное прошлого августа 26, о скуплѣ

---

[200]) Разумѣется вѣроятно или книга Папроцкаго: Herby rycerstwa Polskiego (Kraków, 1584) или Нѣсецкаго: Herby i familie rycerskie (Lwów, 1728—1743).

[201]) Извѣстное сочиненіе князя Николая Криштофа Радзивила (Сиротки) Hierosolimitana peregrinatio, имѣвшее нѣсколько польскихъ переводовъ, 1607, 1683 и другихъ г.г.

лотоковской и подлинные купчіе зъ точными копіами, посланы въ Погаръ чрезъ Каврайского. Мелникъ въ дворѣ Мовчановомъ въ Суходолѣ мешкавшый и Василь Мовчаненко за свои проступства наказаны кіемъ и посланъ мелникъ на Василювку, а Василю приказано быть при домѣ.

4. Поутру былъ у мене въ Городищѣ Сава Барлуй и взялъ купчую Івана Горленка лукинского зъ 2 старинными его-жъ купчими, да купчой шаповала погарского копію, а по обѣдѣ былъ у мене-жъ хоружій полку черниговского Іванъ Булавкинъ.

5. Послѣ обѣдни было молебствіе ради тезоименитства ея імператорскаго величества и обѣдалъ у мене хоружій полку черніговского Іванъ Булавкинъ.

6. Весь день прибирался къ ездѣ до Глухова и писано представленіе въ коммиссію слѣдствія о скупляхъ, взглядомъ скуплѣ нашей лотоковской [202]). Оставлены у Каврайскаго для росходу дворового 28 р. 38 к.

7. Рано поутру распорядивши де що надлежитъ въ дворѣ, отехалъ къ Глухову, а при отездѣ оставлены панеи 5 р. Попасали коней противъ Ковпинки, прибылъ ночю въ Новгородокъ.

8. Купилъ 10 четвертей ванны у Гойской и данъ ей 1 р., а на покупку писчей бумаги въ Шатрищахъ данъ 1 р. хоружему сотенному новгородскому. Зъ Новгородка писано къ сину Василю и къ старостѣ перегонскому о посилки туда подводъ по оную купленную ванну. По выслушаніи въ монастырѣ обѣднѣ и отобѣдавъ у намѣстника, поехалъ и прибылъ позно въ монастырь гамаліевскій, где и ночовалъ.

9. Прибылъ въ Глуховъ и вечеромъ былъ у г. Скоропадского, где видѣлъся и зъ писаремъ Безбородкомъ и асауломъ Валкевичемъ енералными, такожъ зъ полковникомъ лубенскимъ г. Апостоломъ, прибывшими сее-же ночи зъ Москви въ Глуховъ; отъ него-жъ и писмо Павла Скоруппы принялъ.

10. Рано былъ у генерала (которого и генералша ночю прибыла) и въ канцеляріи енералной и тутъ писалъ писма въ Москву къ Павлу Скоруппѣ и къ Алексію Подвисоцкому, сотнику козелецкому; потомъ былъ въ коммиссіи, а оттоль заезжалъ посѣтить бол-

[202]) См. Сулимовскій архивъ, стр. 214 и 216.

ного писаря полку лубенского Столповского. Обѣдалъ въ домѣ зъ сотникомъ мглинскимъ Лисаневичемъ; потомъ былъ у мене обозного енералного синъ Григорій Лизогубъ, зъ Москви пріехавшый. Отправлены Прокопъ и Грицко Дмитренки въ домъ зъ 4 конми, 2 возками и протчимъ, чрезъ которыхъ писано до жены, до сина Василя и до старости зъ Коврайскимъ о домовыхъ дѣлахъ, да къ Григорію Скорупнѣ, зъ приложеніемъ писемъ отъ сина его Павла зъ Москви. Жителю села Березы Гаврилу Тилогузенку, у которого гай на зрубъ наняли, дано рублей сѣмъ, а еще отъ насъ ему доводится 2 р.

11. Рано былъ у генерала, гдѣ видѣлься и зъ камординомъ г. Разумовскаго Пустотою [203]), который прибылъ зъ Москви, и подано мнѣ писмо отъ сотника Алексія съ обявленіемъ, что Михайла Танского упевнено полковничествомъ кіевскимъ.

12. Писалъ къ асаулу полковому кіевскому Шуму и оное-жъ писмо Подвисоцкого сообщилъ. Сего-жъ числа отправленъ маіоръ Полянскій для отказу волостей ропской и бакланской зъ принадлежности въ владѣніе г. Разумовского.

13. Обѣдалъ у мене сотникъ полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій, зъ которимъ и о дѣлахъ товкачовскихъ розговоровали; а вечеромъ былъ я у полковника полтавского г. Кочубея, который пріехалъ въ Глуховъ 11 сего теченія.

14. Рано обослалъ мене тотъ-же г. полковникъ Кочубей бариломъ вина. По обѣдѣ генералъ отехалъ до Кролевця на ярмарокъ, а я былъ ввечеру у п. Скоропадского и имѣлъ зъ Валкевичемъ розговоръ о Рубановцѣ, токмо суетный.

15. Послѣ обѣда зъ Глухова віехалъ къ Кролевцю на ярмарокъ и ночовалъ въ Тулиголовахъ и оттоль писалъ къ сотнику новгородскому, зъ посилкою челобитной термѣны, такожъ до жены и до сина писма послалъ.

---

[203]) Семенъ Ивановичъ Пустота, управляя потомъ имѣніями матери Разумовскихъ въ козелецкомъ уѣздѣ, разбогатѣлъ, женился на дочери слабинского сотника Ивана Тризны и получилъ чинъ войскового товарища. Затѣмъ купилъ у Терлецкихъ часть села Баклановой Муравейки (подъ Черниговомъ) и по смерти своей передалъ это имѣніе сыну Демьяну, который былъ женатъ на дочери бунчуковаго товарища Андрея Войцеховича и имѣлъ уже чинъ титулярнаго совѣтника За бездѣтствомъ Демьяна Пустоты († 1788) Муравейка перешла къ Войцеховичамъ.

16. Прибылъ въ Кролевецъ рано и отобѣдавъ у Федора Чуйкевича, ходили по ярмарку и нѣкоторые малые покупки справлены; вечеромъ былъ у Івана Гамалія, потомъ и онъ въ моей квартерѣ ужиналъ.

17. Зрану покуплены футра и протчіе покупки, а обѣдалъ у Івана Гамалія купно зъ Федоромъ Шираемъ; да рано-жъ былъ и у генерала и читалъ вѣдомости о учиненной прошлого августа 24 зъ войскомъ шведского генерала фелтмаршала графа фонъ Леси капитуляціи.

18. Віехавъ зъ Кролевця, заездилъ къ полковнику полтавскому г. Кочубею, у которого и обѣдалъ, и пили доволно, потомъ отехавши, прибылъ на ночъ въ Полошки, где и ночовалъ у вдовы Івановой Филоненковой.

19. Рано прибылъ въ Глуховъ, где засталъ сина Василя, пріехавшого зъ дому, и не былъ на службѣ за немощію; въ церквѣ же соборной была публикація отвѣтной грамоты, чрезъ депутатовъ присланной, и вѣдомостей о прогрессахъ армія нашей въ Финляндіи и молебствіе.

20. Рано былъ въ коммиссіи свода и обѣдалъ въ домѣ; да сего-жъ числа почалъ знову синъ Василь ходить для ученія французского языка къ інформатору. Сего-жъ числа Петру Гаврилову Ковалю, жителю глуховскому, позиченъ 1 р. на мѣсяцъ. Какъ хотѣлъ наказаніе учинить кухарю за пянство, то обявилось, что вина бочку страчено Іосифомъ, що и по осмотру такъ показалось.

21. Писалъ писма въ Москву къ п. Скорупиѣ зъ посылкою и отъ отца его писма-жъ, да къ Андрею Горленку, чрезъ служителя его. Інформатору, обучаючому сина нашего Василя по французскому, даны 2 р.

22. Дано для позлоты шесть кубковъ срѣбныхъ Александра Корецкого и три червонные золотару Івану Алберку іноземцю; да для насъ на роблене шести ложокъ—срѣбра выжоги 30 золотниковъ, тинфами 46, талярами битыми 13, въ ложцѣ старой 17 золотниковъ, и того всего 106 золотниковъ, который обѣцалъ всю ту роботу здѣлать за три недель. Даны до здѣланя два куптуши кравцю Неделченку, одинъ кармазиновый суконный, другій зъ меніоного канавацу.

23. Была публикація о дѣйствіяхъ благополучныхъ арміи императорскаго величества въ Финляндіи и о учиненной съ войскомъ шведскимъ капитуляціи по службѣ Божой и благодарственный молебень при трикратной пушечной стрѣлбѣ; потомъ былъ банкетъ у генерала при палбѣ-жъ съ мартировъ; а послѣ обѣда жиды металники разные показывали фидлѣ. Съ Винденками о забратю ими сѣна былъ споръ въ поранку.

24. Данъ шить мундиръ сину Василю красный и на потребы до того мундѣра кравцю Максиму даны 2 р. Позичилъ сынъ Василь у сотника глуховского Даміана Турянского сина книжку граматику нѣмецкую съ русскимъ. Освобожденъ съ канцеляріи міністерской атаманъ чаусовскій Бобовъ, который взятъ былъ туда по дѣлу съ старостою евдоколскимъ Старжинскимъ.

25. Съ писемъ, писанныхъ отъ нашихъ депутатовъ съ Москви, пришло извѣстіе, что опредѣлены архіерсями въ Чернѣговъ: Амвросій Дубневичъ, въ Бѣлгородъ—митрополитъ яскій Антоній, санктъпітербурскимъ и шлютелбурскимъ архіепископомъ Никодимъ Сребніцкій, митрополитомъ московскимъ и володимирскимъ епископъ могилевскій Іосифъ Волчанскій, крутицкимъ архіепископомъ Платонъ Малѣновскій да намѣстникъ Тройцы Сергіева монастыря Антоній Нарожневскій митрополитомъ сібирскимъ.

26. Учиненъ сговоръ дочери енералской Аскитереи Івановнѣ за полковника харковского Стефана Івановича Тевяпова, для якой оказіи и банкетъ былъ у генерала, при пушечной палбѣ, по обявленіи того сговора, и до позна гуляли довольно.

27. Ради вчорашного шумства принужденъ весь день, неисходно съ дому, валяться и никуда не віежалъ.

28. Писалъ до Максима Турковского сторони токаря, уговореного дѣлать 300 балясъ до будинку городиского, чтобъ тотъ токаръ не требовалъ отъ насъ къ той роботѣ человѣка, но самъ-бы себѣ наймалъ-ли, или другимъ образомъ искалъ, а за то хотябъ ему надъ учиненный уговоръ и прибавить плати; и тое писмо для пересилки отдано сотнику мглинскому Лисаневичу.

29. Данъ крестъ деревяній церквѣ Воздвиженской городиской для оправы въ срѣбро золотарю Матвію Матюшу и срѣбра дано чарку да рубль, вѣсомъ о пять лотовъ съ неболшимъ. Писаны писма: 1) до судівной полковой миргородской Параскевіи Остроградской

зъ отсылкою книгъ двохъ латинскихъ: Августина и о императорахъ римскихъ, 2) до старости товкачовского о присилки денегъ и протчего. Званы на свадбу помянутого полковника Тевяшова, который вѣнчалъся зъ генеральскою дочерю въ церквѣ Варвары святыя въ 5 часу по полдни, а послѣ былъ банкетъ у генерала при пушечной палбѣ и за полночъ гуляли.

30. Знову былъ банкетъ у генерала при пушечной палбѣ и такожъ до вечера гуляли.

Мѣсяцъ октоврій.

1. Писалъ писма въ домъ чрезъ Романа Гапонова и коней 7, такожъ разные вещи, въ томъ числѣ и полсукенца 13 локотъ Александру Корецкому купленного, послано чрезъ него-жъ при писмѣ, да и до Ширая писалъ-же о Рубановцѣ; а у генерала и сегодня былъ банкетъ, отъ которого вечеромъ пріездилъ ко мнѣ въ домъ судія генеральный Федоръ Лисенко. На покупку лоя и другихъ вещей розышлось сегодня 2 р.

2. Былъ я въ коммиссіи, обѣдалъ въ домѣ, а ввечеру присилалъ брегадиръ Іванъ Кондратовичъ Ілінъ просить на завтрее къ себѣ обѣдать.

3. Рано прибылъ староста товкачовскій Ілія Паленскій и привезъ денегъ 80 р. Обѣдали зъ генераломъ у брегадира, где и штатскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Панинъ былъ зъ протчими нашими. Сего-жъ числа утѣкъ возница Ілія и знесъ кожухъ, черкеску зъ парусного полотна. чоботы, смушъ баранѣй, гребло, попону новую, Савкины штаны, оботей ремѣнныхъ 2, ветчины плѣчко.

4. Обѣдали зъ снераломъ у полковника Андрея Тимофіевича Тютчева. Куплено дранѣ 158, за которорую дано 1 р. 47½ к.

5. Генералъ купналъ обѣдъ у индуктаря Романа Яненка зъ протчими, а я не былъ тамъ, ради бывшихъ передъ тимъ частихъ трактаментовъ, и другіе наши не были-жъ. Конѣ Антонія Ботарского, которые были пропали, приведены зъ дому Піроцкого.

6. Подводы и теслѣ зъ Товкачовки пришли. Купчая Якову Чижевскому на футоръ Артополотскій написана и зъ старими на тотъ же футоръ купчими для отдачи ему вручена старостѣ товкачовскому Ілію Паленскому. На подводахъ токавчовскихъ привезено барановъ 4, гусей 10, утокъ 9, каплуновъ 23, фаску масла, фаску сира неповную, качковаловъ 5, плахту.

7. Старости-жъ товкачовскому дано клеймо железное коней и скоть клеймовать, да двѣ лѣбри паперу на тамошный дворовый росходъ.

8. Посланы писма въ домъ до жены и до Каврайского зъ старостою о бѣжавшомъ паробку Іліи, о которомъ приложено писмо-жъ и до Григорія Бороздны въ Ярцевъ. Староста товкачовскій Паленскій отехалъ зъ Глухова обратно, которому на покупку подездковъ даны 30 р., и чрезъ него-жъ писалъ сотникъ полковый Стефанъ Лукомскій о дачи козака, когда востребуетъ.

9. Подскарбій енеральный Константинъ Федоровичъ Ушаковъ простился со мною, отежджая въ Москву. Наметнику, которій зъ парусного полотна дѣлаетъ наметъ намъ, дано на тясму 1 р. 50 к., кромѣ прежде даного ему-жъ рубля денегъ.

10. Обѣдали у мене Андрей Думитрашко и Григорій Іваненко, бунчуковые товарищи, зъ сотникомъ мглинскимъ Лисаневичемъ, и зрана былъ у мене-жъ государынин пѣвчій Гаврило Матвіевичъ Головня, который у попадѣ Мойсѣевой засваталъ дочь. По обѣдѣ ездилъ къ Федору Савичу для посѣщенія въ его болѣзни, а отоль заездилъ къ капитану Бреклингу. Писма къ Москвѣ писанные до г. Новоторжцова 2, одно подъ 6, другое подъ 12 числами, зъ включеніемъ въ последнемъ табакерки и 15 червонцовъ, до Петра Лисаневича подъ 6, до п. Скурупны подъ 8 числами, запечатаны въ одинъ пакетъ, надписанный на имя Якова Марковича, зъ писмомъ къ нему-жъ, подъ датою 5 сего жъ мѣсяця, да особое писмо до отца Симона Тодорского, подъ числомъ 2-мъ и оные всѣ писма

11. Вручилъ пѣвчому вышеупомянутому Гаврилу Матвіевичу, который, за прибытіемъ своимъ въ Москву, обѣщалъ вручить въ цѣлости г. Марковичу. Сего числа ночю бѣжалъ кухаръ. За позументу золотого 5 цѣвокъ и полтретя золотника заплачено 7 р. 4 к., за 9 тертицъ 72 к., за роботу трохъ шапокъ 30 к. Писалъ писмо къ п. Скоропадскому чрезъ дядку дѣтского Івана Павлова.

12. Писаны писма къ женѣ и до старости зъ Каврайскимъ о домовыхъ дѣлахъ, да до Самоцвѣта о Антонію Ботарскомъ. Получилъ писмо и 2 календари Дунчевского отъ полковника полтавского г. Кочубея, чрезъ старосту его ярославского.

13. Оные писанные въ домъ писма и при томъ помянутій купленный золотій позументъ, тако-жъ писмо до Івана Гамалія въ

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала, и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Диптера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, присылавшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно сверять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіев. Старина“ принимается подписка на издающіяся во Львовѣ газеты:

1., „ДѢЛО.“ Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

2., „ЗОРЯ.“ Газета научно-литературная, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; цѣна съ пересылкою 6 р. за годъ и 3 р. за полугодіе. Адресъ редакціи: Львовъ, улица Фредра, № 3.